

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

ШУЛЯКИНА Юлия Сергеевна

**ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ХАРАКТЕР И ПОВЕДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕКА» В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент

Ольга Ивановна ЖМУРКО

Ярославль 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	11
§ 1.1 Антропоцентризм как активно разрабатываемый научный принцип современной лингвистики	11
§ 1.2 Диалектная языковая картина мира. Диалектное слово	33
§ 1.3 Лексико-тематическая и лексико-семантическая группировка лексических единиц как способ описания фрагментов региональной языковой картины мира	42
Выводы	50
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКА, НАЗЫВАЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО ХАРАКТЕРУ И ПОВЕДЕНИЮ, В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ	53
§ 2.1 Лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению	55
§ 2.2 Лексика, характеризующая человека по отношению к нормам нравственности	106
Выводы	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	166
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	186
ПРИЛОЖЕНИЯ	188

ВВЕДЕНИЕ

В рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания внимание лингвистов фокусируется на изучении языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью. Для данного исследования, безусловно, оказываются важными положения, представленные в работах отечественных ученых – Н. Д. Арутюновой, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Т. И. Вендиной, В. Г. Гака, Ю. Н. Караулова, В. В. Колесова, Е. С. Кубряковой, А. А. Потебни, В. Н. Телия, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, В. К. Харченко, А. Д. Шмелева, Г. Шпета, Л. В. Щербы и др., посвященных проблемам «человека в языке».

Устойчивый интерес современной лингвистики к человеческому фактору в языке проявляется, в частности, в обращении к проблемам языковой, в том числе диалектной, картины мира и национального своеобразия языкового отображения действительности. В этом отношении важное место занимает лексика, характеризующая человека, так как она непосредственно связана с человеческим фактором в языке и хранит богатую информацию о системе ценностей и традиций той или иной лингвокультурной общности.

В границах тематического деления лексики в ивановских говорах (под ивановскими говорами понимаются говоры Ивановской области в ее современных границах) может быть выделена характеризующаяся богатством лексического состава тематическая группа «Характер и поведение человека». Изучению лексики со значением личностных качеств человека, особенностей его характера и поведения на отдельных территориях России посвящены работы Н. Ю. Баженова (самарские говоры), Т. В. Бахваловой, Ю. А. Бессоновой (орловские), Ж. К. Гапоновой, С. Л. Гурской, Т. К. Ховриной (ярославские), Ю. Н. Грицкевич (псковские), Л. А. Климковой, Л. С. Коршуновой (нижегородские), Н. А. Красовской (тульские), Н. И. Кривовой, Т. А. Литвиновой, А. Д. Черенковой (воронежские), Е. А. Нивиной (тамбовские), Т. Е. Никулиной (костромские),

Л. Н. Новиковой (тверские), Ю. В. Седойкиной (брянские), И. С. Урманчевой (вологодские) и др. Если в лексикологических исследованиях, ведущихся в других регионах Российской Федерации (в том числе и в соседних Костромской, Нижегородской и Ярославской областях), лексика, характеризующая человека, неоднократно становилась предметом анализа, то лексическая составляющая тематической группы «Характер и поведение человека» на материале говоров Ивановской области специальному рассмотрению не подвергалась. Таким образом, комплексный анализ лексики данной тематической группы представляется актуальным.

Актуальность исследования определяется рядом факторов: 1) включенностью работы в общую антропоцентрическую парадигму современной лингвистики; 2) необходимостью исследования словарного состава русских народных говоров в разных аспектах, что связано прежде всего с созданием в настоящее время «Лексического атласа русских народных говоров»; 3) особым вниманием отечественных лингвистов (а также культурологов, социологов и этнологов, философов) к изучению понятийно-семантической сферы «Человек»; 4) важностью выявления по данным лексики говоров особенностей языковой картины мира, ценностных ориентиров, национально-культурных установок диалектоносителей; 5) недостаточной изученностью лексики, характеризующей человека, на материале ивановских говоров.

Объектом исследования является весь лексический состав тематической группы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области, полученный в результате опроса по «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (раздел «Характеристика личности и поведения человека по эмоциональному состоянию, умственным способностям и отношению к нормам нравственности»).

Предметом исследования стали семантика, способы образования, словообразовательная мотивация, семантические отношения наименований в

лексико-тематической группе «Характер и поведение человека», их способность к отражению мировосприятия носителей ивановских говоров.

Основным **источником** исследования являются материалы словарной картотеки по теме «Человек», которая хранится на кафедре русского языка и методики преподавания (бывшей кафедре общего и славянского языкознания) ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». Картотека содержит общерусскую и собственно диалектную лексику, собранную по «Программе Лексического атласа русских народных говоров», отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв. Для дополнительной верификации номинаций к анализу были привлечены полевые записи, осуществленные О. Р. Ростовым в Шуйском районе Ивановской области в 2011 – 2012 гг., а также материалы шуйского диалектолога Л. П. Батыревой и костромского диалектолога Н. С. Ганцовской, материалы словарной картотеки Лексического атласа русских народных говоров, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словаря русских народных говоров», «Ярославского областного словаря».

Материалом исследования послужили 592 лексические единицы и устойчивые сочетания, характеризующие человека по тем или иным качествам, особенностям характера и поведения, в говорах Ивановской области.

Цель работы состоит в комплексном семантико-словообразовательном анализе лексики тематической группы «Характер и поведение человека» как фрагмента русской языковой картины мира в речи диалектоносителей.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- 1) определить лексический состав наименований, характеризующих человека по тем или иным личностным качествам, особенностям характера и поведения, в ивановских говорах;

2) выявить и систематизировать наполнение соответствующих лексико-тематических подгрупп в составе лексико-тематической группы «Характер и поведение человека» в анализируемых говорах;

3) выделить в составе лексико-тематических подгрупп лексико-семантические группы и описать входящие в них лексические единицы с позиций семантики, способа образования, словообразовательной мотивации, особенностей функционирования, учитывая системные отношения в словарном составе народных говоров;

4) рассмотреть наименования черт характера и особенностей поведения в лексико-тематической группе «Характер и поведение человека» как средство репрезентации диалектной языковой картины мира и системы ценностей диалектоносителей.

Методологической основой исследования послужили базовые антропоцентрические концепции, дающие понимание сущности языка посредством обращения к миру человека; основополагающие теории, доказывающие своеобразие диалектных особенностей как репрезентации представлений человека, проживающего на ограниченной территории, об окружающем мире, о предметах, свойствах, явлениях, во взаимодействии с которыми он существует; фундаментальные идеи, раскрывающие общие сущностные характеристики языка и его системной организации.

Теоретической основой исследования послужили научные положения и идеи, изложенные в работах Р. И. Аванесова, Н. Д. Арутюновой, Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, Н. С. Ганцовой, А. С. Герда, К. И. Демидовой, Л. А. Климковой, Г. Г. Мельниченко, И. А. Оссовецкого, В. Н. Телия, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Ф. П. Филина.

Комплексный характер работы потребовал синтеза ряда **методов исследования**: *описательного*, состоящего в последовательном описании языковых единиц, объяснении их семантической и словообразовательной структуры; *сопоставительного*, заключающегося в сопоставлении лексики

ивановских говоров с говорами других областей (по данным «Словаря русских народных говоров», «Ярославского областного словаря» и словарной картотеки «Лексического атласа русских народных говоров»), что позволило выявить общие и специфические особенности исследуемых говоров, а также в сопоставлении с данными толковых и исторических словарей русского языка; приемов *словообразовательного* анализа лексики.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексного анализа лексики тематической группы «Характер и поведение человека» на материале говоров Ивановской области, которая до сих пор не являлась объектом специального лингвистического описания; выявлены характерные особенности организации лексико-тематических подгрупп и лексико-сематических групп, специфика функционирования лексических единиц указанного тематического объединения; проведены лексикографический анализ наименований, характеризующих человека по его постоянным действиям и качествам, и сопоставление материала ивановских говоров с данными других говоров и языковыми фактами общерусского распространения. В научный оборот вводится систематизированный материал народных говоров отдельного региона, исследуемый в русле антропоцентрических идей языкознания.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в изучение современной лексики русских народных говоров, в методику описания лексико-тематических подгрупп и лексико-семантических групп наименований, затрагивает важные вопросы особенностей их семантики и образования, дает возможность для реконструкции фрагментов языковой картины мира диалектоносителей и изучения менталитета как сельских жителей Ивановского края, так и других территорий в их языковом проявлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно продолжает работу по изучению современной лексики различных тематических групп в говорах Ивановской области, начатую учеными ФГБОУ ВПО

«Ивановский государственный университет». Полученные результаты могут быть использованы в лексикографической практике и лингвогеографических описаниях русских народных говоров при составлении региональных (областных) словарей и лексических атласов, в преподавании курсов русской диалектологии и современного русского языка (раздел «Лексикология»), при разработке спецкурсов и спецсеминаров по диалектной и исторической лексикологии, лексикографии, этнолингвистике, лингвогеографии. Материалы, положения и выводы исследования могут представлять интерес для широкого круга людей, интересующихся проблемой развития русского языка, народной культурой и традициями, а также учителей школ при проведении внеклассных мероприятий по языку, подготовленных с использованием регионального материала.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексика тематической группы «Характер и поведение человека» в ивановских говорах отображает как составляющие этнокультурной и языковой истории Ивановской области в ее прошлом и настоящем, так и состояние современного русского национального языка.

2. Современный говор представляет форму сосуществования в речи одной языковой личности элементов литературного языка, общерусского просторечия и собственно говора. Наблюдения за функционированием лексических единиц отчетливо показывают, что многие единицы в говорах можно охарактеризовать как диалектно-просторечные, т. е. содержащие на разных уровнях языка локально ограниченные и общерусские признаки.

3. Исследование лексики тематической группы «Характер и поведение человека» позволяет выделить в ее составе крупные блоки лексем (лексико-тематические подгруппы), отражающие характеристики: 1) человека как индивида (лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению); 2) человека как члена социума (лексика, характеризующая человека по отношению к нормам нравственности). Дальнейшая систематизация слов по лексико-семантическим группам наглядно

демонстрирует разнообразие синонимических, антонимических отношений и мотивационной связи между лексемами.

4. Своеобразие словообразования в тематической группе «Характер и поведение человека» состоит в том, что высокопродуктивным является морфологический способ образования слов. В качестве производящих для наименований в большинстве случаев выступают глаголы и прилагательные. Преобладание глагольной мотивации объясняется существенной ролью процессуальной составляющей поведения человека, адъективной – отражением признаков характера индивида. Метафорический перенос осуществляется чаще всего по зооморфной и фитоморфной моделям.

5. Анализ современной лексики говоров Ивановской области показывает, что характерной чертой тематической группы «Характер и поведение человека» является отсутствие четких границ в значении слов (одно и то же наименование может быть включено в разные лексико-семантические группы), что приводит к смысловым переходам от одной лексико-семантической группы к другой.

6. С оценочной точки зрения подавляющее большинство групп и лексических единиц, характеризующих человека, дают ему негативную оценку, что соотносится с представлениями диалектоносителей о норме, в соответствии с которыми языковую маркированность получают неприемлемые, не отвечающие жизненным устоям, не вписывающиеся в норму явления.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации представлены в виде докладов и сообщений на IX Международной школе-семинаре «Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века» (Иваново, 2011), юбилейной X Международной школе-семинаре «Life beyond Dictionaries» (Иваново, 2013), Международной научной конференции «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней» (Иваново, 2012), Международной научной конференции «Ярославский текст в пространстве диалога культур» (Ярославль, 2014), V Всероссийской научной конференции «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура

– воспитание» (Иваново, 2011), VI Всероссийской научной конференции «В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – образование» (Иваново, 2014), Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти канд. филол. наук, доцента А. Н. Борисовой, «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, 2011), Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров» (СПб., 2011), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» (Арзамас, 2012).

Цель и задачи исследования определили **структуру работы**. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, лексикографического списка и двух приложений.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 1.1 Антропоцентризм как активно разрабатываемый научный принцип современной лингвистики

Проблема соотношения языка и мышления, взаимосвязи языка и культуры находится сегодня в центре внимания ученых разных направлений гуманитарных наук. Обращение к теме человеческого фактора в языке, как отмечает В. И. Постовалова, «свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, – о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики "имманентной" с ее установкой рассматривать язык "в самом себе и для себя", к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8].

Антропоцентризм как особый принцип исследования, господство которого роднит лингвистику со многими другими науками, причем не только гуманитарными, заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова 1995: 212].

Признание человека тем феноменом, который определяет и консолидирует науку о языке, произошло благодаря исканиям многих поколений лингвистов, начиная с В. фон Гумбольдта (1767 – 1835).

Лингвистическое учение Гумбольдта оформилось в русле идей немецкой классической философии. Гумбольдт применил к анализу языка диалектический метод, в соответствии с которым мир рассматривается в развитии как единство противоположностей, как целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами отдельных явлений. Гумбольдт развивает применительно к языку идеи деятельности, деятельного начала в человеке, активности человеческого сознания, идеи единства чувственного и рационального познания. Эти идеи, так же как идеи единства сознательного и бессознательного в познавательной, творческой деятельности, нашли выражение в лингвистической концепции Гумбольдта. Наиболее полно она представлена в его основополагающем труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1830 – 1835) [Гумбольдт 1984].

Определяя язык как предмет языкознания, Гумбольдт видит в нем особый мир, выступающий посредником между миром внешних явлений и внутренним миром человека. В понимании функций языка Гумбольдт исходит из его активной роли в духовной деятельности: «Общий закон существования человека в мире состоит в том, что он не может породить ничего, что немедленно не превратилось бы в фактор, оказывающий на него обратное воздействие и обуславливающий его дальнейшее творчество» [Гумбольдт 1984: 227]. Поэтому функционально «язык – не просто средство обмена, служащее взаимопониманию» [Там же: 171], «не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей» [Там же: 51] и не просто средство выражения мышления.

Наивысшей и наиважнейшей точкой языкознания Гумбольдт считает решение вопроса о том, «обладают ли языки какой-либо формой духовного воздействия» [Гумбольдт 1985: 372], в частности, «предполагает ли или обуславливает определенная ступень развития языка определенный уровень культуры?» [Там же: 383]. Для решения этого вопроса, по мнению Гумбольдта, следует объединить в научном рассмотрении характер народа, субъективный характер индивидуальности и характер языка. Эти понятия входят в один

синонимический ряд с такими понятиями, как духовная, интеллектуальная, умственная деятельность, духовное, интеллектуальное своеобразие народа, духовное начало, духовные особенности нации, духовная сила народа. Как отмечает А. Н. Портнов, «под влиянием идей немецкого романтизма он <Гумбольдт> склоняется к понятию некоего «духа народа», определенного творческого начала нации, находящего свое воплощение в каждом данном национальном языке. Язык нации, формируемый, как признает сам Гумбольдт, и культурой, выступает как априорное условие сознания и познания (...), кроме того, через него действует и специфический национальный дух, создающий особое видение мира в средствах данного языка» [Портнов 1994: 39]. Хотя Гумбольдт отождествляет дух с сознанием, не исключено, что понятие охватывает и область бессознательного. Во взаимоотношениях между языком и духом в полной мере проявляется диалектический метод Гумбольдта.

Таким образом, внутренняя духовная деятельность и язык находятся в отношениях взаимовлияния, тесной и неразрывной взаимосвязи. В результате постоянного взаимодействия вырабатывается единство языка и духа. Наконец, на определенном этапе языкового развития между духом и языком устанавливается своего рода тождество: «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984: 68].

В. фон Гумбольдт предложил самостоятельную и целостную теорию природы языка, наметил задачи лингвистической науки, ее место в ряду гуманитарных дисциплин. Его теорию можно охарактеризовать как синтезирующую, т. к. она является обобщающей для всего догумбольдтовского периода развития языкознания.

Дальнейшее развитие синтезирующий подход к языку и его теории получает в лингвистических концепциях А. А. Потебни (1835 – 1891) и И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845 – 1929).

Опираясь на идею активности человеческого сознания, Потебня развивает учение Гумбольдта о языке как деятельности и образующем органе мысли, о его

творческом характере, о противоречивом единстве в языке субъективного и объективного, индивидуального и социального начала.

Место языкознания в системе наук определяется Потебней исходя из единства языка, человека и природы. Согласно Потебне, языкознание – наука гуманитарная. Ее лидирующее положение в ряду гуманитарных наук объясняется тем, что «мы не знаем человека до языка. Язык предшествует всем остальным специально-человеческим деятельности» [Потебня 1989: 202]. И языкознание, поскольку оно изучает элементарные формы мысли, по отношению ко всем наукам о человеке «есть наука основная, рассматривающая, исследующая тот фундамент, на котором строятся высшие процессы мысли как научного характера, так и художественного» [Там же: 204].

Главной проблемой, интересовавшей Потебню на протяжении всей его творческой деятельности и нашедшей отражение во всех его трудах, была проблема соотношения языка и мышления. В работе «Мысль и язык» Потебня ставит перед собой задачу проследить механизм объективирования чувственных данных индивидуальной психической жизни как процесса последовательных форм человеческого познания. В рамках этой общей схемы он строит теорию поэзии и прозы, искусства и науки. Речь идет о разработке проблем психологии художественного и научного мышления.

Потебня принимает положения Гумбольдта о творческой роли языка, но что касается конкретных проблем развития и становления языка в целом и отдельных его элементов и категорий, то здесь он следует положениям психологизма. Более того, Потебня пытается интерпретировать и развивать идеи Гумбольдта с позиций психологизма.

В работе «Мысль и язык» Потебня выступает прежде всего как последователь идей Гумбольдта, утверждая вслед за ним, что поэзия и проза, искусство и наука обретают жизнь в языке и обусловлены языком. Потебня сформулировал доминантную для своего научного творчества идею о языковой деятельности человека как о творческом познании мира и об изначальной

«художественности» этого процесса. «...Язык есть полнейшее творчество, какое только возможно человеку, и только потому имеет для него значение...» [Потебня 1989: 198]. Эпиграфом к сборнику работ А. А. Потебни «Теоретическая поэтика» избраны слова замечательного филолога: «Слово только потому есть орган мысли и неперенное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения» [Потебня 1990].

Последовательно развивает системный подход к языку и другой замечательный ученый-славист И. А. Бодуэн де Куртенэ. Теоретические основания нового мировоззрения Бодуэн де Куртенэ возводит к В. фон Гумбольдту, И. Ф. Гербарту и Ч. Дарвину: «философские построения Гумбольдта и применение психологии Гербарта и др. к исследованию языковых представлений постепенно придали языкознанию свойственный ему характер подлинной науки, в основе которой лежит психологический подход к языку; ... теория Дарвина и теория эволюции вообще, распространившиеся в последнем столетии, благоприятно влияли на представления языковедов о жизни языка» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 4–5].

Бодуэн де Куртенэ в своих лингвистических исследованиях сосредоточил внимание на процессах, происходящих при реализации языковой системы в индивидуальной речи. Для него реально существуют отдельный носитель языка, индивидуальная психика, индивидуальный язык как совокупность произносительных и слуховых представлений, соединенных с другими лингвистическими и нелингвистическими представлениями. Бодуэн де Куртенэ призывает рассматривать как реальную величину не язык, абстрагированный от людей, но человека как носителя языкового мышления, что найдет впоследствии столь плодотворное развитие в психолингвистике XX в.

Вместе с тем Бодуэн де Куртенэ специально подчеркивает нераздельность в языке индивидуального и общего: то, что предстает в индивидуе, является одновременно и общим, общечеловеческим. И в основе этого общего лежит

одинаковость психических особенностей у всех индивидов и общность как признак социума. Язык для Бодуэна де Куртенэ – проявление жизни человечества, ее общественное, психически-общественное проявление, ибо «язык принадлежит всецело к области явлений социально-психических» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 118]. Психический и социальный мир неразделен. «Психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц» [Там же: 191]. Поэтому можно констатировать существование не психического и социального мира, а единого психосоциального мира. Отсюда языкознание определяется Бодуэном де Куртенэ как психическо-социальная наука [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 353].

Бодуэн де Куртенэ принимает учение Гумбольдта о языке как своеобразном мировоззрении: «в языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, т. е. мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 79].

Языкознание восприняло и развивает многие мысли Бодуэна де Куртенэ. Положения Бодуэна де Куртенэ о языке как социальном явлении, его внимание к общественным факторам в жизни языка в известной мере предвосхитили концепцию сформировавшейся позднее социологической школы, согласно которой язык есть идеальная лингвистическая форма, тяготеющая над всеми индивидами данной социальной группы.

Прямым последователем И. А. Бодуэна де Куртенэ, основные идеи которого развивал на протяжении всей своей жизни, был выдающийся языковед, академик Л. В. Щерба (1880 – 1944).

По мнению Щербы, в языковых явлениях следует различать 3 аспекта: 1) речевую деятельность, 2) языковую систему (язык) и 3) языковой материал (тексты). Речевой деятельностью он называет процессы говорения и понимания,

«всячески подчеркивая при этом, что процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком» [Щерба 1974: 24–25]. Языковые системы – это «словари и грамматики языков», которые «будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания». Последние же в такой их функции рассматриваются Щербой в качестве языкового материала. Языковой материал – это «не деятельность отдельного индивида, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это "тексты"» [Там же: 26]. Языковой материал оказывается первым и важнейшим, непосредственно доступным объектом языкознания. В исследовании его возможен и необходим эксперимент, что представляет важное преимущество лингвистики перед другими гуманитарными науками. Языковой материал в литературных текстах и в записях разговорной речи, в словарных фондах был постоянным объектом исследований Щербы.

Имплицитно в работе Щербы содержится и четвертый аспект – психофизиологические речевые организации (индивидуальные системы общих языковых представлений, индивидуальные отражения языковой системы). Представляется, что Щерба отнюдь не случайно не рассматривает речевую организацию наряду с тремя эксплицитно обозначенными им аспектами языковых явлений. По-видимому, это понятие, хотя и часто используемое в работе, оставалось для него все же не вполне определенным, что проявляется в достаточно большом количестве разнообразных терминов, употребляемых для обозначения соответствующего явления: *речевой механизм человека – психофизиологическая речевая организация индивида – психофизиологическая организация человека – индивидуальная речевая система – система потенциальных языковых представлений – система языковых представлений –*

индивидуальная языковая система.

Весьма показательным является проходящий через всю работу Щербы конфликт по линии социальное – индивидуальное, возникающий главным образом в связи с последовательным и принципиальным противопоставлением языковой системы (социальное) и психофизиологической речевой организации (индивидуальное). Последняя, по Щербе, являясь индивидуальным проявлением языковой системы, в идеале «может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно назвать "индивидуальными языками", если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность...» [Щерба 1974: 27].

В то же время, отказывая речевой организации в праве называться языком, языковой системой исключительно на том основании, что система языковых представлений является чем-то индивидуальным, а в языковой системе мы имеем некую «социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы» [Там же: 27], Щерба утверждает, что «эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом» [Там же: 25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что психофизиологическая речевая организация – это обуславливающая речевую деятельность индивидуальная система общих языковых представлений (идиоязык), являющаяся социальным продуктом, возникающим на основе того же языкового материала коллектива, что и языковая система.

Вслед за Л. В. Щербой выдающийся российский философ Густав Шпет (1879 – 1937) оказал огромное влияние на развитие семиотики и философии языка. К проблеме языка (понимания языковых выражений, понимания действительности с помощью языка) Шпет обращается в работах 20-х годов,

прежде всего во «Внутренней форме слова» (1927) и «Эстетических фрагментах» (1922).

Основу «Внутренней формы слова» составляет исследование языка как одного из основных методов понимания психологии социального бытия. Язык, по мнению Шпета, порождается не только необходимостью общения, но и чисто внутренними потребностями человечества, лежащими в самой природе человеческого духа, и при этом он имеет независимое, внешнее бытие, оказывающее влияние на самого человека.

«Внутренняя форма слова» в значительной степени связана с идеями В. Гумбольдта о роли языка в познании мира. Одна из главных тем «Внутренней формы слова» – это языковое сознание. В этой связи Шпет обращает особое внимание на онтологию языка. Гумбольдт связывал происхождение языка с потребностью во взаимопомощи и свободном общении людей друг с другом. Шпет отмечает, что «хотя мы ничего не знаем ни о возникновении самого языка, ни о зарождении такого рода потребностей, но сам круг их обрисован правильно» (цит. по [Портнов 1994: 303]). В отношении функций языка возможно было бы, полагает Шпет, предположить следующую последовательность: сначала язык выступает как средство организации совместной деятельности, затем – «для достижения целей самого общения», т. е. для свободного самовыражения человеческого духа. Эти функции языка, указывает Шпет, делают его подлинно «социальной вещью среди других социальных вещей», подчиняют его «собственной телеологии общества», всего целого «социальной организации и среды» (цит. по [Портнов 1994: 303]).

Для Шпета всякое мышление, которое заслуживает права называться человеческим мышлением, изначально, языково. Но не в том смысле, что «нет мысли без языка», а в том, что сам язык понимается им как механизм оформления мысли, включающий два основных уровня. К первому принадлежит «внутренняя форма» как форма «мыслимого, понимаемого, смысла, как он передается, сообщается, изображается». Эта форма придает смыслу качество сообщаемости.

Она не совпадает с внешними формами – фонетическими, морфологическими, синтаксическими. Последние суть только «формы передачи», т. е. «чисто» словесные формы языка как средства общения. Их собственное значение не в смысле передаваемого, а в них самих, они суть формы «не предмета, о котором идет речь, а самой речи, как вещи, имеющей свою формально-онтологическую конституцию» (цит. по [Портнов 1994: 308]). Это второй уровень механизма оформления мысли. Языковое сознание, по Шпету, как оно раскрывается через механизм внутренней формы, и есть «словесно-логическое сознание закономерностей жизни и развития языка в целом» (цит. по [Портнов 1994: 309]).

В «Эстетических фрагментах» Шпет строит вполне оригинальную теорию значения слова. Слово, по Шпету, – это прежде всего «архетип культуры», а сама культура – «культ разумения», следовательно, «слово – воплощение разума» [Шпет 1989: 380]. Слово воспринимается не только как природное явление, но также как «факт и "вещь" мира культурно-социального» [Там же]. Слово говорящего или пишущего понимается как признак наличности культуры и принадлежности к определенному более или менее узко очерченному кругу культуры, отмеченному единством языка. Если этот язык нам знаком, то происходит выделение и узнавание фонетических, лексических и семасиологических параметров, а затем на этой основе понимание смысла слова, помещение его в некоторый нам известный и нами понимаемый «смысловой и логический номинативный (называющий вещи, лица, свойства, действия, отношения) контекст» [Там же: 387]. Кроме того, особо отмечает Шпет, возможен целый спектр случаев, когда на прямой смысл, содержащийся в слове, накладывается также стремление скрыть свое душевное состояние либо воспроизвести в актерской игре определенные чувства и эмоции.

Шпет многократно возвращается к мысли о том, что в структуре слова, словесной мысли мы имеем дело с новым качеством – не с чувственным восприятием, не с представлением, а с «умственным, интеллектуальным восприятием», слово «относится не к чувственной, а к интеллектуальной

данности», за ним стоит «нечто презентующее, достигаемое не по указательному персту, не по чувственной, а по интеллектуальной интуиции» [Шпет 1989: 387].

Философия языка Шпета положила основание новой философии культуры. В центре ее стоит проблема творческого понимания, истолкования смысла. Разработка методов интерпретации «смыслов» и «текстов» культуры сделала Шпета лидером герменевтического направления в России, которое развивалось его усилиями в том же направлении, что и в европейской мысли (Э. Гуссерль, В. Дильпей, Р. Ингарден, М. Хайдеггер). Представления Шпета о слове как шифре культуры, закодированном сообщении, его учение о морфологии эстетического сознания стали определяющими идеями для формирования целой школы филологов и лингвистов: так называемые «московский» и «пражский» кружки 20-х гг. Фактически Шпет стал в России основоположником философии языка.

В конце XX века «заново» открытые идеи антропоцентризма получили бурное развитие в русле актуальных для современного языкознания когнитивного и лингвокультурологического направлений, составляющих часть антропоцентрической (антропологической) лингвистики. В центре исследовательского внимания оказываются отношения языка и культуры, ибо всякое изучение языка своим предметом имеет культуру, а также сложные отношения языка и мышления, так как именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам.

Тезис известного российского лингвиста Г. О. Винокура о том, что «всякий языковед, изучающий язык <...> непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959: 211], – убедительно подтверждается всей историей лингвистической мысли, начиная с того времени, когда языковедение становится самостоятельной областью научного поиска.

В 1941 г. увидела свет программная статья Г. О. Винокура «О задачах истории языка», которая позже вошла в его «Избранные работы по русскому языку» (1959). В ней четко сформулировано несколько глубоких идей, связанных с проблемой «Язык и культура».

«Язык есть условие и продукт человеческой культуры», – таков исходный тезис лингвокультуроведческой концепции Г. О. Винокура, суть которой составляют несколько положений. Общие законы культурного развития человечества, равно как и законы человеческого языка вообще в силу местных условий проявляются разновремененно и своеобразно, и потому конкретная история каждой культуры и созданного этой культурой языка мало похожи на остальных. Язык в качестве пережитка способен сохранить следы породившего его этапа культурного развития. Язык – один из продуктов духовного творчества данного культурно-исторического коллектива – народа – стоит в одном ряду с письменностью, наукой, искусством, государством, правом, моралью, но при этом занимает особое положение, поскольку он одновременно составляет условие всех других культурных образований. У языка и истории народа, носителя этого языка, отношения сложные. Язык – не только зеркало истории народа, но и часть этой истории, одно из созданий народного творчества. Чисто лингвистический вопрос о характере и причинах языкового генезиса может быть решен только с учетом данных культурной истории народа.

Из сказанного следует, что история языка «есть наука культурно-историческая в абсолютно точном смысле этого термина» [Винокур 1959: 216]. Всякое изучение языка своим предметом имеет культуру. Язык, история и культура неразрывны и потому должны изучаться комплексно. Конкретный язык как индивидуальное и неповторимое историческое явление принадлежит индивидуальной культурной системе, а потому изучаться он должен «во всей полноте своих жизненных проявлений, отношений и связей» [Там же]. Даже если лингвист изучает данный язык с чисто языковедческой целью и не стремится с помощью языка получить доступ к явлениям культуры, находящим в языке свое

выражение, он уже изучает соответствующую культуру, причем самую нужную главу ее истории.

Немало плодотворных мыслей о связи языка и культуры высказано академиком Н. И. Толстым. По его мнению, отношения между культурой – прежде всего культурой народной – и языком могут рассматриваться как отношения целого и части. Язык может восприниматься как компонент культуры или орудие культуры, и в то же время язык автономен по отношению к культуре в целом и может рассматриваться отдельно от культуры или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом. Сравнение культуры и языка вообще и в особенности конкретной национальной культуры и конкретного языка обнаруживает некий изоморфизм (сходство) их структур в функциональном и системном плане. Сходство структуры культуры со структурой языка видится в том, что в обоих объектах можно обнаружить явления стиля, жанра, факты синонимии, омонимии, полисемии. В истории культуры, как и в языке, обнаруживаются процессы взаимодействия, наложения культур на культуры.

В конце XX столетия проблема «Язык и культура» перемещается в центр исследовательского внимания и становится одним из приоритетных направлений в развитии науки о языке. В Институте языкознания РАН утверждена программа «Язык и культура» (руководитель – академик Ю. С. Степанов). В 1999 г. Министерство образования РФ утвердило межвузовскую научную программу «Язык, культура и общество: комплексные исследования по социальной и культурной антропологии», одним из трех направлений которой стала «Лингвистика. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере». В 1999 г. языковые институты РАН выпустили по большой коллективной монографии, посвященной широкой теме «Человек – язык – культура». Это «Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке» и «Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии и семантики: Слово в контексте культуры». Работа группы московских лексикографов над томами «Словаря

русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.) выявила громадный культурологический потенциал этого труда.

Еще один из бесценных источников сведений о русском народе, его нравах, обычаях, укладе – «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), в котором представлена диалектная лексика и фразеология всех русских народных говоров XIX–XX столетий. С 1965 г., когда был издан первый выпуск СРНГ, по настоящее время является актуальной задача отечественных диалектологов по составлению СРНГ, а также региональных атласов, отражающих словарный состав говоров отдельных регионов России. Лингвогеографическое изучение диалектной лексики получило особое развитие с конца прошлого века в связи с созданием «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), пробный выпуск которого увидел свет в 2004 г. Это совместный труд РАН (координатором проекта является Институт лингвистических исследований, г. Санкт-Петербург) и вузов Российской Федерации, в котором активное участие принимает и ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет».

Свои права на разработку лингвокультурной проблематики заявила *этнолингвистика*, изучающая взаимодействие лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Этнолингвистика как направление и как определенный подход к языку сквозь призму его духовной культуры возникла в первой трети XX в. и была связана с именами этнографа Ф. Боаса и языковеда и этнографа Э. Сепира, изучавших языки, лишенные письменной традиции, – языки и культуру американских индейцев. Среди выдающихся отечественных ученых, стоящих у истоков этнолингвистики, следует назвать Н. П. Гринкову, Д. К. Зеленина, С. Ф. Карского, Б. А. Ларина, А. А. Шахматова [Герд 1995: 4]. Современная этнолингвистика представлена преимущественно школой Н. И. Толстого. Эта новая дисциплина ставит и решает вопросы языка и этноса, языка и культуры, языка и народной ментальности, языка и мифологии. Этнолингвистику интересует роль языка в формировании и функционировании народной культуры, народной психологии и

народного творчества. В широком плане этнолингвистика включает в себя диалектологию, язык фольклора, часть истории языка, связанную с исторической диалектологией, с культурной и этнической историей народа, а также почти все аспекты изучения языка как социального явления [Толстой 1995: 27–40].

В понимании Н. И. и С. М. Толстых этнолингвистика – дисциплина, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифологического творчества [Славянские древности 1995: 5].

Отмечая, что основные методологические установки лингвокультурологического анализа органично переплетены с методами и приемами этнолингвистики, и объясняя это обстоятельство тем, что последняя и по времени ее становления как особой дисциплины, и по временному срезу ее материала предшествует становлению лингвокультурологии, В. Н. Телия уточняет те различия, которые несомненно существуют между тесно переплетенными предметными областями, целями и задачами этих ответвлений социальной антропологии [Телия 1999: 15]. Различие между этнолингвистикой и лингвокультурологией видится в направлении анализа – диахроническом или синхроническом.

Вслед за Н. И. Толстым В. Н. Телия считает, что основные задачи этнолингвистики сводятся к реконструкции по данным языка культурных, народно-психологических и мифологических представлений и «переживаний» в их *диахроническом* движении, дающем богатый материал для сопоставления культур этнических сообществ (со ссылкой на Н. И. Толстого: [Телия 1999: 16]). Для лингвокультурологии же характерна *синхронная* ориентация, т. е. «исследование и описание взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой презентации» [Там же]. Целью лингвокультурологии В. Н. Телия считает выявление «повседневной» культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества. Сформулированы три задачи данной научной

дисциплины: 1) выявление способов проявления культурно маркированных сигналов; 2) уточнение понятия культурной коннотации; 3) разработка типологии культурных коннотаций [Там же: 17].

Автор учебного пособия «Введение в этнолингвистику» (1995) профессор А. С. Герд предметом этнолингвистики считает язык в его соотношении с этносом и этнос в его отношении к языку. Этнолингвистика – пограничная дисциплина, лежащая между языкознанием, этнографией и социологией. Цель этнолингвистики – показать, как язык в разных формах его существования, на разных этапах его истории влиял и влияет на историю народа, на положение того или иного этноса в современном обществе. Объектом этнолингвистики являются все стороны языка в его устной форме (фольклор, диалект, городская речь, паремии) и все многообразие письменных текстов. Задачей этнолингвистики является анализ пользования языком в различных языковых ситуациях в разных этносоциальных слоях и группах.

В итоге вся область разработки проблематики «Язык и культура» оказывается как бы поделенной на две иерархически рядоположенные исследовательские территории – этнолингвистическую и лингвокультурологическую. По мнению А. Т. Хроленко [Хроленко 2006], этнолингвистика и лингвокультурология соотносятся так же, как частное и общее языкознание. Этнолингвистика может быть русской, английской, польской и любой другой, а лингвокультурология национальной быть не может. Лингвокультурология – это философия языка и культуры. Объектом лингвокультурологии является язык и культура, что и отражено в корнях сложного термина. В этом плане лингвокультурология занимает место рядом с языкознанием и наукой (науками) о культуре, отличаясь от них собственным предметом. Предметом являются фундаментальные вопросы, связанные с преобразующей стороной связи языка и культуры: изменения языка и его единиц, обусловленные динамикой культуры, а также преобразования в структуре и

изменения в функционировании культуры, predetermined языковой реализацией культурных смыслов.

В России предпосылки формирования когнитивной лингвистики существовали еще в 20-е годы прошлого века: прежде всего это проблемы соотношения языка и мышления, традиции в изучении психологии речи. Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских авторов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Рэя Джакендоффа и ряда других. Подробнейшим и детальнейшим образом охарактеризованы труды этих ученых и развитие проблематики когнитивной лингвистики в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1994, 1995, 1997, 2004]. Труды Е. С. Кубряковой стали фундаментальными, они легли в основу когнитивной лингвистики в России.

По определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформации информации [КСКТ 1997: 53-55]. Именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам, причем вовсе не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому, что «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [Кубрякова 1997: 21]. Цель когнитивной лингвистики – понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией. Когнитивные исследования получили признание в России, как справедливо подчеркивает Е. С. Кубрякова, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2004: 11].

В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о нем, формируется некоторая модель, которая в философско-

лингвистической литературе именуется *картиной мира* (КМ). Под КМ в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании.

Картина мира как базисный компонент мировидения человека «формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе как члену этого мира, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству» [Постовалова 1988: 25-26]. Картина мира – это сложное, многоаспектное и комплексное явление, это система образов, результат переработки информации или представлений о среде и человеке, окружающей его объективной действительности [см.: Маслова 2001: 64; Соколовская 1993: 11]. Трактуют КМ и как ментальную репрезентацию культуры, в целом «всех сведений о мире как целостном образе, которыми располагает человек как культурно детерминированный тип, будь он индивидуальный или коллективный субъект» [Гришаева, Попова 2003: 24].

Картине мира во многом присущи характеристики, свойственные культуре: целостность, комплексность, многоаспектность, историчность, многообразие, полиинтерпретируемость, способность к овнешнению и другие. В ней сведения о мире структурированы и организованы иерархично, расклассифицированы и категоризованы по разным основаниям, отражая различные уровни абстрагирования и обобщения в познавательной деятельности человека.

Язык, связывая между собой слова в речи, объясняет содержание понятийной картины мира, выражает КМ и влияет на нее. КМ, которая отображает специфику человека и его бытия, взаимоотношения с миром, условия существования, шире, чем языковая картина мира, поскольку в ее образовании участвуют разные типы мышления. Проблемы сущности, структуры, репрезентации языковой картины мира разрабатывались и разрабатываются в работах зарубежных ученых (Л. Вайсгербер, А. Вежбицкая, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Б. Уорф и др.) и трудах современных отечественных лингвистов

(Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Г. Д. Гачев, Ю. Н. Караулов, Т. В. Цивьян, Н. Ю. Шведова, А. Д. Шмелев и др.). Идеи отражения окружающего мира в языке с учетом национально-культурной специфики в русской языковой картине мира посвящены исследования Т. И. Вендиной, Е. С. Кубряковой, Б. А. Серебренникова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцевой, Е. С. Яковлевой и других.

Понятийная картина мира определенным образом соотносится с *языковой картиной мира* (ЯКМ). Они сходны и тесно взаимосвязаны (Г. А. Брутян, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, Н. Г. Комлев, Р. И. Павилёнис, Г. В. Рамишвили, А. А. Уфимцева и др.). Взаимосвязь понятийной и языковой картин мира проявляется двусторонне: с одной стороны, человек познает действительность, отражает ее ментально, создавая тем самым свою картину мира как часть общенародной КМ; с другой стороны, язык, усваиваясь субъектом в процессе непосредственной коммуникации или в результате знакомства с письменными текстами, вводит личность в этническую, общенародную КМ. Языковая личность обязана организовать содержание высказывания в соответствии с той картиной мира, которая присуща данному языку. Она включает национально-культурный компонент, поэтому необходимо изучение региональной личности, являющейся не только «носителем менталитета народа, проживающего в данном регионе, но и служит средством его формирования, сохранения и обогащения» [Чернетских 2000: 33]. Мировоззрение носителей данного языка и формирование картины мира определяется национальной самобытной системой, которую образует язык. В русской языковой картине мира «человек мыслится прежде всего как динамичное, деятельное существо» [Апресян 1995: 38–39].

В широкий научный оборот понятие ЯКМ было введено Л. Вайсгербером. В статье «Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln» (1930) находим первую попытку его определения. «Словарный запас конкретного языка, – писал Л. Вайсгербер, – включает в целом вместе с совокупностью языковых

знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» (цит. по [Радченко 1997: 250]).

Исследователи могут по-разному определять понятие *языковая картина мира*, но все они предполагают, что человек находится в центре мироздания, и это обусловлено антропоцентрической научной парадигмой, предполагающей изучение языка с целью познания его носителя. Так, Е. С. Кубрякова пишет: «На долю лингвиста выпадает... строить предположения не только о том, какая система собственно лингвистических форм стоит за речемыслительной деятельностью, но и о том, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание» [Кубрякова 1994: 37]. В данной работе мы вслед за Н. Ю. Шведовой понимаем под языковой картиной мира «выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова 1999: 15]. Это определение четко выражает антропоцентризм языка: в нем подчеркивается творческий характер и динамизм языка, обусловленный осознанной деятельностью человека.

ЯКМ обладает сложной структурой, подчиненной отношениям иерархии, она «предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит человек; к этой

вершине обращены две главенствующие ветви: "сам человек, его жизнедеятельность и ее плоды" и "его окружение, сфера его существования": именно такое первичное членение соответствует восприятию человеком самого себя и того, что существует вокруг него и "для него"» [Шведова 1999: 15].

Е. С. Яковлева говорит о появлении в настоящее время целых направлений в рамках изучения ЯКМ того или иного этноса: а) типологические исследования: славянская языковая картина мира; балто-славянские исследования (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Торопов); изучение славянской языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры славян (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, С. Е. Никитина); б) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русском словообразовании (Е. А. Земская), в лексической семантике и прагматике (Ю. Д. Апресян, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, А. Б. Пеньковский, А. Д. Шмелев); своеобразие языка в зеркале метафоры и др. тропов (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия); исследование функциональной семантики оценки и средств ее выражения (Е. М. Вольф, Г. Е. Крейдлин и др.) [Яковлева 1994: 9]. В последнее время в лингвистике развивается направление, целью которого является воссоздание русской ЯКМ на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа специфических концептов русского языка относительно концептов других языков (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. А. Зализняк, Е. В. Рахилина, Е. В. Урысон, Е. С. Яковлева). По мнению Ю. Д. Апресяна, в большинстве работ, одна из задач которых состоит в реконструкции ЯКМ, это понятие включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира»), и 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. В изложении Ю. Д. Апресяна представления о ЯКМ выглядят следующим образом: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения

складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка... Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, он "наивен" в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995: 38–39].

Таким образом, язык того или иного общества отражает его жизнеустройство, при этом всеми носителями языка оно воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Реконструкция представлений о мире тем или иным этносом происходит на основе языковых фактов. Безусловно, главенствующее положение при этом занимает лексический уровень языка, воспринимаемый как система, «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [Топоров 1995: 3]. Однако исследователи призывают не забывать об условном характере самого понятия *языковая картина мира*, так как язык является лишь материальной формой, позволяющей передать совокупность представлений, полученных в процессе познавательной деятельности человека. «"Наивная картина мира" как факт обыденного сознания воспроизводится пофрагментарно в лексических единицах языка, однако сам язык непосредственно этот мир не отражает, он отражает лишь способ представления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью, <...> и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного языка» [Воркачев 2001: 65]. Под эмпирическими знаниями о действительности в данном случае

подразумеваются социальные, исторические, психические, этнические и культурные факты.

«В конкретном виде языковую картину мира можно представить как систему, включающую лексические средства языка (результаты уникальной концептуализации мира силами данного языкового сообщества), фразеологические средства (отражающие этническую логику и фантазию, присущие членам данного сообщества), синтагматические возможности (словообразовательные ресурсы языка как потенциал его дальнейшего развития и расширения; синтаксические модели как закреплённый в сознании носителей языка каталог жизненных ситуаций)» [Закуткина 2001: 12].

В общей идиоэтнической ЯКМ существует иерархия частных языковых картин мира, например, ЯКМ, соответствующие компонентам национального языка, – литературная ЯКМ и ограниченные социально, территориально (диалекты, говоры) и профессионально (подъязыки наук и ремесел) и др. Территориальный фрагмент ЯКМ соответствует «диалектной языковой системе как компоненту русского национального языка, обслуживающему часть этноса, связанного общностью места проживания, главным образом, в сельской местности» [Климкова 2007: 44].

§ 1.2 Диалектная языковая картина мира. Диалектное слово

В рамках русской национальной ЯКМ существует диалектная языковая картина мира, которая реализуется в языковой системе жителей того или иного пространства. Диалектная языковая картина мира (ДЯКМ) – «одна из форм территориальной реализации общенациональной русской языковой картины мира, заключающейся в традиционно-народном восприятии окружающего пространства и имеющей особенности частных диалектных систем, включающих региональные черты» [Демидова, Злыденная 2006: 74]. В диалектной картине мира сохраняются «традиционные, во многом уникальные черты мировидения, мироощущения

диалектного сообщества того или иного этноса» [Демидова 2009: 371]. Наличие общих черт мировидения носителей говоров позволяет выделить особенности ДЯКМ, проявляющиеся в эмоционально-образном мышлении диалектоносителя и его репрезентации в русских говорах: конкретность образного восприятия окружающего пространства; бóльшая детализация в названиях реалий, важных для диалектоносителя; экспрессивность.

Изучение лексики русских народных говоров дает больше возможностей для экспликации фрагментов языковой картины мира, так как описание диалектных фактов как элементов общенародной лексической системы позволяет заполнить те лингвистические лакуны, которые дают полноту представлений о национальной культуре народа. А. С. Герд отмечает, что «любой диалектный словарь, заключаая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа. Народная лексика позволяет глубже, полнее и, главное, более детально проникнуть в историю народной культуры, в происхождение отдельных слов, в описание самих реалий и предметов» [Герд 2005: 11]. Без глубокого всестороннего знания лексики народных говоров наше представление об облике русского человека, о его национальном характере оказалось бы существенно обедненным, вся многообразная материальная и духовная жизнь народа находит то или иное отражение в диалектной лексике. Выявление фрагментов картины мира по данным диалектной лексикологии интересно еще и потому, что в диалекте мы сталкиваемся с иной, чем в литературном языке, гносеологической базой. Эта база складывается из традиционных знаний крестьянина, в течение столетий связанного с землей, и из архаических представлений об устройстве мира, и из обобщения многовекового опыта деревенской жизни. Как справедливо отмечает Т. И. Вендина, «все отчетливее становится осознание того, что изучить русское языковое сознание на базе только лишь литературного языка, репрезентирующего тип совершенно определенной, а именно элитарной

культуры, невозможно. Нужно обратиться к его глубинным основам, еще сохраняющимся в диалектах» [Вендина 2002: 6].

Еще в тридцатых годах XX века в работах немецких диалектологов прозвучала идея о том, что «диалект представляет собой особую, более архаичную, по сравнению с общенародным, литературным языком, форму освоения действительности, присущую сплоченным языковым коллективам и отличающуюся рядом конститутивных признаков, в том числе: парцеллированием объектов познания, антропоцентризмом, субъективизмом, большей зависимостью от внешних условий бытия, "пессимизмом", консерватизмом» [Радченко, Закуткина 2004: 25]. Диалектная картина мира, по мнению О. А. Радченко и Н. А. Закуткиной, «отличается от общеязыковой своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией, однако служит своего рода субстратом для картины мира общеупотребительного языка. Кардине мира диалекта присущи особые социолингвистические характеристики и системные параметры, она проявляется, главным образом, в устной речевой деятельности в определенных сферах коммуникации. Диалектоноситель не только предпочтительно пользуется средствами определенных подсистем лексики и фразеологии, словообразовательными ресурсами, отличающимися по своему богатству и своеобразию от ресурсов общеупотребительного языка, он иначе ословливает окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их» [Там же]. Различные аспекты русской диалектной картины мира нашли отражение в исследованиях Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, Н. С. Ганцовской, К. И. Демидовой, Л. А. Климковой, Н. А. Красовской, Т. Г. Никитиной, М. Э. Рут, Т. К. Ховриной, Е. С. Яковлевой и др.

Под *диалектной языковой картиной мира* мы будем понимать совокупность народных представлений о мире, закрепленную в русских народных говорах. Среди основных особенностей ДЯКМ исследователи называют тесную связь в ее пределах частных картин мира: образной, эмоционально-экспрессивной и ценностной, так как они «создают общую систему ценностной ориентации в мире диалектного сообщества и диалектной личности» [Демидова, Злыденная 2006: 75]. Диалектная лексика и фразеология, словообразовательные средства отличаются от ресурсов общеупотребительного языка своей образностью, богатством и своеобразием.

Внутри ДЯКМ выделяются более мелкие фрагменты, которыми являются, в частности, региональные языковые картины мира. *Региональная языковая картина мира* (РЯКМ) – часть национальной языковой картины мира, обладающая собственной историей развития, имеющая неповторимые черты с присущими только ей особенностями и представляющая собой определенную историко-культурную зону (см. об этом [Герд 2001]). РЯКМ обычно соотносится с определенными говорами или группой говоров. Например, региональная языковая картина мира Верхнего Поволжья представлена в говорах Ивановской области и соседних областей – Нижегородской, Ярославской, Владимирской, частично Костромской и определяется как территория Владимирско-Поволжской группы говоров [Жмурко 2007].

Исследователи отмечают многообразие и сложную организацию лексического компонента диалектного языка, включающего различные тематические и лексико-семантические группы, широко развитую синонимию, антонимию, полисемию, формальное варьирование слова и другие явления. «Действительно, именно лексический состав языка, взятый в его системном (семантико-полевом) аспекте, способен в гораздо большей степени, чем анализ иных языковых уровней, позволить заглянуть в процессы этноспецифической номинации, отражающие пути и методы освоения мира данным языковым коллективом, вскрыть присущие ему способы "перевода мира в собственность

духа" (В. фон Гумбольдт), "языкового освоения и преобразования мира" (sprachliche Anverwandlung der Welt) (Й. Л. Вайсгербер)» [Радченко, Закуткина 2004: 27].

В условиях территориальной (локальной) и временной (темпоральной) преемственности для диалектов характерно: обслуживание части этнического коллектива; относительная замкнутость; устная форма бытования; структурная устойчивость, проявляющаяся в определенном наборе слов и отсутствии в данном говоре тех или иных единиц общенародного языка или лексем, входящих в лексическую систему других диалектов; зависимость диалектной системы от общих тенденций развития языковой системы и узость функций [см.: Забродкина 2008].

Основной единицей территориальных диалектов является говор, а их совокупность образует группы говоров и наречия. Говоры русского языка, имея значительные различия друг с другом, обладают целым рядом общих черт. По определенному комплексу признаков говоры объединяются в группы; более мелкие группы объединяются в группы более крупные, вплоть до такой совокупности отличающихся друг от друга, но все же по определенным признакам сходных местных разновидностей, которые представляют собой наречия русского диалектного языка. Территориальный диалект (группы говоров, говор) является языковым образованием, функционирующим в определенном языковом коллективе на той или иной территории и понимаемым «как единое структурно-семантическое целое, основой которого является внутренняя обусловленность его языковых элементов, позволяющая противопоставлять данную структуру другим говорам или литературному языку, также взятым как целое» [Оссовецкий 1982: 14].

Мы считаем, что целесообразно говорить о говорах русского языка как системе, являющейся «второй по значимости (после литературного языка) формой национального языка» [Блинова 1975: 11], в которой «лексические, грамматические и фонетические различия не изолированные, случайные, а имеют

системный характер, охватывают широкий круг существенных явлений» [Баранникова 1982: 32]. Системность народного говора является в настоящее время общепринятым положением и признается практически всеми лингвистами, независимо от их общетеоретических воззрений: «Лексику отдельного говора можно рассматривать как единое структурное целое, все компоненты которого связаны системными отношениями» [Оссовецкий 1982: 4].

Совершенно очевидно, что в настоящее время в народных говорах под влиянием факторов социального развития (всеобщая грамотность, миграция населения, постоянные контакты с городом) и под влиянием литературного языка происходят существенные изменения: утрата специфических диалектных черт, их трансформация, активное проникновение элементов литературного языка и т. п. Как отмечается в научной литературе, для современной языковой ситуации характерно сближение сельских говоров с городским просторечием [см.: Колесов 1971: 53, 63], появление «полудиалектной речи» как переходного состояния от архаических говоров к литературному языку [см. об этом: Баранникова 1967: 347; Коготкова 1979: 5-6] или даже как «новой разновидности русского языка, формирующейся в современной языковой действительности в результате трансформации диалектных систем под воздействием литературного языка» [Лукьянова 1979: 14; 1986: 18].

Изменения, произошедшие в связи с развитием русского общества, привели к определенным подвижкам в диалектном континууме и сближению его с общерусским языком. При этом диалект как самостоятельная языковая система не исчез, а изменил свою функцию в силу лингвистически общих и социологически более престижных тенденций [см.: Колесов 1999].

По мнению таких диалектологов, как О. И. Блинова, О. Д. Кузнецова, Ф. П. Сороколетов, диалект включает в себя не только собственно диалектные (территориально ограниченные) элементы, но и другие элементы национального языка (в частности, литературного языка и просторечия). Так, О. И. Блинова выделяет в лексической системе говора общерусские, диалектно-просторечные и

собственно диалектные элементы [Блинова 1984: 36]. Среди собственно диалектных слов различают лексические диалектизмы (местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке), лексико-словообразовательные диалектизмы (отличающиеся от соответствующих им эквивалентов литературного языка морфемным составом), фонетические диалектизмы (отличающиеся от слов литературного языка одной или двумя фонемами) и семантические диалектизмы (тождественные по звуковой форме соответствующим словам литературного языка, но отличающиеся от них своими значениями).

Диалектная лексика сохраняет результаты народного мировидения, а ее изучение позволяет определить, какие наиболее важные свойства и признаки объекта познаны и важны для людей и отражены в языковых единицах. Единицей диалектного языка является *диалектное слово*, которое лингвистами трактуется неоднозначно. С одной точки зрения, диалектное слово имеет локальное распространение и в то же время не входит в состав литературного языка (в любую его разновидность) [см.: Филин 1982], с другой, оно «ограничено в своем употреблении определенной территорией, то есть имеет изоглоссу на территории русского языка, является функциональной единицей диалектных систем, не употребляется в литературном языке или употребляется в нем как стилистически окрашенное средство» [Лукьянова 1983: 17].

Следует заметить, что в научной литературе неоднозначно решается вопрос, как рассматривать слово в диалектном и литературном языках при совпадении плана выражения и плана содержания. Одни считают данные единицы одним словом (О. И. Блинова, Н. А. Лукьянова), другие рассматривают как разные слова, так как они принадлежат разным системам, оказывающимся в разных парадигматических и синтагматических отношениях с другими единицами своих систем (Л. И. Баранникова, И. А. Оссовецкий). Вслед за Л. И. Баранниковой и И. А. Оссовецким в настоящем исследовании мы склоняемся к той точке зрения, что значение диалектного слова часто выступает как трансформация исходного

общерусского слова, обычно связанная с сужением значения общего слова или с варьирующими дополнительными уточняющими, дифференцирующими семами [Баранникова 1993: 95,98]. И. А. Оссовецкий утверждает, что в говоре все явления «равно диалектные», так как даже «если наблюдается соответствие с литературным языком по фонемному составу, номинативному значению, то обязательно найдутся различия в той или иной парадигме: семантической, грамматической, стилистической» [Оссовецкий 1982: 88].

В настоящее время к этой точке зрения склоняются многие исследователи (Л. И. Баранникова, О. И. Блинова, Р. Т. Гриб, О. В. Загоровская, Л. А. Ивашко, Н. А. Лукьянова, О. С. Мжельская, И. А. Оссовецкий, Л. В. Сахарный и др.). Они убеждены, что в словарный состав говоров должна включаться вся совокупность активно употребляемой носителями лексики. В связи с тем, что системы лексики и словообразования тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, то при изучении последнего в говорах необходимо использование всего лексического материала, ибо игнорирование общерусских слов «неизбежно приведет к искажению картины словообразования не только на уровне морфем, но и на уровне моделей и вариантов» [Герд 2005: 43].

Вопросы синонимии в лексике русских народных говоров привлекали внимание многих исследователей: О. И. Блиновой, Т. С. Коготковой, Ф. П. Сороколетова, Ф. П. Филина и др. В словообразовательных процессах находит свое выражение характерная для диалектной речи тенденция к актуализации одного и того же значения с различных точек зрения, что приводит к образованию синонимов. Наличие синонимов и вариантов, выражающих одно и то же значение, позволяет говорить о тенденции к многоименности (полиономии) лексических единиц в диалектной речи [см.: Китайгородская 1978].

Еще одна особенность диалектной системы обнаруживается в интенсивном варьировании слов, при этом под вариантом слова понимаются сосуществующие лексические единицы, «занимающие адекватное место в функционирующей системе, находящиеся в аналогичных отношениях с другими элементами

системы» [Баранникова 1971: 60]. В словообразовании они возникают, когда «одна и та же корневая морфема встречается с различными аффиксами» [Еремеева 1983: 48].

Для русских народных говоров характерно наличие богатой коннотативной, прежде всего, эмоционально-экспрессивной лексики, что объясняется устной формой существования диалектов. Ведущим способом хранения культурной информации лингвисты называют коннотацию – «интерпретацию денотативного или образно мотивированного аспекта значения в категориях культуры» [Телия 1986: 103]. Вопрос о коннотативных компонентах является дискуссионным в современной лингвистике (Н. Д. Арутюнова, А. М. Мелерович, В. Н. Телия). На наш взгляд, наиболее проработанной для диалектного материала оказывается известная точка зрения, согласно которой необходимо выделение трех компонентов коннотации: культурного (связан с особенностями мировосприятия, образа жизни, традициями и обычаями социума), образного (связан с наличием изобразительности в отражении действительности) и эмоционально-экспрессивного (связан с выражением отношения к тому или иному предмету, явлению), причем «каждый из них в конкретной языковой единице может быть единственным или сочетаться с другими» [Демидова, Злыденная 2006: 77]. Таким образом, «диалектная лексика способствует извлечению лингвистической и экстралингвистической информации. Денотативный и коннотативный компоненты в структуре значения диалектного слова следует рассматривать в качестве средства экспликации фрагментов ДЯКМ» [Гапонова 2008а: 23].

Следует еще раз подчеркнуть, что диалектный язык представляет собой локальную разновидность национального языка, объединяющую большое количество микросистем, связанных в более крупные системы, в совокупности представляющих собой макросистему. Литературный и диалектный языки, имея общую часть, в том числе и лексическую, объединены в рамках русского национального языка.

§ 1.3 Лексико-тематическая и лексико-семантическая группировка лексических единиц как способ описания фрагментов региональной языковой картины мира

«Языковое богатство русских диалектов отражает различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениться по-разному, что проявляется в разном количестве слов – названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей» [Русские 1999: 105].

Лексическая семантика тесно связана с экстралингвистическим содержанием, т. е. с реальным миром вещей и явлений. Каждая из единиц лексической системы языка покрывает тот или иной сегмент действительности, а вся совокупность таких единиц образует сложную мозаику, отражающую внеязыковую действительность, которая предстает в этой связи определенным образом расчлененной и названной, как бы приближенной к человеку. При этом следует отметить, что «более полное представление о "кусочке", аспекте внеязыковой действительности дает не отдельное слово, а семантическое объединение слов» [Бортник 1994: 63].

Одним из способов описания фрагментов РЯКМ является выявление и анализ тематических и лексико-семантических сфер, предполагающих рассмотрение лексем на фоне системных связей, с учетом культурного и национального своеобразия. Принцип системности – основополагающий принцип структурной лингвистики – был, как известно, обоснован Ф. де Соссюром в «Курсе общей лингвистики». Исследования, касающиеся разработки основных аспектов изучения языка как системы, уже давно стали классикой языкознания. Признание системности языка логически предполагает признание системного устройства каждого из основных его уровней: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического. Современные лингвисты допускают, в частности, дополнительное выделение семантического уровня (об этом: [Канафиев 2005]).

Естественно, что системно организована лексика национального языка в

целом, в том числе, соответственно, и лексика народных говоров [Блинова 1973, 1975, 1984; Демидова 2001; Кузнецова 1994; Оссовецкий 1982]. Практическим подтверждением системности лексики может служить так называемое «правило шести шагов». По наблюдению Ю. Н. Караулова, в любом словаре нельзя найти такую пару слов, между которыми не было бы семантической связи. «Как показывает опыт, – отмечает исследователь, – цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда в сумме не превышает шести шагов до общего элемента» [Караулов 1976: 77]. Понятие непрерывности (взаимосвязи между отдельными его единицами) является для любого словаря основополагающим. Это относится и к «словарю в голове человека» [Там же]. «Всякий человек – носитель определенного языка, обладающий большим или меньшим запасом слов, – всегда достаточно легко способен подобрать среди них нужное ему в той или иной ситуации слово для выражения своих мыслей. Следовательно, в его сознании сформирована и функционирует достаточно четкая взаимосвязь между словами» [Ростов 2006: 19].

Довольно часто в диалектологических работах предпочтение отдается тематическому описанию лексики, и выбор этот не случаен, так как «отражает реально существующие закономерности в организации мировосприятия определенного этноса. Тематическая классификация сознательно строится по идеографическому принципу, т. е. идет вслед за темами, понятиями, идеями реальной действительности» [Гапонова 2008а: 24]. Принципы выделения тематических и лексико-семантических групп рассматривались в исследованиях многих лингвистов (Т. В. Бахвалова, Л. М. Васильев, В. Г. Долгушев, Н. Г. Ильинская, В. И. Кодухов, О. Д. Кузнецова, Н. А. Лукьянова, Г. Г. Мельниченко, Е. А. Нефедова, Ф. П. Сороколетов, А. А. Уфимцева, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев и др.). «Рассмотрение лексики в "тематическом" аспекте имеет несколько преимуществ. Оно позволяет установить связь между словами и обозначаемыми ими реалиями, иначе – выяснить объем значения слов;

позволяет определить место тематических групп в словарном запасе языка, их рост или сокращение в зависимости от внешних, исторических обстоятельств, процессы терминологизации слов с общими значениями, расширение и сужение значений слов в зависимости от изменений "материи" и функций обозначаемых реалий» [Блинова 1973: 8].

Словарный состав одного говора (конечно, в пределах зафиксированных материалов) можно представить в виде серии тематических групп, отражающих разные стороны жизни его носителей и находящиеся между собою в определенных отношениях. В тематической классификации должны быть отражены в определенной системе результаты познавательной деятельности носителей данного языка (говора), соотношение слов с фактами объективной действительности.

Выбор ядра тематической группы соотносится с выбором сегмента внеязыковой действительности, являющегося объектом номинации. Объем тематической группы (количество входящих в нее языковых данных) можно считать показателем наиболее актуальных и значимых фрагментов внутреннего и внешнего мира говорящих. Хотя, по мнению исследователей, количественный фактор весьма неоднозначен, «трудно отрицать значимость определенного круга значений, если носитель языка вновь и вновь возвращается к их лексической разработке» [Березович 2007: 25]. Таким образом, выделение тематических групп обусловлено не только языковыми факторами, но и экстралингвистическими.

Как справедливо отмечает Ж. К. Гапонова, «большинство исследователей соотносит логику выделения определенной тематической группы с логикой сегментации внешнего и внутреннего мира говорящих, что позволяет представить наиболее полно и системно фрагменты языковой картины мира, соотнести факты языка с этнокультурными установками диалектоносителя» [Гапонова 2008а: 25]. «Закономерности членения поля на смысловые зоны отражают общую структуру представлений о соответствующем фрагменте действительности, о параметрах некоторой мыслительной ситуации, стоящей за этим полем, о доминантных

линиях, осуществляющих дискретизацию смыслового пространства. Говоря об относительной лексической наполненности секторов, мы получаем более конкретное представление о том, какие смыслы получают номинативное оформление, а какие остаются без такового, образуя лакуну» [Березович 2004: 7]. Состав отдельных тематических групп в говорах зависит от особенностей социально-экономической жизни населения в разные периоды развития общества, от особенностей природных условий края, географического положения и т. п.

В отечественном языкознании одним из первых внимание на проблему разграничения понятий *лексико-семантическая группа* (ЛСГ) и *тематическая группа* (ТГ) обратил Ф. П. Филин. Трудность их разграничения «обуславливается прежде всего сложностью разделения словарного состава как специфического явления языка и языкового содержания» [Филин 1982: 231]. Лексико-семантические группы «представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-либо языке, их состав зависят от уровня знаний того или иного народа – создателя и носителя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения» [Астахина 1991: 34-35]. Тематическая группа – это лексическая микросистема, в которой между словами обнаруживаются собственно языковые связи и отношения «по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне» (А. А. Уфимцева), хотя рядом ученых отрицается рассмотрение данной группировки как микросистемы из-за экстралингвистической (внеязыковой) обусловленности. Н. Ф. Алефиренко выделяет лексико-семантические группы в составе тематических групп [Алефиренко 1998: 281-282]. Некоторые лингвисты указывают на сходство, а в отдельных случаях даже неразличение понятий *лексико-семантическая группа* и *тематическая группа*, заключающееся в том, что «те и другие группы отражают познанную объективную действительность. Более того, любая лексико-семантическая группа входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь ее составной частью» [Филин 1982: 233].

Систематизация слов по лексико-семантическим группам предоставляет возможность «выявить концептуализацию оценки окружающего мира, раскрыть национальную специфику восприятия действительности», а также «сочетать семантический анализ с попыткой изучения отдельных фрагментов языковой картины мира» [Каде, Пономаренко 2001: 219].

Мы будем понимать под ТГ (в нашем случае – ЛТГ) группу частеречно разных слов, отражающих членение мира в реальной действительности или в человеческом сознании, основанное на выделении общих признаков предметов и явлений, а под ЛСГ – группу лексем одной части речи, в значении которых содержится общая сема. Исходным положением для подобных обобщений является общепризнанное утверждение о том, что значение любой лексической единицы представлено совокупностью компонентов или сем, определенным образом упорядоченных. Под *семой* мы понимаем «семантический микрокомпонент, отражающий конкретные признаки обозначаемого словом явления» [Стернин 1985: 44]. Анализ наименований будет строиться на внимании к особенностям семантической структуры слов, так как семная структура любого слова, в том числе и диалектного, отражает его «способность к членению мира на мельчайшие компоненты, более важные и менее важные, которые оказываются особым образом организованы и упорядочены в соответствии с логикой мировосприятия в русском культурном социуме» [Бессонова 2001: 10]. Таким образом, картина мира любого этноса может быть представлена широким диапазоном ЛТГ и ЛСГ, в которые входят лексические единицы на основе определенных компонентов в их значении. В пределах лексической системы языка ЛТГ и ЛСГ могут взаимодействовать и пересекаться, так как значение слова может содержать несколько сем, позволяющих одновременно включить лексическую единицу в разные группы. «Семантическое поле не имеет, как известно, жестких границ и обменивается смысловой энергией со смежными, соседними полями, создавая плавную цепь взаимопереходов и перекрывающие друг друга ареалы» [Березович 2004: 9]. Пересечение ЛТГ и ЛСГ друг с другом

составляет одну из характернейших особенностей их существования. Изучение отдельных объединений лексем исходит из понимания системной организации лексических единиц. На особенности функционирования слов внутри лексической системы указал акад. В. В. Виноградов, определив, что «все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены» [Виноградов 1982: 278]. Системность лексики проявляется в возможности распределения слов по тематическим и семантическим группам и подгруппам, в характере противопоставления значений слов как членов этих групп, в возможности определения смысловой мотивированности единиц.

Основными отношениями, организующими словарный состав в семантическую систему, являются парадигматические связи языковых единиц, к числу которых относятся родо-видовые (гиперо-гипонимические), синонимические и антонимические.

По наблюдениям исследователей (Л. И. Базиликова, О. И. Блинова, Т. С. Коготкова, Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин и др.), наиболее распространены в говорах синонимические связи слов, которые отражают тенденцию диалектоносителей к более дробному членению мира, более высокой по сравнению с литературным языком степени детализации (наименование одной и той же реалии по разным признакам). С другой стороны, многочленные диалектные синонимические парадигмы позволяют говорить и о высокой степени параметризованности наиболее актуальных для языкового сознания понятий. «Обилие синонимов и производных, обозначающих одно понятие в одном ареале, свидетельствует об устойчивости и важности реалии в жизни и, тем самым, может служить дополнительным источником оценки отношения говорящих к тому или иному объекту» [Герд 1995: 65].

Немаловажную информацию об особенностях понимания человеком объективной действительности дает анализ антонимических пар, так как «противопоставленность вербализованных смыслов отвечает сложившимся культурным установкам и стереотипам» [Токарев 2003: 74]. Однако

антонимическая оппозиция, существующая в сознании, может оказаться не реализованной в языке, так как на месте одного из антонимов обнаруживается лакуна. Этот факт объясняется тем, что «в языке отражаются такие отношения, которые существуют объективно в социальном коллективе. Хорошо работать, быть честным, добрым, чистоплотным и т. п. – качества, которые являются социальной нормой, а не выше ее, но плохо работать, быть ленивым, нечестным, злым, нечистоплотным и т. п. – эти качества есть отклонения от социальной нормы (ниже ее) и поэтому оцениваются обществом отрицательно. Отсюда такое обилие в любой языковой системе отрицательных слов-характеристик и значительно меньше положительных» [Лукьянова 1979: 72-73].

Рассмотрение лексики говоров по тематическим и лексико-семантическим группам предполагает не только определение семантики слов, но и выявление основных признаков, положенных в основу наименований, так как одним из отличий диалектной лексики является тенденция к мотивированности, когда восприятие предмета формирует принцип номинации. Каждая ЛСГ характеризуется определенным набором мотивационных признаков. «Исследователь, обратившийся к изучению языка культуры, неизбежно сталкивается с необходимостью семантического анализа слова и тех мотивационных признаков, которые актуализируются в языкотворческом акте» [Вендина 2007: 7]. Региональный способ видения мира проявляется в эксплицированности в конкретном диалектизме одной из возможных характеристик того или иного понятия, явления. В разных диалектных системах в основу номинации могут выбираться совершенно иные признаки. Диалектоносители отмечают в называемых объектах те черты, которые им кажутся значимыми или которые вызывают наибольший эмоциональный отклик. Многие исследователи (О. И. Блинова, Т. И. Вендина, К. И. Демидова, О. А. Корнилов, С. М. Толстая) считают, что выявление признаков, положенных в основу номинации, можно интерпретировать как проявление языкового сознания носителей данного языка: за мотивом номинации стоит этнокультурный контекст

восприятия и оценки человека. Наряду с объединением слов в семантические поля на основе их денотативной общности «возможна (и необходима) группировка слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)» [Толстая 2002: 116]. Поскольку мотивированность – семантическая универсалия – характерна для всех языков в одинаковой мере, но с преобладанием различных типов [Беркетова 2000], лексикологический анализ говоров может строиться как объяснение значения диалектных единиц наряду с объяснением взаимообусловленности связи звучания и значения слова.

По типу мотивированности выделяются следующие разновидности языковых единиц: словообразовательные дериваты, семантические дериваты, немотивированные слова, при этом «в говорах, как правило, отчетлива тенденция к использованию номинаций с прозрачной внутренней формой, любой носитель данного говора легко распознает, какая характеристика лежит в основе той или иной номинации и почему выбрана именно такая мотивация» [Гапонова 2008а: 30]. В качестве мотивирующих для наименований выступают однокоренные слова, известные либо общенародному языку, либо диалектным системам. О. И. Блинова [Блинова 2004] выделяет два типа мотиваторов: лексические и структурные. Первые связаны с выявлением лексической мотивированности, то есть выражением мотивировочного признака, положенного в основу значения слова, вторые – с выражением классификационного признака посредством какого-либо форманта. Внутренняя форма мотивированной лексемы проясняется в результате осознания значения мотивирующего слова. «Обращение к внутренней форме слова дает исследователю уникальную возможность – проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир, и понять, как это слово "читается" изнутри» [Вендина 2007: 8]. По мнению С. М. Толстой, «прямое отношение к картине мира имеет объяснение причины выбора того или иного основания (признака) мотивации, так как она лежит в сфере ментальных представлений» [Толстая 2002: 120].

Отдельную группу составляют номинации, образованные в результате семантической производности, когда внутренняя форма является результатом семантического переноса значения общеизвестных слов. «Выбранный для метафорического переосмысления признак играет роль *маркера*. Этот маркер должен воплотиться в номинации, которая именно этот признак и именно в данном конкретном национальном языковом сознании олицетворяет в наибольшей степени» [Корнилов 2003: 61].

Таким образом, картина мира любого этноса может быть представлена широким диапазоном ЛТГ и ЛСГ, в которые входят лексические единицы на основе определенных компонентов в их значении. Выделение ЛТГ и ЛСГ проводится в результате семантического анализа лексики с учетом интегральных и дифференциальных сем. Выявление парадигматических отношений внутри выделенных семантических классов и прояснение внутренней формы наименований (определение признаков, положенных в основу тех или иных членов парадигмы) позволит сделать некоторые выводы о специфике мировосприятия диалектоносителей.

Выводы

В последние годы в разных областях лингвистической науки наблюдается активное применение принципа антропоцентризма как проявления человеческого фактора в языке, усиление внимания к разработке проблемы изучения языковой, в том числе диалектной, картины мира и национального своеобразия языкового отображения действительности. Язык, как известно, является одним из компонентов культуры как продукта социальной активности человека и одновременно одной из форм созданной человеком культуры. В нем в специфически человеческой и конкретно-национальной (этнической) форме отражается весь познанный и практически освоенный человеком мир, а также сам человек как часть этого объективно существующего мира [см.: Пятаева 2004].

Основы антропоцентрического подхода к изучению языка, провозглашающего принцип рассмотрения языковых фактов и явлений в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью, были разработаны В. фон Гумбольдтом, видящего предназначение языка в том, чтобы: 1) осуществлять «превращение мира в мысли», 2) быть посредником в процессе взаимопонимания людей, выразителем их мыслей и чувств, 3) служить средством для развития внутренних сил человека, оказывая стимулирующее воздействие на силу мышления, чувства и мировоззрение говорящих. Дальнейшее развитие антропоцентрические идеи находят в лингвистических концепциях отечественных ученых: А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ (вторая половина XIX века), Л. В. Щербы и Густава Шпета (первая половина XX века), которые подходят к рассмотрению языка как социально-психического явления. Характерной чертой мирового языкознания на современном этапе являются «заново» открытые идеи антропоцентризма, получившие развитие в русле когнитивного и лингвокультурологического направлений, составляющих часть антропоцентрической (антропологической) лингвистики. Сложные отношения языка и мышления, языка и культуры становятся объектом исследования отечественных и зарубежных лингвистов.

Важное место в исследованиях, основанных на принципе антропоцентризма, занимают вопросы реконструкции фрагментов языковой картины мира и системы ценностей носителей языка. При этом большое значение придается описанию диалектной языковой картины мира, в современной диалектологии понимаемой как территориальный вариант национального образа мира, отраженный в совокупности коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций диалектного сообщества, как схема восприятия действительности, формировавшаяся в течение многих веков существования социума, ограниченного определенной территорией, имеющего свою историю, определенные природные, экономические, хозяйственные условия жизни, что и определило особенности мировосприятия, мировидения, мироощущения

диалектного сообщества определенной территории. Внутри диалектной языковой картины мира выделяются более мелкие региональные языковые картины мира, которые обычно соотносятся с определенными говорами или группой говоров, представляющие собой определенные историко-культурные зоны.

Единицей диалектного языка является ограниченное в своем употреблении определенной территорией, не употребляющееся в литературном языке или употребляющееся в нем как стилистически окрашенное средство диалектное слово, значение которого часто выступает как трансформация исходного общерусского слова, обычно связанная с сужением значения общего слова или с варьирующими дополнительными уточняющими, дифференцирующими семами.

Представление о том или ином фрагменте внеязыковой действительности дают не отдельные слова, а их семантические объединения, изучение которых исходит из понимания системной организации лексических единиц. Системность лексики проявляется в возможности распределения слов по тематическим и семантическим группам и подгруппам, в характере противопоставления значений слов как членов этих групп, в возможности определения смысловой мотивированности единиц.

Рассмотрение лексики говоров в составе ЛТГ и ЛСГ предполагает не только определение семантики слов, но и выявление основных признаков, положенных в основу наименований, так как одним из отличий диалектной лексики является тенденция к мотивированности. Диалектоносители отмечают в называемых объектах те черты, которые им кажутся значимыми или вызывают наибольший эмоциональный отклик. Выявление признаков, положенных в основу номинации, можно интерпретировать как проявление языкового сознания носителей данного языка.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКА, НАЗЫВАЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО ХАРАКТЕРУ И ПОВЕДЕНИЮ, В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Лексика говоров Ивановской области очень разнообразна в тематическом отношении. Она связана со многими сторонами жизни человека, его занятиями, бытом, окружающей природной средой, материальной и духовной культурой. Лексическая составляющая тематической группы «Человек» относится к наиболее значимым фрагментам языковой картины мира представителей любого языкового социума. Как отмечает Н. А. Красовская, «собственно, вся история изучения диалектной лексики так или иначе связана с рассмотрением данной тематической группы: изучается либо название частей тела человека, либо характеристика действий человека, либо оценка человеческих качеств и особенностей характера и т. д.» [Красовская 2009: 359]. Известно, что «чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него параметров, тем больше он "параметризован". Человек занимает здесь вершинное место: ничто так не параметризовано, как человек. Сотни, если не тысячи, слов в каждом языке – это названия одного и того же – "человека", но в зависимости от его разных "параметров"» [Степанов 1997: 552].

Наиболее многочисленной по лексическому наполнению оказалась в наших материалах тематическая группа «Характер и поведение человека», которая и является предметом детального рассмотрения в данном диссертационном исследовании. По-видимому, это связано с внеязыковыми факторами: черты характера, свойства натуры, модели поведения человека в обществе настолько многообразны, что необходимо значительное количество средств для их вербализации. В психологии понятие *характер* трактуется далеко не однозначно. Нам ближе всего следующее определение: «Характер – совокупность общественных и индивидуально своеобразных особенностей личности, влияющих на поведение и поступки человека» [Психологический словарь 2007: 726]. В восприятии наблюдателя характер представляет собой привычный способ

мышления индивида, его чувствования и поведения [Психоаналитические термины и понятия 2000: 248]. *Поведение* – ‘совокупность поступков и действий по отношению к окружающим; образ жизни’ [БАС 10: 36]. В широком смысле *поведение* выступает как интегральное понятие, включающее в себя психические, вербальные и моторные действия [Психоаналитические термины и понятия 2000: 141]. Согласно С. Л. Рубинштейну, поведение – это особая форма деятельности: она становится именно поведением тогда, когда мотивация действий из предметного плана переходит в план личностно-общественных отношений (оба эти плана неразрывны: личностно-общественные отношения реализуются при посредстве предметных). Поведение человека имеет природные предпосылки, но в основе его – социально обусловленная, опосредованная языком и другими знаково-смысловыми системами деятельность, типичная форма которой – труд, а атрибут – общение. Своеобразие поведения индивида зависит от характера его взаимоотношений с группами, членом которых он является; от норм групповых, ценностных ориентаций, ролевых предписаний.

Во второй главе выделяются и последовательно рассматриваются отдельные лексико-тематические подгруппы (более мелкие объединения частеречно разных слов, составляющие ЛТГ «Характер и поведение человека»), отражающие характеристики: 1) человека как индивида; 2) человека как члена социума. К ним относятся наименования, характеризующие человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению (§2.1), наименования, характеризующие человека по отношению к нормам нравственности (§2.2). Эти разделы включает программа Лексического атласа русских народных говоров «Человек», положениям которой мы следуем в своей работе при классификации и анализе словарного состава ивановских говоров.

Лингвисты, наблюдающие речевую деятельность современных носителей диалекта, подтверждают высокую степень концентрации литературных форм, их совмещение с диалектными формами и вытеснение последних. Особенно заметна утрата диалектных различий в лексической системе. И носители диалекта, и

собиратели-лексикографы ощущают, как в каждом поколении сокращается число особых местных слов и выражений. «То, что мы слышим и записываем в диалектологических экспедициях, следует определить как полудиалект – смешанный тип речи. Реально он представляет форму сосуществования в речи одной языковой личности элементов литературного языка, общерусского просторечия и говора» [Жмурко 2001: 113].

Таким образом, представляется оправданным системный подход к описанию лексики ивановских говоров, так как равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия, позволяет наиболее полно выявить своеобразие языковой картины мира сельских жителей Ивановского края. Кроме того, стоит еще раз отметить, что рассматривая лексику тематической группы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области, мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой все единицы в говорах равно диалектны, независимо от того, совпадают ли некоторые из них по фонемному составу с соответствующим словом литературного языка или нет.

§ 2.1 Лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению

В ивановских говорах выделяется лексическое множество, содержащее характеристику лица по его интеллекту, под которым в широком смысле слова понимается «совокупность общих умственных способностей и возможностей человека в выполнении различных видов деятельности» [Немов 2003: 208]. Развитие интеллекта у человека выделило его из животных и стало началом развития общества, а затем и человеческой цивилизации. От того, насколько богат умственный опыт человека, насколько разнообразны интеллектуальные функции,

которые человек может выполнять, зависит уровень развития его интеллектуальных способностей.

Данное множество, имеющее в своей основе бинарную оппозицию по признаку 'умный' / 'глупый', представлено лексико-семантическими группами слов, называющих, с одной стороны, находчивого, сообразительного человека: адъективы *башкови'тый, ветля'ный, ву'мный, голова'стый, де'льный, делови'тый, делово'й, доде'льный, ду'мный, замы'слитый, зате'йливый, куме'кливый, мозга'стый, мозгови'тый, разу'мливый, разу'мный, смекли'вый, смышлѐ'ный, у'мный, у'шный*; субстантивы *вундерки'нд, голова', дога'да, разу'мница, у'мница, умня'шечка* (26 лексических единиц), а с другой, глупого, бестолкового, недогадливого, простодушного человека: адъективы *безвале'тный, бестолко'вый, благо'то'нный, глумно'й, глумнова'тый, глупова'тый, дуркова'тый, конова'ловая, неде'льный, несообрази'тельный, полоу'мный, приду'рошный, придуркова'тый, простова'тый, чо'кнутый*; субстантивы *балбе'с, бе'столочь, бестолко'вщина, бестолку'ша, гара'нька, глупы'ш, гого'на, ду'рбень, ду'рень, дуби'на, дура'к, дурале'й, дурачи'на, дурѐ'ха, дуры'нда, недотѐ'па, недоу'мок, неуда'чник, пая'ка, пень, полуду'рок, приду'рок, тетѐ'ха, ту'пень, тугоду'м, тупи'ца, чалдо'н, шаромы'жник*; устойчивые выражения *голова' как шабала', <как> дурье поле, туп как ва'ленок* (43 лексических единиц и 3 устойчивых выражения). В количественном отношении, как видим, преобладают наименования лица со слабыми интеллектуальными способностями, что свидетельствует о несимметричности структуры рассматриваемой группы, о перевесе отрицательно-оценочного полюса. Эта ситуация избирательного восприятия человеком окружающей действительности широко известна и объясняется, по мнению Н. Д. Арутюновой, тем, что человек прежде всего замечает аномальные явления, не вписывающиеся в норму и потому получающие языковую маркированность.

Ум, сметливость, сообразительность исстари ценились на Руси, о чем свидетельствуют пословицы русского народа, ср.: *Голова всему начало; И сила*

уму уступает; *Был бы ум, будет и рубль; не будет ума, не будет и рубля* [Даль 1879, I: 552-553]. Не случайно в народных говорах, в том числе и ивановских, немало слов, положительно характеризующих человека по его интеллектуальным способностям.

Так, широкое распространение в исследуемых говорах получили просторечные прилагательные *башкови́тый* и *мозгови́тый* ‘умный, сообразительный, толковый’ [МАС I: 66; II: 288], образованные посредством морфа *-овит(ый)*, обозначающего качество, имеющееся в большом количестве, от существительных *башка* ‘голова’ с пометой *прост.* [МАС I: 66], *мозг* ‘ум, сознание’ [МАС II: 287], ср.: *Правнук мой башковитый, на одни пятерки и четверки учится* (Тейковский р-н); *Он человек башковитый, быстро во всём разберётся и дойдёт, не переживай* (Шуйский р-н); *Ишь, мозговитый какой, в лес, говорит, идите, а я у дороги постою, посмотрю. Сам поди, а мы тут постоим* (Юрьевецкий р-н). Лексическая единица *башковитый* также известна владимирским говорам, только в ином значении – ‘бойкий’, ср.: *Солдат он башковитый: у него стыда нету*. Влад. [СРНГ 2: 164]. В ярославских, костромских и других народных говорах более продуктивным оказался морф *-оват(ый)*, ср.: *В молодости я мозговата была – надо бы учиться было*. Перм. [СРНГ 18: 208]; *Мозговатый парень-то, раз пошёл учиться* [ЯОС 6: 51].

За счет корневой морфемы и суффикса *-аст-*, который отличается стилистической сниженностью и ярче показывает чрезмерность качества, обозначаемого словом, формируется семантика прилагательных *голова́стый* (ивановские, московские, томские говоры) и *мозга́стый* (ивановские, ярославские говоры) ‘умный, толковый’, ср.: *Надо же какой головастый! А мы всё никак не дойдем; Больно уж мозгастый! Гляди-ко какой!* (Шуйский р-н); *Коммунисты, которые комсомольцы, головасты-то, они в бога не верят*. Моск. [СРНГ 6: 302]; *И был в нашем селе мозгастый мужик...* [ЯОС 6: 51].

Наши материалы содержат однокоренные лексемы, связанные с литературным *ра́зум* ‘ум, интеллект; рассудок’ [МАС III: 633]: диалектное

прилагательное *разу́мливый* (ср.: *разу́мный* ‘толковый, рассудительный’ [МАС III: 634]), ср.: *Разумливый человек, интересно его слушать было* (Тейковский р-н), а также свойственное разговорной речи существительное *разу́мница* (Лухский р-н), номинирующее в костромских говорах грамотную женщину [СРНГ 34: 73].

В Савинском районе отмечены фонетический вариант общенародной лексемы *у́мный* ‘обладающий здравым умом, сообразительностью’ [МАС IV: 493] – диалектный адъектив *ву́мный*, ср.: *Да уж больно вумный был* (Савинский р-н), и субстантив общего рода *у́мница* ‘умный, рассудительный, толковый человек’ с пометой *разг.* [МАС IV: 492], ср.: *У маманьки хоть и образования не было, да умницей была* (Савинский р-н), связанные с абстрактным существительным *ум* ‘сознание, рассудок’ [МАС IV: 489]. В народном понимании умный человек – тот, «кому Бог дал ясный, пронизательный ум, ... рассудительный, разумный, смысленный; понимающий и заключающий здраво, прямо, верно» [Даль IV: 509], даже если человек лишен «учености».

Ласковое обращение к маленьким детям выражается словом общего рода *умня́шечка*, ср.: *Ты моя умняшечка!* (Юрьевецкий р-н), назначение которого заключается в том, чтобы нежно и приветливо обратиться к ребенку, выразить ему свою любовь и душевную теплоту.

В анализируемых говорах отмечаются лексические единицы с корневой морфемой *-дел-* : общеупотребительные адъективы *де́льный* ‘способный к работе; деловой, деловитый’ [МАС I: 384], *делови́тый* ‘толковый, умелый и предприимчивый в работе; деловой’ [МАС I: 384], *делово́й* ‘знающий и опытный в делах; занятый делами’ [МАС I: 384], диалектное прилагательное *доде́льный* ‘умелый, способный, трудолюбивый, дельный’, бытующее также в новгородских, тверских, ярославских, рязанских, калужских, курских говорах [СРНГ 8: 89], ср.: *Сын мой дельный, всё сразу сообразит* (Тейковский р-н); *Да, Митька-то уж больно умный был, башковитый парень. Все говорили о нем «деловитый»* (Южский р-н); *Вон какой деловой!* (Родниковский р-н); *Уж такой он додельный парень! Чуть ли не всё прямо и знает, и умеет. А и не знает, да придумает и всё*

сделает, как надо. И объяснять ничего не надо ему. Указания дашь, и будь спокоен – сделает как надо, а то и лучше тебя; Она девка додельная, знает, чего и как сказать. Вот пусть и сходит в поселковый-то сама (Шуйский р-н); Додельная девка – узоры забирает, строчить умеет и ну всё, за что ни возьми. Калуж. [СРНГ 8: 89]. Семантика корневого морфа обращает нас к общенародному слову *де'ло* 'работа, занятие, деятельность' [МАС I: 382], а следовательно к значительному количеству наименований в говорах, связанных с представлениями человека о труде, работе. Труд воспринимается как нравственная основа правильного образа жизни. Человек, положительно проявляющий себя в труде, пользуется уважением, вызывает симпатии. Указанные значения прилагательных *дельный, деловитый, деловой, додельный* подтверждают выводы исследователей относительно пересечения семантических групп «Интеллект» и «Трудолюбие» в русских говорах. Это обусловлено тем, что «народная культура не столько ценит "чистый" ум, сколько пытается найти ему практическое применение» [Березович 2007: 30].

В русских народных говорах широко представлено слово *ветля'ный* в значениях 'приветливый, ласковый; милый; общительный' Волог., Вят., Олон., Перм., Свердл., ср.: *У ветляного хозяина веселее быть в гостях.* Волог.; 'живой, подвижный, расторопный' Яросл., Орл., Забайк., Олон., ср.: *И где была ты, наша ли ветляная нешутушка, где заплакала ты свои ясны очушки?* (песня). Яросл.; 'человек расхожий, удалой' Вят. [СРНГ 4: 196]; в ивановских говорах – 'способный, бойкий, сообразительный', ср.: *Он ветляный мальчишка-то.* Пуч. [Батырева, 2009: 18].

В Тейковском районе употребляется диалектная лексема *замы'слитый* 'сообразительный', ср.: *Замыслитый был, всё по дому делал* (Тейковский р-н), мотивированная глаголом *замы'слить* 'задумать' [МАС I: 548]. По данным СРНГ, в ленинградских говорах отмечены фонетические варианты *замы'слистый* 'смышленный' и *замысли'стый* 'много знающий, эрудированный' [СРНГ 10: 270].

От глаголов *куме'кать* 'думать, соображать' с пометой *прост.* [МАС II: 149] и *смека'ть* 'понимать, соображать что-либо' с пометой *разг.* [МАС IV: 149]

посредством морфа *-лив(ый)* образованы диалектные лексемы *куме'кливый*, ср.: *Витька-то кумекливыи, сейчас всё устроит!* (Юрьевецкий р-н) и *смекли'вый*, ср.: *сметли'вый* 'хорошо и быстро соображающий, сообразительный, догадливый' [МАС IV: 153]. Также для Юрьевецкого района характерно наличие прилагательных *зате'йливый* 'склонный к выдумке, изобретательный; занятный' с пометой *прост.* [МАС I: 581], *смышлё'ный* 'сообразительный, понятливый, сметливый' с пометой *разг.* [МАС IV: 161], *ду'мный* 'разумный, умный, думающий (о человеке)' Пск., Твер., Влад. [СРНГ 8: 256], ср.: *Мама, ты такая затейливая! Ну как мы туда пойдём? Холодно же; Нет, хорошего себе мужа Светлана нашла, и смышлёный, и трудолюбивый, и симпотненький такой* (Юрьевецкий р-н).

Способного легко понять, смышленного, ловкого человека в ивановских и ярославских говорах называют *у'шлый*, ср.: *Он в этом деле ушлый, знает, как приняться да чего делать. Не то что мы, сразу то и не сообразим, за что взяться. Он соображает* (Шуйский р-н); *Серёжа ушлый, хорошо учится; Спроси у Нюрки, она ушлая, всё знает* [ЯОС 10: 26]. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой данное слово приведено с пометой *прост.*

Как наименование смышленного, сметливого, находчивого человека в ивановских, владимирских, рязанских, пермских, свердловских говорах употребляется слово общего рода *дога'да*, мотивированное глаголом *догада'ться* 'по каким-либо признакам, приметам прийти к правильному мнению о чем-либо; напасть на верную мысль, сообразить' [МАС I: 414], ср.: *Ленка-то – догада настоящая, выдумала чего: «У меня, - говорит, - мам, голова болит, лишь бы в школу не идти»* (Юрьевецкий р-н); *Ну, ты догада! Какую загадку тебе ни загадаешь, отгадаешь.* Перм.; *Догада – тот до всего дойдёт.* Свердл. [СРНГ 8: 86].

Порицания, осуждения всегда заслуживали люди глупые, бестолковые, несообразительные. Не случайно поэтому в русских народных говорах, в том числе и ивановских, широко распространены лексические единицы, называющие интеллектуально неполноценного человека.

Отрицательная семантика неспособности к результативной мыслительной деятельности актуализирована в диалектном слове *благуто'нный* 'блаженный, недоумок, придурок' (Юрьевецкий р-н), ср.: *блаже'нный* 'глуповатый, чудаковатый (первоначально юродивый)' [МАС I: 96], однокоренные чеш. *blázen* 'сумасшедший, душевнобольной, помешанный', словц. *blázon* 'безрассудный, неразумный человек, глупец', в.-луж. *blazn* 'глупец, дурак; шутник', н.-луж. *blazn* 'сумасшедший, дурак' [ЭССЯ 2: 105].

В русском языке умственно ограниченный, неумный человек именуется *полоу'мный* и *чо'кнутый*, ср.: *Ну что ты несёшься как полоумный, поди и так успеет* (Юрьевецкий р-н); *А я бы просто сказала, это самое, чокнутый* (Родниковский р-н). В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой прилагательное *полоумный* приведено в значении 'сумасшедший, слабоумный, а также подобный сумасшедшему, безрассудный' с пометой *разг.* (от сочетания *по'лый ум*, т.е. 'пустой'), *чокнутый* – 'не совсем нормальный, тронутый' с пометой *прост.* Как видим, представленные наименования свидетельствуют о прямой зависимости способности человека к продуктивной умственной деятельности от его психического состояния.

Для характеристики глупого человека в ивановских говорах используется прилательное *безвале'тный*, с точки зрения народной этимологии связанное с лексемой *вольт* 'единица электрического напряжения, электродвижущей силы' [МАС I: 208], ср.: *Безвалетный, значит, вольто'в в голове нет* (Юрьевецкий р-н).

Отадъективная лексема *глупы'ш* характеризует человека глупого, наивного вследствие недостатка знаний или жизненного опыта, ср.: *Вот так и живёт всю жизнь глупышом* (Савинский р-н); *Глупыш! Да ты маленький ещё! Посиди!* (Юрьевецкий р-н). Данное существительное встречается в словаре В. И. Даля в значении 'молодое и потому еще вовсе глупое животное' [Даль I: 456], а в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой – в значении 'неразумный ребенок, наивный, недогадливый человек' с пометой *разг.* (с оттенком ласкового снисхождения) [МАС I: 317], ср.: мотивирующее прилагательное *глу'пый*

‘умственно ограниченный, неумный’ // ‘недогадливый, несообразительный’ // ‘неразумный, несведущий, наивный (о детях, юных существах)’ с пометой *разг.* [МАС I: 317].

Отрицательно-оценочную коннотацию имеет разговорное слово *балбе́с* ‘рослый, бестолковый и неотесанный молодой человек (о подростке, юноше)’ с пометой *презр.* // ‘тупица, олух’ с пометой *обычно бран.* [МАС I: 57], ср.: *Экий балбес! Свалился на мою голову!* (Юрьевецкий р-н). Семантика данного существительного связана с «казах. *bilbes*, ср. тат., тур. *bilmas* «он не знает»», ср.: выражение *ни бельме́са не понима́ет* [Фасмер I: 114; 149–150].

В значении ‘глупая, несведущая женщина’ в говорах Ивановской области употребляются лексемы *тетё́ха*, ср.: ‘тетка, баба (обычно о толстой, неповоротливой и недалекой женщине)’ с пометой *прост.* [МАС IV: 362], ‘дородная, грубоватая баба, бабища, девка’ с пометой *бранно* [Даль IV: 382], и *конова́ловая* (Юрьевецкий р-н). Диалектное прилагательное *коноваловая* может быть связано с глаголом *конова́ть* ‘сплетничать’, ср.: *Всяко разговаривают, друг про дружку конуют.* Арх. [СРНГ 14: 261], отсылающим носителя языка к полю «интеллектуальная недостаточность».

В речи жителей Родниковского района отмечено употребление семантического деривата *гара́нька* ‘недалекий, глупый человек’, возникшего на основе антропонима, ср.: *Был Ванька – гаранька. – Почему гаранька? – Потому что глупый* (Родниковский р-н). Зафиксированное также в новгородских говорах нарицательное существительное общего рода *гаранька* является прозвищем и восходит к имени собственному Гарасим (Герасим) [СРНГ 6: 137]. В русских народных говорах многочисленны факты деривации на базе личных имен, ср.: *вави́ла* ‘о неповоротливом, неуклюжем, медлительном человеке’ [ЯОС 2: 44], *варва́ра* ‘любопытный человек’ [ЯОС 2: 48], *матрё́на* ‘о неряшливой женщине’ Свердл. [СРНГ 18: 35], *ули́та* ‘неопрятный человек’ [ЯОС 10: 13], *устю́шка* ‘ловкий, пронырливый человек’ [ЯОС 10: 21] и др. [см.: Родионова 2005]. Отметим, что социальный фон того или иного имени характеризует его носителя как

человека «из народа», из низших сословий. По словам Е. Л. Березович, «подобные характерологические смыслы появляются у семантических дериватов личных имен отнюдь не случайно; более того, можно говорить о том, что такого рода представления о негативных качествах человека тяготеют к системно-языковой реализации» [Березович 2007: 524].

Номинарующее глупого человека диалектное существительное *гого'на*, ср.: *Молчит, как гогона* (Шуйский р-н), также в ивановских говорах называющее шумного человека, ср.: *А эта – гогона, потому что гогочет, как гусь* (Савинский р-н), в новгородских говорах отмечено в значениях 'статуя' и 'мифическое существо', в вологодских – 'гордая, важная, надменная женщина', ср.: *И не подходи – какая гогона идёт*. Волог., в олонечких – 'крикун', ср.: *Так называют петуха, который громко поёт*. Олон. [СРНГ 6: 264]. Семантика данного наименования связана со звукоподражательным глаголом *гогота'ть* 'издавать резкие отрывистые крики, похожие на звуки «го-го-го» (о гусях)' [МАС I: 323], в народном сознании ассоциируется с человеческой глупостью, ограниченностью, надменностью.

В анализируемых говорах существует лексема *пая'ка* 'глупый, бестолковый человек', ср.: *Глупых ругают, называют «паяка»* (Шуйский р-н), корневой морф которой отсылает нас к семантике заимствованного из итальянского языка слова *пая'ц*, *пая'с* 'ломака, смешник, балаганный шут или клоун' [Даль III: 34], *пая'ц* 'тот, кто паясничает; шут [от итал. *pagliaccio*]' [МАС III: 36]. Обращает на себя внимание тот факт, что в народном сознании умственно неполноценный человек есть тот, кто своими странностями в поведении вызывает насмешку [Шулякина 2011а: 209].

В говорах Ивановской области распространены прилагательные, образованные с помощью суффикса *-оват(ый)* со значением ослабленного неполного качества («несколько», «слегка»): *глумнова'тый*, *глупова'тый*, *простова'тый*, *дуркова'тый*, *придуркова'тый*.

Лексема *глумнова'тый* 'глуповатый; глупый', ср.: *Добрый он был, но глумноватый, дурбень* (Тейковский р-н), известная также псковским говорам, ср.: *Женихова сестра глумновата: На Воробушек разглумилася* (свадебн. песня). Пск. [СРНГ 6: 211], мотивирована диалектным словом *глумно'й* (*глу'мный*) 'умственно неполноценный, придурковатый; глупый, бестолковый' Орл., Курск., Костром., Влад., Пск., Ленингр., Смол., Калуж., Новосиб. [СРНГ 6: 211], 'глупый, бестолковый // умственно неполноценный' [ЯОС 3: 78], ср.: *Была она как глумная* (Савинский р-н).

Как подчеркивает Т. В. Бахвалова, «если в литературном языке центральным в синонимическом ряду прилагательных со значением 'умственно ограниченный, неумный' является прилагательное *глупый*, то в говорах... нередко этот синонимический ряд открывает диалектное *глумной*» [Бахвалова 1993: 29]. Интересен тот факт, что эти слова по своему происхождению восходят к одному и тому же историческому корню. По мнению этимологов, слово *глумь* 'шутка, насмешка' образовано с помощью суффикса *-мь* от той же основы, что и *глупый*. Основа *глу-* родственна др.-исп. *glauimr* 'веселье', лит. *glaudas* 'забава'. В свою очередь, общеславянское *глупый* «образовано с помощью суф. *-нь* от основы *глу-*, выступающей с иным суффиксом в *глухой*. О связи слов *глухой* и *глупый* свидетельствует тот факт, что того, кто плохо слышит, нередко считают глупым» [КЭСРЯ: 105]. Причем, если прилагательное *глупый* «сохранило первичное значение и в этом значении известно и в литературном языке, и в говорах, то прилагательное *глумной* прошло сложный путь семантического развития, употребляется в говорах в разных значениях» [Бахвалова 1993: 29-30]. Так, значение 'смешливый, насмешливый, веселый' зафиксировано у данного слова в костромских и новгородских, а значение 'смешной, забавный, подающий повод для насмешек' – в костромских, новгородских и олонечких говорах, ср.: *Тебя как звать-то? – Да имя-то у меня глумное. – А как всё же? – Да Сильвестор*. Новг. [СРНГ 6: 211].

Разговорное слово *простова'тый* характеризует исполненного простодушия, бесхитростности, недалекого, наивного человека [МАС III: 526], ср.: *Правду про Семёна говорят. Простоватый он, пока сообразит, зима осень сменит* (Юрьевецкий р-н). По поводу мотивирующего прилагательного В. В. Колесов замечает: «*простой* – по смыслу слова ‘открытый’ навстречу всем влияниям и зависимый от обстоятельств жизни... Как толкует слово Владимир Даль, *простой* – ‘ничем не занятый, сам по себе, не сложный по натуре, но слишком прямой, чтобы сгибаться перед всяким’» [Колесов 2004: 154-155].

Однокоренные синонимичные лексемы *дуркова'тый*, ср.: *дуракова'тый* ‘несколько глупый’ с пометой *разг.* [МАС I: 453], и *придуркова'тый* ‘глуповатый, умственно ограниченный’ с пометой *разг.* [МАС III: 407] встречаются в Савинском, Лухском, Тейковском, Шуйском районах, ср.: *Этот лупоглазик в школе не учивался, дурковатый больно* (Савинский р-н); *Глуповатого человека мы называем придурковатым* (Тейковский р-н). К данным прилагательным примыкает ряд однокоренных дериватов с различным аффиксальным оформлением, мотивированных общей лексемой **дурь* русск. *дурь* ж.р. ‘глупость, блажь’ [ЭССЯ 5: 162]: *ду'рбень, ду'рень, дура'к, дурале'й, дурачи'на, дурё'ха, дуры'нда, полуду'рок, придуду'рок*, ср.: *А мы, дурни, думали, что она заледенела; Только дурёхи потом поумнели* (Фурмановский р-н); *С дурака спросу нет* (Родниковский р-н); *Ну ты и дурбень! Сказала же, что не знаю, а ты знай своё; Полно ты, дурачина, глупости-то молоть зря; Да знаю я её! Така это дурында бестолковая; Это полудурок, или прикидывается, не знаю уж; С придурками чего разговаривать? Бесплезно... Только нервы себе подынешь, больше ничего. Пусть уж сами разбираются* (Шуйский р-н). По данным СРНГ, диалектное слово *дурбень* ‘дурак, дурень’ представлено также в сибирских, костромских говорах [СРНГ 8: 265–266]. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой стилистически маркированы лексемы *дурень, дурачина* ‘глупый, тупой человек’ с пометой *прост.*, *дурак, дуралей* ‘глупый, тупой человек’ с пометой *разг.*, *дурёха* ‘дура, глупая женщина’ с пометой *прост. пренебр.* [МАС I: 453], *полудурок*

‘глуповатый, придурковатый человек’ с пометой *прост.* [МАС III: 271], *придурок* ‘придурковатый человек’ с пометой *прост.* [МАС III: 407]. С пометой *ирон.-ласк.* в Словаре русского арго под ред. В.С. Елистратова зафиксировано существительное *дурында* ‘дурачок (дурочка)’.

Мотивированное существительным *придурок* прилагательное *приду’рошный* является наименованием бестолкового, малоумного, взбалмошного человека, ср.: *Наська, девка придурошная, взяла и выкинула целый мешок картошки!* (Юрьевецкий р-н).

Отрицательную оценку говорящего выражает устойчивое выражение <как> *дурье поле*, характеризующее глупого, нелепо одетого человека, ср.: *Полно ты, дурье поле!; Уж и так глупа, да ещё оделась, как дурье поле.* «Дурье поле» говорят о человеке с дурью (Шуйск., Сав., В.-ланд., Кин.) [Батырева 2009: 33]. Возможно, возникновение приведенного лексического сочетания связано с существительным *дурь*, называющим в говорах сорные или ядовитые растения, ср.: *дурь-трава* ‘белена черная’ Смол., Волог., Урал. [СРНГ 8: 273]; *дурь, дурни’на* ‘негодная для корму трава, сорная трава’ [Даль I: 640]. Таким образом, выражение *дурье поле* – поле, на котором растет дурная, скверная по качеству трава, могло вызвать появление негативной характеристики человека по его умственным способностям.

Наши материалы содержат однокоренные субстантивы *бе’столочь*, *бестолко’вщина* и *бестолку’ша* ‘бестолковый человек’, мотивированные прилагательным *бестолко’вый* ‘непонятливый, несообразительный’ [МАС I: 87], ср.: *Она как бестолочь. Всё ей надо растолковать, всё объяснить сто раз. Скорее сам всё сделаешь; Эта бестолкуша меня совсем уморила, устал уж, толковавши одно и то же сто раз; Ай ты бестолковый! Говоришь тебе, говоришь... Чего тут непонятного?* (Шуйский р-н). Семантика представленных единиц связана с существительным *толк* в значении ‘ум, разум, смекалка’ с пометой *разг.* [МАС IV: 374], ср.: выражения *без толку* ‘беспорядочно, бестолково’, *с толком* ‘с умом, толково, дельно’ [МАС IV: 374].

Известное ивановским и ярославским говорам негативно-приставочное прилагательное *неде'льный* называет бестолкового, ничего не умеющего делать человека, ср.: *Таня, дочь моя, недельная, непробивная* (Тейковский р-н). Кроме того, на территории Ярославской области это слово зафиксировано в значении 'ленивый, не желающий трудиться' [ЯОС 6: 129]. Как справедливо отмечает Т. В. Леонтьева, «семантические регистры 'глупый' и 'ленивый' часто соседствуют внутри многозначных слов и, вероятно, являются источниками друг для друга. Переход возможен в обоих направлениях: от наименований ленивого человека производны названия глупца, а обозначения глупого человека становятся именами ленивого. (...) Актуализированная причинно-следственная связь (*ленивый* ← [потому что] ← *глупый*) опирается на убеждение, что глупец всегда ленив или не способен к труду, одним словом, ведет праздный образ жизни. В соответствии с наивными воззрениями человека, ленивый глуп, а глупый ленив» [Леонтьева 2001: 98–99].

Общепонятное слово *неуда'чник* 'неудачливый человек' [МАС II: 487], 'человек, которому в жизни не посчастливилось, который за что ни возьмется, все ему не удастся' [Даль II: 703] в ивановских говорах употребляется как наименование несообразительного, ненаходчивого человека, ср.: *Такого зовём неудачником* (Родниковский р-н).

Известное ивановским и ярославским говорам слово *чалдо'н* в значении 'о глупом, упрямом человеке' [ЯОС 10: 47] образовано за счет метафорического переноса с названия лица по географическому происхождению 'коренной житель Сибири' с пометой *обл.* [МАС IV: 652] на человека с теми или иными свойствами натуры, ср.: *Чалдоном называют тупого, недалекого ума человека, типа простофили. Шуйск., Ив., Пест.; Чалдон – это упёртый такой человек, его ничем не сопрёшь. Кин., Шуйск.* [Батырева 2009: 129]. Чалдоны (челдоны) считаются истинными сибирскими старожилками, потомками первых поселенцев, первопроходцев. Их отличали такие качества, как упорство, настойчивость, твердость духа и смелость, предприимчивость при одновременной диковатости, угрюмости, грубоватости. В XIX в. в северной части Енисейской губернии этим

словом определяли «люди неумный, бродячий, без привычки к насиженному месту, промышлявший охотой, суровый и диковатый на вид» [Андюсев 2003: 24–34]. Как отмечает Е. Л. Березович, «в народном сознании чужие коллективы нередко наделяются негативными сверхъестественными и даже противоестественными характеристиками» [Березович 2007: 234]. Противопоставление по признаку «свой – чужой» является «одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 47]. «Свое – чужое» есть универсальная категория и способ описания мира в человеческом сознании: то, что близко (в буквальном и переносном смысле), понятно или познаваемо, квалифицируется как «свое». В пространстве «своего» человек чувствует себя комфортно и уверенно. Напротив, чужой мир представляется средоточием враждебных сил, а потому вызывает опасение. Таким образом, сема ‘чужой’, по-видимому, стала основой для появления семы ‘странный, непонятный’, а далее – ‘неумный’, ‘невежественный’, ‘интеллектуально неполноценный’.

Бытующее в Южском районе существительное *шаромы’жник*, дающее отрицательную характеристику человеку по его умственным способностям, ср.: *Ну ненаходчивый или шаромыжник* (Южский р-н), в просторечии употребляется как бранное слово, номинируя того, кто любит поживиться на чужой счет, ловкача, жулика [МАС IV: 703], ср.: *шаромы’га (шеромы’га)* ‘шатун и плут, обирала, оплетала, обманщик, промышляющий на чужой счет’ [Даль IV: 714]. Этимологи по-разному объясняют происхождение данного наименования: во-первых, из франц. *cher ami* ‘дорогой друг’ – обращение солдат наполеоновской армии к русским; во-вторых, предполагают сближение по народной этимологии с *ша’рить* и *мы’кать*; в-третьих, может быть связано с *шарма’*, *ша’ром* ‘даром’ [Фасмер IV: 411], ср.: *ша’ром да’ром взял* ‘ни за что; шально, дешево’ [Даль IV: 704].

Хорошо известны ивановским говорам просторечные лексемы с префиксом *недо-*, в основе семантики которых лежит мотив неполноты, недостаточности, неполноценности: *недотё’па* ‘неловкий и неумелый человек’ [МАС II: 440], ср.:

однокоренные прилагательные *недоте́'панный* (*недоте́'пенный*) и *недоте́'пный* ‘недоразвитый, недоучившийся, непонятливый (о человеке)’ Пск., Оренб., Брян. [СРНГ 21: 33], *недоу'мок* ‘неразвитый, глуповатый человек’ [МАС II: 441], ср.: *Глупого человека мы называем недоумок* (Тейковский р-н); *Ты, недоумок, куда ты прёшь, неужто не видишь, там дети сидят, объедь с другой стороны* (Юрьевецкий р-н). В значении ‘неучившийся, невежественный человек, неуч’ существительное *недоумок* представлено в забайкальских говорах [СРНГ 21: 35], а в словаре В.И. Даля приведено как ‘слабоумный или простоватый, (недогадливый, глупый), глуповатый; незрелый ум, детский, ребячий, молодой’ [Даль II: 673].

Наименованием человека, не умеющего быстро думать и соображать, является разговорное слово *тугодум*, ср.: *Ваньку попроси помочь-то, ему всё равно делать нечего. – Ну ты что, он тугодум такой, с ним каши не сварить* (Юрьевецкий р-н), связанное с прилагательным *туго'й* ‘медленно, с трудом воспринимающий или воспроизводящий что-либо (о мыслительных способностях человека)’ [МАС IV: 423] и глаголом *ду'мать* ‘размышлять, предаваться раздумью’ [МАС I: 452].

Ярко выраженную отрицательно-оценочную коннотацию имеют однокоренные субстантивы *тупи'ца*, ср.: *Ой, Олег твой нахваленный тупица, да и только* (Юрьевецкий р-н), *ту'пень* (Фурмановский р-н) и устойчивое выражение *туп как ва'ленок* (Южский р-н). Существительное общего рода *тупица* ‘тупой, непонятливый, плохо соображающий человек’ с пометой *разг.* [МАС IV: 426] и диалектное существительное *тупень*, образованное с помощью суффикса *-ень* со значением ‘название лица с отрицательной характеристикой’, мотивированы прилагательным *тупо'й* ‘умственно ограниченный, соображающий плохо, с трудом’ [МАС IV: 426–427]. Устойчивое выражение *туп как валенок* продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации, которые могут быть связаны с простой повседневной крестьянской обувью – *ва'ленками* ‘зимние теплые сапоги, сваленные из шерсти’ [МАС I: 135], носа этой обуви тупые, т. е. мало суживающиеся к концу. Как видим, в диалектной метафоре актуализировано

противопоставление ума «острого» ‘умный человек’ – уму «тупому» ‘глупый человек’. Внешние, наиболее яркие признаки предметов помогают языковой личности осмыслить сложные внутренние качества человека.

В результате метафорического переноса с объекта материального мира (*пень* – ‘оставшаяся на корню часть ствола спиленного, срубленного или сломанного дерева’) на человека лексема *пень* стала обозначать глупого или бесчувственного человека [МАС III: 40]. Следует заметить, что в народном сознании глупый, несообразительный человек часто ассоциируется с деревом (пнем), что и находит отражение в речи, ср. в поговорке: *глуп как пень*. Так и значение существительного общего рода *дуби́на* ‘о бестолковом, тупом человеке’ с пометой *прост. бран.* [МАС I: 450], ср.: *дубина стоеро́совая* ‘то же, что дурак, болван, но с оттенком усиления’ с пометой *прост. бран.* [МАС IV: 269], может быть мотивировано прямым значением этого слова ‘толстая тяжелая палка’ [МАС I: 450], ср.: *Сосед все жене говорит: «Что, дубина, дверь расхлебянила?»* (Вичугский р-н); *Что же ты у меня за дубина такая, а? У всех ведь дети как дети, ну у меня беда* (Юрьевецкий р-н). Данные соответствия обнаруживают древнейший концептуальный параллелизм «Человек» – «Дерево», основанный на мифологических воззрениях. Эти аргументы стали причиной выделения так называемых «деревянных» метафор (Е. Л. Березович, Е. В. Колосько, Т. В. Леонтьева).

В Приволжском районе отрицательная оценка глупого человека передается устойчивым выражением *голова́ как шабала́*, ср.: *Раньше у нас в деревне парень один ходил, так как он пройдёт, а бабы ему: «Эх, голова у тебя как шабала, вся в дырках, пустая»* (Прив.) [Батырева 2009: 133]; *Голова без ума шабала* [Даль IV: 694]. По-видимому, переносное значение для характеристики лица по его умственным качествам возникло у слова на основе наименования предмета – *шабала́* ‘приспособление в виде железной лопатки с дырками для выгребания горячих углей’ [БАС 17: 615], ср.: *Шабала такая в виде большого совка с дырками, и ручка длинная у его, чтоб угли из печи доставать* (Прив.) [Батырева 2009: 133]. Общим признаком, сближающим разные значения, является наличие пустоты:

внешней и внутренней (неспособности мыслить) [Шулякина: URL: <http://econf.rae.ru/article/7462>], ср.: *пустое место* ‘о ничего не значащем человеке, ничтожестве’ [МАС III: 561].

Как справедливо отмечает Е. В. Колосько, «диалектная лексика, употребляемая в метафорических значениях, характеризующих человека, является частью экспрессивной, эмоционально-оценочной лексики, которая не привязана лишь к какому-либо одному диалекту, не является уникальной особенностью какого-либо единого говора. Одним из интегрирующих начал для метафоры является антропоцентризм ее значений, которые сконцентрированы на выделении свойств и качеств человека» [Колосько 2001: 205–206].

Лексико-тематическая подгруппа наименований, характеризующих человека по его интеллектуальным способностям, в основном представлена отсубстантивными именами существительными и прилагательными, также отмечаются факты образования лексем в результате метафорического переноса.

Эмоции сопровождают человека на протяжении всей жизни, протекая на фоне его интеллектуальной деятельности, переплетаясь с ней. По утверждению знаменитого естествоиспытателя Ч. Дарвина, эмоции возникли в процессе эволюции как средство, при помощи которого живые существа устанавливают значимость тех или иных условий для удовлетворения актуальных для них потребностей. Благодаря эмоциям мы лучше понимаем друг друга, можем, не пользуясь речью, судить о состояниях друг друга и лучше настраиваться на совместную деятельность и общение.

Лексическое множество, характеризующее человека по его эмоциональному состоянию, представлено оппозицией лексем: ‘веселый человек, весельчак’ – *балагу’р, весё’лый, веселу’шка, весельча’к, гоготу’н, гомоно’к, заводи’ло, заводно’й, зате’йник, зубоска’л, лю’тый, поте’шник, смею’шка, хохма’ч, хохоту’н, хохоту’шка, чу’дик* и ‘невеселый, грустный’ – *грустли’вый, жмурно’й, зану’да, квё’лый, насу’пистый, невроте’нек, смурно’й, уны’лый, хму’рый, хмурно’й; ‘плакса, плаксивый’ – брюзга’, во’йка, вязга’, гнуса’, кила’, мокри’ца, мокрощё’лка,*

мокру́ша, нудли́вый, ны́тик, нуть, ню́ня, пла́кса, плакси́вый, рё́ва, реву́н, реву́нья, рё́вушка, рыда́лица, слезли́вый, стону́чка, хны́кса. Количественный перевес в сторону лексических единиц, содержащих негативную оценку человека по его эмоциональному состоянию, взгляду на мир (32 / 17), подтверждает стереотипные представления диалектоносителей о том, что испытываемые отрицательные эмоции не только негативно сказываются на межличностных отношениях, но и мешают выполнению коллективной работы (известно, что трудовые процессы занимают центральное место в жизни селянина).

Еще немецкий философ И. Кант по степени активности выделял два вида эмоциональных состояний: стенические эмоции – переживания, повышающие активность личности, и астенические – переживания, снижающие активность личности. Действительно, в приподнятом настроении дело спорится быстрее, энергия, переполняющая нас, помогает справиться с большим объемом работы, «работа кипит и дело спорится». В плохом настроении, наоборот, ничего не хочется делать, возникает апатия, теряется уверенность в своих силах, «все валится из рук».

Как наименование человека, испытывающего чувство грусти, печального, унылого в ивановских говорах употребляется диалектное слово *грустли́вый*, образованное с помощью суффикса *-лив-* в значении ‘склонный к какому-либо действию’ от абстрактного существительного *грусть* ‘чувство печали, легкого уныния’ [МАС I: 353] ср.: *Что-то ты грустливый какой-то сегодня, проиграли что ли вчера?* (Шуйский р-н). По данным словарной картотеки ЛАРНГ, диалектное прилагательное *грустли́вый* встречается также в тверских, курских, вологодских, воронежских, тульских, волгоградских говорах, ср.: *Человек грустливый, когда горе у него* (Воронежская обл., Эртилский р-н) [Картотека ЛАРНГ].

В рассматриваемый синонимический ряд входит отмеченная в Лухском районе лексема *жмурно́й* ‘печальный, грустный’, связанная с диалектным глаголом *жму́риться* ‘горевать, печалиться’, известным во владимирских говорах [СРНГ 9:

206]. Заметим, что в народных говорах бытуют однокоренные слова: *жму'ра* 'угрюмый человек, нелюдим' Пск., Смол.; *жмур*, *жму'рик* 'умерший человек, покойник' Краснояр., Пенз. [СРНГ 9: 206].

Ивановским, орловским, курским говорам известно слово *хмурно'й* 'хмурый, мрачный, печальный', мотивированное прилагательным *хму'рый* 'насупившийся, мрачный, угрюмый // с суровым, мрачным характером' [МАС IV: 609], ср.: *Ты чего, Степан, Николая с собой не взял? – Ну его, хмурной он какой-то* (Юрьевецкий р-н); *Все смеются, а он хмурной* (Орловская обл., Урицкий р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Фонетический вариант *смурно'й* 'печальный, грустный' образован от прилагательного *смур'рый* 'пасмурный, сумрачный' [МАС IV: 159] (налицо метафорический перенос с атмосферного явления, репрезентирующего ненастную погоду, на характеристику эмоционального состояния человека, что свидетельствует о том, что диалектное сообщество воспринимает себя в единстве с природой). Территория распространения слова *смурно'й* довольно широка: охватывает как ивановские, так и костромские, орловские, московские, вологодские, пензенские, тульские, волгоградские, архангельские говоры, ср.: *Захар, ты чего смурной какой сегодня?* (Юрьевецкий р-н); *Сидит смурной, нос повесил, аж смотреть на него тошно* (Тульская обл., Богородицкий р-н) [Картотека ЛАРНГ]; *Мужик-то мой пришёл смурной, как осенняя туча.* Арх. [СРНГ 39: 59].

В Лухском и Юрьевецком районах зафиксирована лексема *квё'лый* 'невеселый, грустный', соотносимая с глаголом **kvělitī* (др.-рус. *квелити* 'доводить до слез'). По данным СРНГ, в рязанских и тамбовских говорах это слово является наименованием плаксивого человека, недотроги, а в пензенских, смоленских, ярославских, тверских, московских, новгородских, свердловских употребляется по отношению к болезненному, слабому, хилому человеку, ср.: *Уж больно он квёлый, всё время больной* [СРНГ 13: 165–166]. Соединение в одной лексеме нескольких семантических компонентов вскрывает причинные отношения между характеристиками человека, выявляет зависимость одного признака от другого: невеселый, грустный, потому что нездоровый, больной [Шулякина 2012г: 435].

В анализируемых говорах существует слово *насу'пистый* 'угрюмый, мрачный', мотивированное глаголом *насу'питься* 'сдвинув, нахмутив брови, принять суровый, неприветливый вид' [МАС II: 403], ср.: *Но невесёлый он был, насупистый* (Тейковский р-н). Данная лексема бытует в костромских, вологодских, тверских, тульских, саратовских, курских, волгоградских говорах, ср.: *Фу, какой насупистый* (Костромская обл., Судиславский р-н), наряду с такими словообразовательными синонимами, как *насу'пливый* (Курская обл., Тимский р-н), *насуны'ристый* (Курская обл., Черемысиновский р-н), *насупу'ренный* (Орловская обл., Залегощенский р-н) [Картотека ЛАРНГ].

Для характеристики человека, находящегося в угнетенном, подавленном состоянии духа, в Родниковском районе используется диалектное существительное *невроте'нек*. По своему происхождению рассматриваемая лексема связана с литературным словом *неврасте'ник* 'человек, страдающий неврастением' [МАС II: 429] (*неврастени'я* 'расстройство нервной системы, выражающееся в повышенной утомляемости, раздражительности, головных болях и т. п.' [МАС II: 430]).

В ивановских говорах для номинации печального, грустного человека употребляется слово общего рода *зану'да*, вероятно образованное от диалектного глагола *зануди'ть* 'затосковать, заскучать', ср.: *Как зануда ходит* (Родниковский р-н), *Он всегда занудит перед запоем*. Ворон. [СРНГ 10: 285], приобретающее иное семантическое наполнение, чем в литературном языке, – 'очень нудный и надоедливый человек' с пометой *груб. прост. презр. и бран.* [МАС I: 551].

Целый ряд лексических единиц, называющих в ивановских говорах плаксу, реву, образован от глаголов, свойственных разговорной речи и просторечию. Например, это существительные общего рода: *брюзга'* – *брюзжа'ть* 'надоедливо ворчать, выразить недовольство чем-либо' [МАС I: 119], 'тихо, беспрестанно плакать' Калуж. [СРНГ 3: 221]; *во'йка* – *выть* 'плакать в голос' с пометой *прост.* [МАС I: 288], ср.: *Эх, ты, войка малолетняя! Было бы из-за чего страдать* (Юрьевецкий р-н); *гнуса'* (Лухский р-н) – *гнуси'ть* 'произносить звуки, говорить,

петь с носовым призвуком' с пометой *разг.* [МАС I: 322]; *ны'тик, нить* (сущ.) – *нить* 'надоедливо жаловаться на что-либо // издавать тягучие, жалобные звуки' с пометой *разг.* [МАС II: 516], ср.: *Папанька её за это срамил, нитиком звал* (Савинский р-н); *Вот Евстолия – она как нить была* (Южский р-н); *ню'ня – ню'нить* 'плакать' с пометой *прост.* [МАС II: 516], ср.: *Ну ты и нюня! Что опять случилось?* (Шуйский р-н); *рё'ва, рё'вушка – реве'ть* 'громко, сильно плакать' с пометой *разг.* [МАС III: 691], ср.: *Ну, рёва, сразу в слёзы. Нельзя же так! Ну, не плачь, моя рёвушка, успокойся, вытри глазки* (Шуйский р-н); *хны'кса – хны'кать* 'плакать, издавая монотонные негромкие звуки // жаловаться на что-либо, плакаться, нить' с пометой *разг.* [МАС IV: 609], ср.: *Перестань реветь! Ты мальчик, а не девочка. Хныксой стыдно быть* (Шуйский р-н). Заслуживает внимания тот факт, что приведенные лексические единицы, помимо указанной ядерной семы, содержат потенциальную сему 'тот, кто надоедает просьбами, жалобами'. Для таких людей характерно мрачное мироощущение, проникнутое унынием, безнадежностью, неверием в будущее.

Бытующее в Шуйском, Пестяковском, Фурмановском районах существительное общего рода *вязга'* 'плакса; надоедливый проситель; навязчивый человек', ср.: *Робёнок у них – до чего вязга. Чуть что не по его, сразу реветь. Видать, набалованный* (Шуйский р-н); *Трещит, как вязга; С моей навстрешницей легче не связываться – как вязга.* Шуйск., Пест., Фурм. [Батырева 2009: 22], мотивировано диалектным глаголом *вязже'ть* 'надоедать плачем, жалобами на что-либо' Твер., Нижегород. [СРНГ 6: 74]. В отмеченных значениях существительное *вязга'* употребляется и в ярославских, владимирских, тверских, новгородских, архангельских говорах, ср.: *Он каждый раз что вязга какая вязжит.* Нижегород. [СРНГ 6: 73]; *Какой же ты вязга, за каждое слово цепляешься* [ЯОС 3: 62].

Зафиксированная в Юрьевецком районе лексема *рыда'лица* образована от глагола *рыда'ть* 'громко плакать, судорожно всхлипывая' [МАС III: 745], 'оплакивать кого-либо' [СРНГ 35: 303], в зависимости от значения мотивирующего

слова может служить наименованием как плачущего ребенка, так и женщины-плакальщицы на похоронах.

Известное в Лухском и Юрьевецком районах слово *реву'н* (форма женского рода – *реву'нья*) ‘тот, кто часто плачет, ревет’ с пометой *разг.* [МАС IV: 693], по данным СРНГ, в говорах Забайкалья называет крикливого, беспокойного человека [СРНГ 35: 11].

Литературное слово *гры'жа* и его просторечный синоним *кила'* являются названиями болезни, выражающейся в выпадении органов брюшной полости за ее пределы под кожу или в другие ткани [МАС I: 353; 2: 48]. В ивановских говорах слово *кила'* употребляется и как обозначение болезни, и как характеристика плаксивого человека. Лексема *кила'* ‘о надоедливом, ворчливом человеке’, отмеченная также в ярославских, свердловских, уральских и других говорах, ср.: *Не кили ты, вот кила настоящая.* Свердл. [СРНГ 13: 206], обнаруживает связь с глаголом *кили'ть* ‘ворчать, жаловаться на что-либо’, ‘неотступно просить что-либо’ Волог. [СРНГ 13: 208].

Исследуемым говорам свойственны однокоренные образования от прилагательного *мо'крый* ‘пропитанный влагой, сырой // покрытый влагой’ [МАС II: 289], являющиеся шутивными названиями плачущего человека: *мокри'ца*, *мокрощ'лка*, *мокру'ша*, ср.: *Ты что, мокрица, сырость развела? По каждому пустяку Таня-мокрощёлка лила слёзы. Не реви, мокруша!* (Савинский р-н). Слово *мокри'ца* распространено в ярославских говорах и как прозвище невзрачного человека [СРНГ 18: 210]. На территории Юрьевецкого района зафиксирован диалектный глагол *мокру'шничать* ‘плакать’, ср.: *Не мокрушничай! Нечего тут сырость разводите!* (Юрьевецкий р-н).

К рассматриваемому лексическому множеству примыкает диалектное слово *нудли'вый* ‘плаксивый’, соотносимое с прилагательным *ну'дный* ‘докучающий чем-либо, вызывающий скуку, наводящий тоску, скучный’ [МАС II: 514], ср.: *Нудливая была, папанька её за это срамил* (Савинский р-н).

Несмотря на количественный перевес в сторону лексических единиц, содержащих негативную оценку человека по его эмоциональному состоянию, взгляду на мир, носителями диалекта очень ценятся такие качества, как оптимизм, задорность, веселый нрав. Люди, обладающие жизнерадостным, веселым характером, имеют гармоничные отношения с окружающими. Как указывает И. С. Урманчеева, в этнографических заметках Г. С. Виноградова (1926 г.) дается характеристика задорных, оптимистично настроенных лиц: «Они в народной праздничной и повседневной жизни играют заметную роль: они помогают заполнять досуг, они скрашивают зимнюю работу в избе» (цит. по [Урманчеева 2003: 87]).

Многие наименования данного микрополя имеют прозрачную внутреннюю форму, в них легко угадывается мотивация: существительное *балагу'р* 'веселый говорун, шутник', известное также в ярославских, орловских, тульских, пермских говорах, образовано от глагола *балагу'рить* 'говорить весело, забавно, пересыпая речь шутками, остротами' [МАС I: 57], ср.: *Балагур всегда смеётся и никогда не унывает* (Вичугский р-н); однокоренные существительные *веселу'шка*, *весельча'к* 'тот, кто имеет веселый нрав, любит повеселиться' – от *весё'лый* 'полный веселья, жизнерадостный' [МАС I: 155], ср.: *Она молодая была уж така бойкая, така веселушка да плясунья-певунья* (Шуйский р-н); *Весельчак скучать не даст* (Родниковский р-н); лексема *гоготу'н* мотивирована глаголом *гогота'ть* 'громко, несдержанно смеяться; хохотать' [МАС I: 323], ср.: *Ну ты и гоготун! Что, совсем неймётся?* (Юрьевецкий р-н); слово общего рода *заводи'ло* 'веселый, компанейский человек' (в архангельских говорах – 'запевала' [СРНГ 9: 323], в ярославских *заводи'ла* – 'запевала в хоре' [ЯОС 4: 60]) соотносится с прилагательным *заводно'й* 'легко возбуждающийся, увлекающийся, веселый' и глаголом *заводи'ть* 'начать что-либо' [МАС I: 504], ср.: *Я в молодости заводилой была* (Тейковский р-н); *Весельчак, а так заводной. Соберёт всех и давай тешиться* (Южский р-н); существительное *зубоска'л* мотивировано глаголом *зубоска'лить* 'смеяться, шутить, насмехаться' [МАС I: 624], ср.: *Анатолия*

Захарова знаешь ты, кто он? – Анатолий-то, да зубоскал он, вот кто (Юрьевецкий р-н); лексическая единица *потешник* ‘человек веселого нрава’ – глаголом *потеша́ть* ‘забавлять, развлекать, веселить’ [МАС III: 331], ср.: *Сосед у меня потешник* (Южский р-н); диалектное слово *смею́шка* – глаголом *смея́ться* ‘издавать смех’ [МАС IV: 154], ср.: *Ты совсем меня свела, смеюшка-хохотушка!* (Юрьевецкий р-н); однокоренные субстантивы *хохоту́н, хохоту́шка* ‘тот, кто любит смеяться, хохотать’ – разговорным глаголом *хохота́ть* ‘громко смеяться’ [МАС IV: 623], ср.: *Пашка такой хохотун, с ним не соскучишься; Да полно тебе, хохотушка, эка развеселилась* (Шуйский р-н); слово *хохма́ч* соотносится с просторечным существительным *хо́хма* ‘остроумная веселая шутка, что-либо очень смешное’ [МАС IV: 623]; лексема *чу́дик* ‘весельчак’ – с глаголом *чуди́ть* ‘совершать нелепые, странные поступки, дурить // шутить, дурачиться’ [МАС IV: 691], ср.: *Чудики, находчивые такие, они уморят всех* (Родниковский р-н).

В Лухском районе зафиксировано слово *лю́тый* ‘активный, деятельный, жизнерадостный’, ср.: *Такая была лютая, весёлая баба-то Настя* (Лухский р-н), хорошо известное другим народным говорам в значениях: ‘ловкий’ Моск., ‘смышленный, догадливый’ Влад., ‘смелый, удалой’ Горьк. [СРНГ 17: 249]. Заметим, что в народных говорах данная лексема обладает положительной семантикой в отличие от литературного языка, где слово *лю́тый* отмечено в значении ‘жестокий, беспощадный (о человеке)’ [МАС II: 211] и продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

В качестве наименования веселого человека в ивановских говорах употребляется существительное *гомоно́к*, ср.: *Но добрый и весёлый, гомоник* (Тейковский р-н), встречающееся в ярославских говорах с разной семантикой, – ‘неспокойный человек’, ‘веселый, живой ребенок’, ‘разговорчивый человек, говорун’ [ЯОС 3: 94]. Рассматриваемая лексема восходит к многозначному глаголу *гомони́ть*: ‘хохотать’ – псковские, смоленские, калужские, воронежские говоры; ‘плакать, кричать’ – калужские; ‘громко говорить, разговаривать’ – смоленские, курские, орловские, брянские, калужские, псковские говоры [СРНГ 6: 355]. Во всех

этих значениях, как видим, актуализируется семантический компонент 'громко, во весь голос'.

К рассматриваемой лексико-тематической подгруппе, характеризующей человека по его эмоциональному состоянию, следует отнести ряд наименований: *визжа'ть, горла'нить, горлопа'нить, игра'ть, крича'ть пе'сни, тяну'ть 'петь песни'*; *заводи'ла, запева'ла, зате'йник, игру'нья, ли'рник, певу'н, певу'нья, пе'сельник, пе'сенник* 'любитель петь песни'; *вихля'ться, дроби'ть, дры'гаться, кренделя'бры выде'лывать, лета'ть, отчебу'чивать, пусти'ться в пляс, скака'ть, то'пять 'плясать'*; *веселу'н, лету'н, массови'к-зате'йник, плясу'н, плясу'нья, плясу'ха, поплясу'нья, топоту'н* 'любитель плясать' (29 лексических единиц и 3 устойчивых выражения).

Большинство приведенных наименований имеют прозрачную внутреннюю форму, в них легко угадывается мотивация и словообразовательные связи: *веселу'н – весё'лый* 'полный веселья, жизнерадостный' [МАС I: 155], ср.: *Веселун у нас Пашка! На месте не может усидеть* (Юрьевецкий р-н); *запева'ла – запева'ть* 'исполнять запев, начинать песню' [МАС I: 555], ср.: *Ну, у вас запевал много тут и без меня* (Шуйский р-н); *игру'нья* 'певица, певунья, песенница' – *игра'ть песни* 'петь' с пометой *обл.* [МАС I: 629], ср.: *А раньше-то часто играла звонко, хорошо... Такая игрунья была* (Тейковский р-н); *Она и тётя Даша, мы игруньи природные... у меня голос был высокий, лёгкий.* Ряз. [СРНГ 12: 74]; *певу'н* (форма женского рода – *певу'нья*) – *петь* 'издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальное произведение // уметь издавать голосом такие звуки' [МАС III: 117], ср.: *Мужик – певун, а баба – певунья* (Южский р-н); *пе'сенник, пе'сельник* 'человек, любящий и умеющий петь; песенник' (бытует, кроме ивановских, также в московских, тульских, калужских, орловских, курских и других говорах) – *пе'сня* 'словесно-музыкальное произведение для пения' [МАС III: 114], ср.: *А песельники-то все собрались уж что ли?* (Шуйский р-н); *Иван песельник был: токо и вопьёт кружку браги, и песни ему надо петь.* Перм. [СРНГ 26: 300]; *лету'н – лета'ть* 'двигаться, передвигаться легко и быстро, едва касаясь земли, пола и т.п.' [МАС II: 178], ср.:

Летали под гармошку, аж земля дымилась; Он главным летуном был, девки толпами бегали (Савинский р-н); *плясу'н* (форма женского рода – *плясу'нья*), *плясу'ха* (известно также новгородским, псковским, смоленским, тульским, орловским, курским говорам) – *пляса'ть* ‘танцевать (обычно какой-либо народный танец)’ [МАС III: 148], ср.: *Теперь уж таких плясунов нет* (Шуйский р-н); *Я петь и плясать любила. Плясуха была. Это сейчас уж годы не те* (Тейковский р-н); *Бабы молодые – плясухи, игрухи*. Орл. [СРНГ 27: 177]; *поплясу'нья* (распространено также в псковских, тверских говорах) – *попляса'ть* ‘плясать некоторое время’ [МАС III: 295], ср.: *У меня сестра поплясунья была* (Тейковский р-н); *топoutu'н – топота'ть* ‘часто и сильно топать ногами при ходьбе, беге и т.п.’ с пометой *разг.* [МАС IV: 383], ср.: *Ну, массовик-затейник, ну топотун! Эк отплясывает!* (Юрьевецкий р-н).

Слово *ли'рник*, в литературном языке выступающее в значении ‘музыкант-певец, аккомпанирующий себе на лире’ [МАС II: 186], в ивановских говорах зафиксировано в значении ‘любитель петь песни’, ср.: *Парень у нас был, заводила самый натуральный, что ни на есть лирничек* (Фурмановский р-н).

На способ пения указывает сема, содержащаяся в значении однокоренных лексем *горла'нить* и *горлопа'нить* ‘говорить, кричать или петь слишком громко, во все горло’ (фонематические варианты *горлопе'нить* (Перм.) и *горлопя'нить* (Тул.) [СРНГ 7: 42]), ср.: *Горланили до самого утра, а потом на работу* (Савинский р-н); *Не знаешь, Люсь, Семёновну-то на свадьбу пригласили? – А то, неужто не слышишь, горлопанит на всю деревню* (Юрьевецкий р-н).

Наряду с ивановскими, в орловских, брянских, новгородских говорах бытует устойчивое лексическое сочетание *крича'ть песни* ‘громко петь песни’ (во владимирских, мордовских – *крыча'ть песни* [СРНГ 15: 262]), ср.: *Девчата песни кричат* (Фурмановский р-н); *Я смолоду мастерица песни кричать. Теперь стара, задыхиваюсь*. Брян. [СРНГ 15: 261].

Выражение определенного отношения к каким-либо событиям и фактам, передача самых разнообразных мыслей, чувств и настроений – главное

назначение частушек, коротких, как правило, четырехстрочных песенок, исполняемых в быстром темпе. Преобладающее место в них занимают настроения бодрости, активного жизнеутверждения. Исполняя частушки, по обыкновению издают визг, визгливо кричат, производят визгливые звуки, ср.: *Девчонки топают да визжат* (Фурмановский р-н). Глагол *визжа'ть* известен другим народным говорам в значениях: 'плакать сильно, продолжительно' Влад., Волог.; 'говорить, растягивая слова, произносить слово за словом, как бы нехотя, с паузами' Влад. [СРНГ 4: 278].

На противоположном полюсе находятся лирические песни, отличающиеся большей частью грустным тоном, так называемые *протяжные* песни, ср.: *тяну'ть* 'медленно, протяжно петь или говорить' [МАС IV: 440], ср.: *Как затянет дорожную, дрожь по пяткам побежит* (Фурмановский р-н).

В народном танце всегда главенствует ритмическое начало, которое подчеркивается танцовщиком (притоптывания, хлопки, звон колец, бубенчиков). Так, ивановские говоры содержат слово *дроби'ть* 'отбивать ногами в танце, пляске дробь; ритмично передвигаться мелкими шажками, притоптывая', известное также смоленским, псковским, ленинградским, вологодским, архангельским, челябинским, пермским говорам, ср.: *Валя Бадина в девках так дробила да все щиколотками пристукивала* (Кинешемский р-н); *Я сплясать сплясала бы, Я дробить сдробила бы, Ах, кабы дали мне волю, У пятерых отбила дролю* (частушка). Арх. [СРНГ 8: 187].

В Юрьевецком районе в значении 'начать танцевать, плясать' употребляется свойственное разговорной речи устойчивое выражение *пусти'ться в пляс*, ср.: *Под эту музыку невозможно не пуститься в пляс!* (Юрьевецкий р-н).

Диалектный глагол *отчебу'чивать* встречается в говорах с разной семантикой: в курских, свердловских, иркутских – 'делать, совершать что-либо неуместное, неожиданное, из ряда вон выходящее', ср.: *Ну и отчебучила она, никто от неё не ждал такого*. Иркут.; 'делать что-либо быстро, ловко (лихо отплясывать, играть и т. п.)', ср.: *Как пошла она отчебучивать (плясать), только половицы*

прогибались. Иркут. [СРНГ 24: 362]; в ярославских и ивановских – ‘лихо отплясывать’, ср.: *Ой, ты посмотри, как Николай отчебучивает, смех!* (Юрьевецкий р-н).

Наши материалы содержат устойчивое лексическое сочетание *кренделя’бры выде’лывать* (ср. в литературном языке – *выки’дывать* (или *выпи’сывать* и т.п.) *кренделя’* (*кре’ндели*) ‘танцую, выделять замысловатые фигуры’ [МАС II: 125]), ср.: *Девчата песни кричат, а парни пляшут да кренделябры ногами выделяют* (Фурмановский р-н); семантика которого связана с предметным существительным *кре’ндель* ‘витая (обычно сдобная) булка в форме буквы В или цифры 8’ [МАС II: 125].

В значении ‘бодро танцевать современные танцы’ в ивановских говорах известна разговорная лексема *скака’ть* ‘танцевать, подпрыгивая, прыгая’ [МАС IV: 102], ср.: *Хорошо, Лёля, скачешь, ладно* (Юрьевецкий р-н); *А теперь что? Все только бы пели да скакали по сцене, за компьютерами бы сидели, а работать никого не заставишь* (Шуйский р-н), широко распространенная и в других народных говорах (курских, орловских, тульских, калужских, смоленских, псковских, архангельских, брянских и т.п.) в значении ‘плясать, танцевать’, ср.: *Нигде так ловко не скачут под гармошку, как у нас на деревне*. Брян. [СРНГ 37: 368].

Неодобрение выражают слова *вихля’ться*, ср.: *Молодые вихляются под барабули* (Родниковский р-н), и *дры’гаться* ‘плясать, танцевать’; первое известно пензенским говорам в значении ‘кривляться, дергаться; вертеться’, ср.: *Что ты вихляешься? Посиди спокойно*. Пенз. [СРНГ 4: 305], второе – ярославским в значении ‘вертеться, прыгать’, ср.: *Не дрыгайся перед глазами* [ЯОС 4: 21].

Основная масса лексем, характеризующих человека по его эмоциональному состоянию, взгляду на мир, представляет собой отглагольные существительные, образованные суффиксальным способом, а также глаголы действия и состояния.

Несомненно, речевая деятельность является одной из важнейших составляющих человеческой жизни. Человек, будучи по своей природе существом

социальным, не может жить вне связи с другими людьми: он должен советоваться, делиться мыслями и чувствами, сопереживать, искать понимания. Каналом такой связи становится «речевое общение, формой проявления которого является речевое поведение собеседников, а содержанием – их речевая деятельность» [Казарцева 1998: 9].

Оценка человека по особенностям речевого общения осуществляется в ивановских говорах с помощью наименований, отражающих процесс говорения и характер взаимодействия между людьми. Такие лексические единицы называют лицо по его склонности, предрасположенности говорить много или мало, быстро или медленно, громко или тихо, эмоционально или сдержанно, правильно и чисто или плохо, неразборчиво; передавать достоверную, недвусмысленную или неточную информацию.

В ивановских говорах слова, в значении которых присутствует речевой компонент, достаточно разнообразны, прежде всего, по принадлежности к определенной части речи. Лексика, характеризующая коммуникативные способности человека, представлена в основном существительными – *баку'льник*, *балабо'л*, *балабо'лка*, *балабо'н*, *баля'*, *баля'ка*, *баля'сник*, *ба'харь*, *бахва'л*, *бахва'лка*, *бололо'*, *болоно'*, *болту'н*, *болту'нья*, *бормоту'н*, *бреха'ч*, *брехло'*, *бреху'н*, *врун*, *вру'нья*, *вру'шка*, *говору'н*, *говору'нья*, *городи'ло*, *зубочё'сник*, *зуда'*, *мололо'*, *молчу'н*, *молчу'нья*, *молча'льница*, *нау'шник*, *немты'рь*, *пустобрё'х*, *пустозво'н*, *пустоме'ля*, *спле'тник*, *спле'тница*, *тихо'ня*, *трандычи'ха* (*трындычи'ха*), *трё'кало*, *трепа'ло*, *трепа'ч*, *трепло'*, *трепу'ха*, *трепу'шка*, *трецо'тка*, *форсу'н*, *форсу'нья*, *чеса'ло*, *щелкопё'р*, *я'калка* и глаголами – *ба'йкать*, *ба'чить*, *ба'ять*, *базла'ть*, *бала'кать* (*баля'кать*), *балабо'лить*, *балабо'нить*, *баламу'тить*, *бахва'литься*, *бахо'рить*, *болта'ть*, *бормота'ть*, *бреха'ть*, *бу'рмосить*, *врать*, *гнуть*, *говори'ть*, *городи'ть*, *залива'ть*, *каля'кать*, *лепета'ть*, *ляля'кать*, *моло'ть*, *молоти'ть*, *обсужда'ть*, *побала'кать* (*побаля'кать*), *поболта'ть*, *покуме'кать*, *посуда'чить*, *пустозво'нить*, *путоме'лить*, *спле'тничать*, *суда'чить*, *тарато'рить*, *толкова'ть*, *толо'чь*,

трепа'ть, треща'ть, форси'ть, хаба'литься, хва'ститься, в меньшей степени прилагательными – *ба'йкий, балабо'листый, басли'вый, бахва'листый, бахва'льчивый, болтли'вый, брехли'вый, гово'рли'вый, разгово'рчивый, речи'стый, трепли'вый, языка'стый* и устойчивыми выражениями – *ба'ба в ю'бке, ба'йку сварга'нить, брехню' нести', вра'ки распуска'ть, лить в у'ши, ля'сы точи'ть*. Всего насчитывается 107 наименований и 6 устойчивых выражений, которые в своем значении содержат родовую сему 'говорить'.

Наличие значительного количества наименований, характеризующих лицо по особенностям речевого общения, объясняется тем, что речевая деятельность и речевое поведение человека воспринимаются как его важная характеристика, отражающая социальный опыт взаимодействия с другими людьми; ср. замечание Е. Л. Березович о том, что «мир людей подается как мир активной вербальной коммуникации» [Березович 2007: 99].

Стилистически нейтральным, употребляющимся во всех коммуникативных ситуациях, является общеупотребительный глагол *говори'ть* 'выражать в устной речи какие-либо мысли, мнения, сообщать факты и т.п., произносить что-либо' [МАС I: 322], выступающий в качестве мотивирующего слова к лексемам *говору'н* (форма женского рода – *говору'нья*), *гово'рли'вый, разгово'рчивый* 'любящий поговорить, словоохотливый человек', ср.: *Тоня – женщина умная, да и говорунья большая* (Тейковский р-н); *У нас солдат один был, говорли'вый больно, немецкий знал* (Фурмановский р-н); *Уж така языкастая да гово'рливая стала, прямо нет уж! Така умная, видать!* (Шуйский р-н).

Нейтральными в смысловом и эмоционально-оценочном отношении оказываются и диалектные единицы *ба'йкать, ба'чить*, в значении которых актуализирована сема 'говорить, разговаривать', ср.: *Как начнёт чего бачить, так половину и не помнит* (Савинский р-н). Данные глаголы являются дериватами от устаревшего, в настоящее время просторечно-диалектного глагола *ба'ять* 'говорить', ср.: *Вот соберутся, сидят бают и бают* (Савинский р-н). Однако в русских говорах (архангельских, вологодских, новгородских, псковских, смоленских,

пермских, свердловских) отмечено их употребление и в значении ‘укачивать, убаюкивать ребёнка, напевая’, ср.: *Он и байкат, он и люлькат чадо милое своё.* Арх.; *Как Анюшка зачнёт байкать, так меня сон и почнёт одолевать.* Волог. [СРНГ 2: 55]. В значении ‘разговорчивый, говорливый, словоохотливый’ выступает прилагательное *ба'йкий*, мотивированное глаголом *ба'йкать*, встречающееся как в ивановских, так и в псковских, тверских, новгородских говорах, ср.: *Ещё с детства байким был* (Савинский р-н); *Не байкой парень.* Новг. [СРНГ 2: 56].

В непринужденной, неофициальной, дружеской обстановке, если речь идет о чем-то не особо важном, не слишком значительном, употребляется глагол *бала'кать*, зафиксированный в говорах с различной семантикой. В костромских говорах он означает ‘говорить непонятно, неразборчиво’: *Балакал, балакал что-то – я ничего не разобрал*; в архангельских – ‘говорить хорошо, толково, правильно (о грамотных людях)’: *А балакать которы грамотны* [СРНГ 2: 70]; в ярославских – ‘говорить мирно, разговаривать’: *Повылезли из окопов и табачок вместе курим, балакаем, но больше рассуждаем руками...* [ЯОС 1: 30]. На территории Лухского, Фурмановского, Шуйского районов отмечается употребление фонетического варианта лексемы *бала'кать* – *баля'кать*, ср.: *Хорош балякать... Дома покумекаешь* (Фурмановский р-н).

Путем присоединения продуктивного префикса *по-*, вносящего дополнительный смысловой компонент ‘в течение некоторого времени совершать действие, названное мотивирующим словом’, от глаголов *бала'кать* и *баля'кать* образованы глаголы *побала'кать* и *побаля'кать*, часто встречающиеся в речи сельских жителей Ивановского края, ср.: *Она женщина умная, да и говорунья, любит побалакать* (Тейковский р-н); *Приду, побалякаем малость о том о сём* (Шуйский р-н); *Давай побалякаем, давно не виделись* (Юрьевецкий р-н).

К разряду стилистически сниженных, отрицательно-оценочных слов, свойственных исследуемым говорам, относятся отглагольные существительные общего рода *баля'*, *баля'ка*, называющие любящего поговорить, болтливую человека, ср.: *Уж она такая баляка, такая баляка, и не переслушаешь её; А Валю*

Смирнову помнишь? Её так и звали баля да баляка. Любила она поболтать-то (Шуйский р-н); *Она как баляка, только бы поговорить с кем. Встретит кого, остановит, и болтают. Не зря прозвали её Валя-баля.* Шуйск. [Батырева 2009: 9]. Ранее (в конце XIX – начале XX вв.) во владимирских и ивановских говорах слово *баля* употреблялось с противоположной семантикой ‘о глухонемом человеке’, ср.: *Он у неё балей растёт.* Иван. [СРНГ 2: 90]; в ярославских говорах слово *баля́ка* означает неряшливого, неопрятного человека [ЯОС 1: 33].

В Южском районе бытует связанное с просторечным существительным *баля́сы* (*баля́сы точи́ть* ‘говорить, рассказывать что-либо забавное и веселое; пустословить’ [МАС I: 59]) диалектное *баля́сник* ‘болтливый человек’, ср.: *Муж мой никогда балясником не был.* Юж. [Батырева 2009: 9].

Диалектная лексема *ба́харь* номинирует говоруна, рассказчика в ивановских, владимирских, ярославских, новгородских, вологодских, нижегородских, тверских и других русских народных говорах, ср.: *Ходят полем конь и пахарь, / Застя край небес, и поёт-бормочет бахарь - / Стоязычный лес.* Семёновский. [Батырева 2009: 10]; *Ну и бахарь, любит порассказать.* Саратов. [СРНГ 2: 152]; *Бахарь – говорливый такой, поговорить любит, рассказать чево* [ЯОС 1: 43]. По данным СРНГ, представленное слово также употребляется в значениях ‘хвостун’ – в вологодских, ярославских говорах, ср.: *Бахарь, что сахар: а в подонках пушина.* Волог., и ‘любовник’ – в донских говорах [СРНГ 2: 152]. Мотивирующий глагол *бахо́рить* ‘беседовать, болтать’, ср.: *То об этом, то об том бахорили.* Палех., Шуйск. [Батырева 2009: 10], является многозначным: псковским, тверским говорам он известен в значении ‘весело разговаривать’; новгородским, вологодским – ‘много говорить’; вятским – ‘недолго разговаривать’ [СРНГ 2: 156]. Как видим, все значения этого слова содержат общую сему ‘говорить’.

В ивановских говорах наряду с семой ‘разговаривать’ актуализируется еще один дополнительный семантический компонент – ‘много’, указывающий на высокую значимость общения для русского человека, ср.: *балабо́лить* – *Они, как увидятся, так целый вечер и говорят, балаболят и балаболят* (Южский р-н). По

данном СРНГ, глагол *балаболить* также выступает в значении ‘сплетничать’ [СРНГ 2: 65]. Однокоренные лексемы *балабо’л* (форма женского рода – *балабо’лка*) ‘любитель поговорить’, *балабо’листый* ‘болтливый’ широко употребляются в говорах Ивановской области, ср.: *У меня у внучки мальчишечка растет, Алёшка, такой балабол, всё ему надо говорить и говорить* (Тейковский р-н); *У Ксении дочь приехала внучку показать. А она такая балаболка* (Юрьевецкий р-н); *И вот балаболит, как балаболка, не знаю чего, и вот балаболит. Аж голова заболела слушавши. Хоть бы помолчала маленько* (Шуйский р-н); *Американцы такие балаболистые попались, улыбаются* (Фурмановский р-н). Необходимо отметить, что употребление прилагательного *балаболистый* не фиксируется в других говорах. На отсутствие ценности информации, излишнюю речевую активность указывает существительное *балабо’н*, мотивированное просторечным глаголом *балабо’нить* ‘болтать’ [МАС I: 57], ср.: *Полно балабонить-то попусту, делом займись* (Шуйский р-н), отмеченное наряду с ивановскими и в рязанских, тверских, смоленских, калужских, тульских, курских, орловских говорах, ср.: *Наш балабон разбалабонился, а его никто и не слушает*. Калуж. [СРНГ 2: 67].

На способ произнесения указывает сема, содержащаяся в значении разговорных глаголов *тарато’рить* ‘говорить быстро, без умолку’ [МАС IV: 340] и *треща’ть* ‘говорить быстро и много, не умолкая, тараторить’ [МАС IV: 410], являющегося производящим для существительного общего рода *трещотка* ‘любитель (любительница) поговорить, болтун (болтунья)’ [МАС IV: 410], ср.: *Что ты как балаболка тараторишь? Только тебя и слышно... Не даёшь слова никому вставить. Дай другим-то сказать* (Шуйский р-н); *Трещотка ты знатная!* (Юрьевецкий р-н).

Характеристика человека, беспрестанно повторяющего одно и то же, представлена в ивановских говорах словом общего рода *зуда’* (Савинский р-н), ср.: ‘привязчивый, докучливый человек’ с пометой *прост.* [МАС I: 624], от глагола *зуде’ть* ‘надоедливо приставать к кому-либо, твердить одно и то же; поучать, пилить

кого-либо' Ряз. [СРНГ 12: 19]. В воронежских говорах известно выражение *зуды' чеса' ть* 'говорить пустяки, вздор' [СРНГ 12: 19].

Глагол *бу'рмосить* в значении 'невнятно, неотчетливо говорить; бормотать' бытует в ивановских, ярославских, костромских, архангельских говорах, ср.: *Бурмосит себе чё-то под нос.* Комс. [Батырева 2009: 15]; *Не поймёшь его, что и бурмосит.* Арх. [СРНГ 3: 294]; *Говори громче, чего бурмосишь?* [ЯОС 2: 31]. С этой же семантикой в курских и томских говорах зафиксирован глагол *бурми'ть*, а в вологодских – существительное общего рода *бу'рмоса*, обозначающее человека, который быстро говорит [СРНГ 3: 294].

Исследуемые говоры содержат диалектный глагол *лепота'ть* 'говорить невнятно, неразборчиво', отмеченный также в вятских говорах [СРНГ 16: 366], ср.: *Дети лепочут* (Савинский р-н). Наличие в ивановских говорах слов, указывающих на акустические характеристики речи, свидетельствует о высоком статусе в сознании диалектоносителей правильной, четкой, «чистой» речи, об уважительном отношении к собеседнику, которому трудно понять содержание высказывания вследствие разного рода «помех» и искажений.

В значении 'разговорчивый, словоохотливый, говорливый' употребляется прилагательное *басли'вый*, ср.: *Ешьте, девки, саечку, Вспоминайте Санечку, Ешьте, девки, чернослив, Важеватый был баслив* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), бытующее, кроме ивановских, также в нижегородских, пензенских, самарских, куйбышевских, саратовских говорах, ср.: *На людях молчит, а дома басливый.* Саратов. [СРНГ 2: 134].

Для наименования человека красноречивого, говорящего легко, красиво, используется прилагательное *речи'стый*, ср.: *Больно речистая теперь молодёжь-то... Никого не слушают. Сами всё знают, видать* (Шуйский р-н).

За счет корневой морфемы и суффикса *-аст-*, показывающего высокую степень качества, обозначаемого данным словом, формируется семантика разговорного прилагательного *языка'стый* 'острый на язык, любящий поговорить,

поспорить, поругаться' [МАС IV: 780], ср.: *Она баба языкастая, за словом в карман не полезет, ей пальца в рот не клади* (Шуйский р-н).

Отдельную лексико-семантическую группу образуют глаголы, характеризующие процесс говорения как пустую трату времени: *болта'ть, каля'кать, ляля'кать, моло'ть, молоти'ть, поболта'ть, пустозво'нить, путоме'лить, толкова'ть, толо'чь, трепа'ть*. В этих лексемах, а также в устойчивом выражении *ля'сы точи'ть* актуализируются семы 'много, чрезмерно', 'попусту'. Данные наименования отражают неодобрительное отношение к субъекту действия, поскольку пустословие с точки зрения русского народа расценивается как отвлекающее от трудовой деятельности [Шулякина 2011в: 171]. Об этом свидетельствуют и пословицы: *Кто много говорит, тот мало делает; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит* [Даль 1879, I: 519].

Так, неодобрительной оценки диалектоносителей заслуживает человек чрезмерно говорливый, кто много болтает, пустословит, – *бололо'* (Шуйский, Родниковский, Гаврилово-Посадский р-ны), *болту'н* (форма женского рода – *болту'нья*), *болтли'вый*, ср.: *Юрка у ней такое бололо* (Шуйский р-н); *Болтун знатный!* (Савинский р-н). Существительное общего рода *бололо*, называющее болтуна, пустослова, содержит в структуре своего лексического значения дополнительный семантический компонент 'обманщик, враль', ср.: *Полно врать-то, бололо* (Родниковский р-н). По мнению И. С. Урманчевой, у слов, характеризующих болтливую человека, «развитие семы 'выдумщик, обманщик' схематично можно изобразить следующим образом: потребность много говорить > объект: реальная жизнь > исчерпание предмета разговора > поиск нового объекта > искусственное создание предмета разговора > выдумка, ложь» [Урманчева 2003: 65]. Лексические единицы *болту'н* (форма женского рода – *болту'нья*), *болтли'вый* восходят к разговорному глаголу *болта'ть* 'вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать' [МАС I: 105], ср.: *Да пока дошёл, пока посидели да поболтали, потом чаю попили... Да книжки искали... Вот и долго... Да ни о чём таком не говорили. Всё то же да про то же. Так, как обычно: как*

дела, да то, да сё... Чё больно уж говорить-то? (Шуйский р-н). Подобной семантикой обладают и глаголы *каля'кать*, *ляля'кать* 'вести разговор на разные, обычно бытовые, незначительные темы', ср.: *Ой, ладно тебе, Семёновна, без толку-то калякать; Кто тебе про это сказал? – Степан. – Ну ты даёшь, нашла кому верить, будто не знаешь, что Степан лялякать-то горазд, только вот без толку* (Юрьевецкий р-н). Глагол *каля'кать* в народных говорах выступает в различных значениях: в псковских – 'разговаривать неискренне, кривя душой, преследуя корыстные цели'; в курских – 'о неправильном, неграмотном произношении': *Вы выучились, а то и вы б так-то калякали*; в тамбовских – 'врать, привирать'; в брянских – 'спорить, ругаться, враждовать' [СРНГ 13: 12].

В значении 'говорить зря, пустое' в ивановских говорах бытуют глаголы *толкова'ть*, *толо'чь*, ср.: *Хватит толковать-то уж. Устала слушавши прямо. Вот толкует и толкует... А чёво толкует, не знаю; Надо дело делать, а не сидеть да толочь одно и то же сто раз* (Шуйский р-н). Общеизвестно крылатое выражение *толочь воду (в ступе)* 'заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время' [МАС I: 192], которое соотносится со старой русской пословицей: *Воду в ступе толочь – вода и будет.*

В Лухском и Шуйском районах отмечено употребление просторечных глаголов *моло'ть* 'говорить что-либо вздорное, болтать' и *молоти'ть* 'говорить без умолку, болтать' [МАС II: 293], а также производного существительного общего рода *мололо'* 'болтливый человек', бытующего и в ярославских говорах, ср.: *Это мололо целый день проговорит* [ЯОС 6: 55].

Весьма частотны в речи жителей Савинского, Шуйского, Тейковского, Фурмановского районов такие однокоренные лексемы суффиксального образования, называющие болтуна, пустослова, как *трепа'ч*, *трепли' вый*, *трепло'*, *трепу'ха*, мотивированные просторечным глаголом *трепа'ть* 'говорить зря, без толку, несерьезно; болтать', входящим и в состав устойчивого сочетания *трепать языком* 'заниматься пустой болтовней' [МАС IV: 405, 780], ср.: *Трепали, что храменькой и косой она с самого детства была* (Савинский р-н); *Трепач такой, своим языком*

всё разнесёт по посёлку (Шуйский р-н); *Таня любит побалакать, только иногда трепливая бывает* (Тейковский р-н); *У нас солдат один был, трепуха такой...* (Фурмановский р-н). Корневой морф с оценочным значением в сочетании с экспрессивным суффиксом образуют лексическую единицу, выражающую высокую степень осуждения диалектоносителями людей, ведущих пустые, бессмысленные разговоры.

В говорах встречается устойчивое выражение *ля'сы точи'ть* 'заниматься пустыми разговорами, болтать пустяки' с пометой *прост.* [МАС II: 212], ср.: *Вот собрались лясы точить* (Родниковский р-н); в ярославских говорах – синонимичное выражение *ля'сы-баля'сы точи'ть*. Семантика устойчивых лексических сочетаний обращает нас к значению существительного *ля'сы* 'болтовня, пустые разговоры' [СРНГ 17: 284]. В архангельских говорах данное выражение употребляется в значении 'льстить, рассыпаться в любезностях' [СРНГ 17: 285].

Для обозначения женщины, любящей поговорить, болтуни в ивановских говорах используется существительное в фонетических вариантах – *трандычи'ха* (Фурмановский р-н) и *трындычи'ха* (Родниковский р-н), ср.: *Всё только тараторишь без умолку, трандычиха ты эдакая* (Фурмановский р-н), мотивированные глаголом *тры'ндить* 'твердить, говорить все свое, одно и то же' [Даль IV: 858].

Чрезмерная говорливость, многословность – качества, свойственные в большей степени женщинам, чем мужчинам, – диалектоносителями воспринимаются с отрицательной эмоциональной оценкой, что послужило появлению в ивановских говорах устойчивого лексического сочетания для наименования болтуна, пустослова – *ба'ба в ю'бке*, ср.: *Как баба в юбке, ей богу* (Фурмановский р-н).

Как наименования болтуна, краснобая в исследуемых говорах употребляются субстантивы *баку'льник*, *трё'кало*, *чеса'ло*, ср.: *Байкать очень любил, бакульник* (Тейковский р-н); *А ещё о разговорчивом говорят – трёкало, чесало* (Южский р-н), мотивированные диалектными глаголами *баку'лить* 'говорить, разговаривать,

болтать' [СРНГ 2: 64], *трё'кать* 'говорить, болтать' [ЯОС 9: 115] и просторечным выражением *чесать языком* 'говорить вздор, пустословить' [МАС IV: 780].

На отсутствие ценности информации, передаваемой любителями поговорить попусту, болтунами, указывают такие лексические единицы, образованные путем сложения основ, как *пустобрё'х*, *пустозво'н*, *пустоме'ля*, ср.: *Эй ты, пустобрёх, подь-ка сюда, разобраться надо* (Юрьевецкий р-н); *Пустомеля: и мелет, и мелет* (Родниковский р-н). Ср.: *пустомеля* 'лживый человек', ср.: *Она суцая пустомеля! Так умеет врать, что заслушаешься* (Юрьевецкий р-н). Данные лексемы образованы от прилагательного *пусто'й* 'лишенный серьезного значения, бессодержательный' [МАС III: 561] и глаголов *бреха'ть* 'говорить, рассказывать' [СРНГ III: 176], *звони'ть* 'усиленно разглашать что-либо, распространять какие-либо слухи, сплетни, трезвонить' [МАС I: 602], *моло'ть* 'говорить что-либо вздорное, болтать' [МАС II: 293].

Лексическое множество 'болтливый, словоохотливый человек' вступает в антонимические отношения с подгруппой 'молчаливый, замкнутый человек', представленной единицами разговорной лексики, – *молчу'н* (форма женского рода – *молчу'нья*) 'молчаливый, неразговорчивый человек' [МАС II: 294], *тихо'ня* 'тихий, смиренный человек' [МАС IV: 369], и диалектной – *немты'рь* 'молчаливый человек, молчун', *молча'льница* 'молчунья' (во владимирских говорах – 'скромница' [СРНГ 18: 248]), ср.: *Вот молчун: как в рот воды набрал* (Родниковский р-н); *Она у нас молчунья. Не спросишь, и не скажет; Немтырь – тот, кто молчит и молчит* (Шуйский р-н); *Правнук мой такой тихоня, слово не вытащишь* (Тейковский р-н). Слово *немты'рь* мотивировано прилагательным *немо'й*, употребляющимся в говорах в значении 'молчаливый' [СРНГ 21: 84], и отмечено с различной семантикой: в орловских, вологодских, пермских говорах – 'немой, глухонемой человек', в костромских, вологодских, ярославских – 'о человеке, неотчетливо, невнятно говорящем, косноязычном', в вятских – 'о зайке', в вологодских, новосибирских – 'о неразговорчивом человеке', в курганских – 'о бестолковом, непонятливом человеке' [СРНГ 21: 87]. Следует отметить, что в ивановских говорах данная лексема не

именует лицо по физиологическим особенностям, а оценивает внутренний мир человека и его характер. Такие качества, как неразговорчивость, необщительность, угрюмость, оцениваются негативно, поскольку «в традиционной культуре молчание выявляет принадлежность того или иного существа к потустороннему миру. <...> Человек, отказывающийся от речи или же неспособный к ней, воспринимается как не-человек, как "чужой"» [Славянская мифология 2002: 303].

Смысловая сторона является существенной чертой речи для носителя говора. Главная цель человека, вступающего в процесс общения, – получение достоверной, точной, недвусмысленной информации. Отклонение от данной нормы порождает значительное количество лексем, внутренняя форма которых продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Так, в семантической группе речевой деятельности человека значительное место занимают слова, в значении которых содержится сема ‘лгать, обманывать’. Это, во-первых, глаголы: *базла’ть, баламу’тить, болта’ть, бормота’ть, бреха’ть, врать, гнуть, городи’ть, залива’ть*; во-вторых, существительные, называющие человека, который лжет: *болту’н, болту’нья, бормоту’н, бреха’ч, брехло’, бреху’н, врун, вру’нья, вру’шка, городи’ло, пустоме’ля, трепа’ло, трепа’ч*; в третьих, устойчивые лексические сочетания *брехню’ нести’, вра’ки распуска’ть, лить в у’ши*. Большинство данных наименований имеет общенародные корневые морфемы, уже содержащие в своем значении сему ‘обман’.

Так, распространенные в ивановских говорах однокоренные лексемы *бреха’ч, брехло’, бреху’н* образованы от просторечного глагола *бреха’ть* ‘врать, говорить вздор’ [МАС I: 115] с помощью продуктивных в устной речи суффиксов *-ач-, -л-, -ун-*, указывающих на значение лица, выполняющего действие, ср.: *Славка, брехун, сказал всем, что я вчера у Галины в огороде яблоки воровала, ты подумай, какой подлец* (Юрьевецкий р-н). В смоленских и тульских говорах наряду со значением ‘лгун’ существительное *брехло’* обладает семантикой ‘тот, кто имеет привычку ругаться, ссориться’, а существительное *бреху’н* – ‘сплетник’ [СРНГ 3: 177–178]. Имеющего привычку лгать, лживого человека в ивановских, смоленских, краснодарских

говорах также называют *брехли'вый*, ср.: *Брехливый, весь в отца* (Савинский р-н); *Гришка брехливый человек: ему дужа не верь*. Смол. [СРНГ 3: 177].

В Фурмановском районе встречается устойчивое лексическое сочетание *брехню' нести'* 'говорить неправду', ср.: *Брехню нанесут всякую, ну вот случится же, люди-то брешут всё время* (Фурмановский р-н). В ярославских говорах известно другое устойчивое выражение с элементом *брехня'* 'вранье, вздор' с пометой *прост. пренебр.* [МАС I: 115] – *брехню' слить* 'сочинить небылицу' [ЯОС 2: 3].

Родственные лексические единицы *врун* (форма женского рода – *вру'нья*), *вру'шка* 'лгун, лгунья' и *вра'ки распуска'ть* 'лгать' (Тейковский р-н) также обладают прозрачной семантикой, они соотносятся с разговорным глаголом *врать* 'говорить неправду, лгать' [МАС I: 225], ср.: *Я его никогда не слушаю. Врун он хороший* (Родниковский р-н); *Вот врунья-то ещё! Хватит врать-то. Я такого и не говорила* (Шуйский р-н). В эмоционально-оценочном отношении маркированным является существительное общего рода *вру'шка*, образованное с помощью суффикса *-к-*, усиливающего и без того отрицательную семантику слова дополнительным оттенком пренебрежения, ср.: *Все знают эту врушку* (Шуйский р-н).

Мужчину неверного, дающего невыполнимые обещания, называют *трепа'ч*, ср.: *Чёрну юбочку ношу, Подумат милый – дорожу. По такому трепачу Я и плакать не хочу* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца). В Тейковском районе бытует однокоренное существительное общего рода *трепа'ло*, служащее наименованием лгуна, лгуньи, ср.: *Трепало, значит, враки распускает* (Тейковский р-н).

В значении 'рассказывать, говорить (обычно придумывая, сочиняя от себя)' употребляется глагол *гнуть*, отмеченный и в городском просторечии, и в говорах, ср.: *Серый, гнёшь поди. – Обижает* (Юрьевецкий р-н); *Ну, ты гнуть мастер. Гнёт тебе не паримши и не истановши*. Урал. [СРНГ 6: 251].

Глагол *баламу'тить*, известный в тверских говорах в значении 'болтать языком, пустословить' [СРНГ 2: 71], в ивановских и ярославских говорах приобретает значение 'говорить неправду' [ЯОС 1: 30], как и глаголы *болта'ть* 'распространять неточные, непроверенные сведения' с пометой *разг. неодобр.* [РСС IV], *бормота'ть* в рязанских говорах – 'говорить, разговаривать', в костромских – 'говорить громко, но непонятно', в вятских и тверских – 'говорить во сне' [СРНГ 3: 102], ср.: *Она хитруля такая, ей постоянно то сплутовать, то набаламутить* (Тейковский р-н); *Да, наверно, болтают. Не может быть такого; Полно бормотать-то* (Шуйский р-н). От глагола *бормота'ть* путем присоединения суффикса *-ун-* к корневой морфеме образовано существительное *бормоту'н*, бытующее в говорах с различной семантикой: в вологодских – 'человек, любящий ворчать', в смоленских – 'прозвище картавого, шепелявого человека' [СРНГ 3: 102], в ивановских – 'пустослов, лгун', ср.: *А чего там делать? Бормотунов пустых слушать? Больно надо...* (Шуйский р-н). По аналогичной словообразовательной модели от глагола *болтать* образовано существительное *болту'н* (форма женского рода – *болту'нья*) 'лгун', ср.: *Полно врать-то тебе! Пра, болтунья! Чего врать-то? Все уж и так знают про то* (Шуйский р-н).

В смоленских и новгородских говорах бытуют выражения, в составе которых присутствует разговорный глагол *городи'ть* 'говорить вздор, нелепости' [МАС I: 336]: *городи'ть мох с боло'том* 'говорить что-либо неправдоподобное, нелепости, чушь' Смол.; *городи'ть с ума* 'говорить неправду, врать или говорить что-нибудь неправдоподобное, нелепости' [СРНГ 7: 58–59]. Характерно употребление данного глагола в значении 'говорить неправду, лгать', а также мотивированной им лексемы общего рода *городи'ло* 'болтливый, лживый человек' в речи сельских жителей Ивановской области, ср.: *Да балабон он пустой, городило. Сидит и городит, не знаю чего* (Шуйский р-н).

Кроме того, еще одной лексемой со значением 'говорить неправду, лгать', отмеченной в говорах Южского района, а также в томских говорах, является диалектный глагол *базла'ть*, известный в значениях 'говорить дурно, плохо о ком-

либо или о чем-либо, хаять', ср.: *Не базлай – не говори плохо о чём-либо или о ком-либо; не хай*. Челябин., Урал. [СРНГ 2: 50]; 'громко разговаривать, кричать', ср.: *Ты не базлай, а говори толком* [ЯОС 1: 28].

В Юрьевецком районе зафиксированы просторечный глагол *залива'ть* и устойчивое выражение *лить в у'ши* 'лгать', ср.: *Что ты мне заливаешь? Я знаю правду!* (Юрьевецкий р-н).

Интересным оказывается тот факт, что в ивановских говорах не зафиксированы номинации, в значении которых содержится сема 'говорить правду'. Это еще раз подчеркивает специфику сознания диалектоносителей: общественному обсуждению подвергаются те признаки, которые, как правило, вызывают народное неодобрение и порицание. С другой стороны, наличие значительного количества лексических единиц, имеющих сему 'лгать', указывает на то, что содержательная сторона речи значима для участников речевого акта: целью общения диалектоносителей является получение достоверной и правдивой информации.

Именно поэтому порождение сплетен, непроверенных слухов также вызывает осуждение в обществе и появление разного рода наименований, дающих характеристику и самому процессу, и людям, участвующим в нем.

Так, группа слов, называющих сами сплетни, представлена рядом общенародных лексем, сохраняющих в своем значении сему 'отсутствие ясности', так как сплетня – это слух, основанный на неточных или заведомо неверных, нарочито измышленных сведениях [МАС IV: 226]: *ба'йка, на'говор, наве'т, спле'тня*, ср.: *Отец на байки эти не глядел* (Фурмановский р-н); *Сплетница она: навет сочинила* (Родниковский р-н); *А она ходит да сплетни собирает только, больше ничего* (Шуйский р-н).

Близкими по значению к словам данной группы оказываются в ивановских говорах наименования *ба'йку сварга'нить, обсужда'ть, посуда'чить, суда'чить* 'заниматься пересудами, сплетничать', ср.: *То тут байку сварганят, то там* (Фурмановский р-н); *Перестань ты уж обсуждать-то, сплетни-то тут*

рассказывать всякие (Шуйский р-н). Диалектный глагол *сварганить* мотивирован просторечной лексемой *варга'нить* 'делать, готовить что-либо' с пометой *пренебр.* [МАС I: 137]; в орловских говорах распространен в значении 'солгать', в курских – 'соврать для шутки, смеха' [СРНГ 36: 211]. Глагол *обсуждать* 'высказать мнение о ком-либо, оценивая его недостатки и достоинства (обычно с осуждением)' с пометой *разг.* [МАС II: 570] в костромских, калужских, уральских, томских, московских говорах реализует значение 'приговаривать к какому-либо наказанию, осуждать' [СРНГ 22: 240], в ярославских – 'назвать каким-либо обидным словом', ср.: *Как его ж обсудить? Жадный он, что ли? Ну как его обсудить-то? Ненормальный да и всё!* [ЯОС 7: 23]. От разговорного глагола *суда'чить* 'заниматься пересудами, сплетничать' [МАС IV: 300], ср.: *На улице все бабки судачат о своём, сплетни разводят то есть* (Шуйский р-н), с помощью префикса *по-*, характеризующего действие по его продолжительности, образовано слово *посудачить* 'судачить некоторое время' [МАС III: 327], ср.: *Бабы местные любили про неё посудачить* (Тейковский р-н).

Лексико-семантическая группа, объединяющая слова с общей семой 'человек, который сплетничает', представлена отглагольными субстантивами, обладающими прозрачной внутренней формой: *болту'н* (форма женского рода – *болту'нья*) – *болта'ть* 'вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать' [МАС I: 105], *нау'шник* – *нау'шничать* 'тайком наговаривать на кого-либо' [МАС II: 410]), *спле'тник* (форма женского рода – *спле'тница*) – *спле'тничать* 'распространять сплетни, заниматься сплетнями' [МАС IV: 226], *трепу'шка* – *трепа'ться* 'говорить зря, без толку, несерьезно' [МАС IV: 405], ср.: *Самая большая сплетница у нас Маргарита Матвевна, вот уж кто знает всё о всех и не прочь всем это рассказать* (Юрьевецкий р-н); *Трепушки, они всё время на лавках сидят, сплетни сводят* (Шуйский р-н).

Зафиксированная на территории Юрьевецкого района диалектная лексема *зубочё'сник* 'сплетник' (ср.: *зубочё'с* 'насмешник, шутник, весельчак; зубоскал; пустомеля' Даль [СРНГ 11: 263]) мотивирована просторечным выражением

чесать зубы ‘болтать, сплетничать’ [МАС I: 623]. Как видим, порождение и распространение сплетен в народном сознании ассоциируется с пустым времяпрепровождением.

В качестве отдельной лексико-семантической группы можно выделить единицы, в значении которых присутствует семантический компонент ‘хвастать’: *бахва’л* (форма женского рода – *бахва’лка*), *болоно’*, *форсу’н* (форма женского рода – *форсу’нья*), *щелкопё’р*, *я’калка*. Чрезмерное хвастовство вызывает осуждение в обществе, поэтому некоторые наименования носят грубую эмоционально-оценочную окраску, как, например, слово *щелкопёр* ‘хвастун’, ср.: *Да ты знаешь кто я? – Ты то? Конечно, знаю, щелкопё’р* (Юрьевецкий р-н), известное литературному языку в значении ‘презрительное название писателя, журналиста’ с пометой *устар.* [МАС IV: 741]. Данная лексема принадлежит к числу сложных слов, в которых первой составной частью служит глагольная основа, а второй – именная; возникла из словосочетания *щёлкать пером*. В. И. Даль связывал это слово с чиновничьим, приказно-канцелярским бытом. Он так определяет его значение: ‘писец, писарь в суде, приказный, чиновник по письмоводству, пустой похвальбишка и обирала’ [Даль IV: 751]. Экспрессия пренебрежения, издевки, облакающая это слово, отражает отношение к мелкому чиновничьему люду со стороны широких слоев русского общества XVIII в. В русском литературном языке это слово получает широкое распространение под влиянием Н. В. Гоголя, который любил пользоваться им как образным и экспрессивным применительно к писателям, ср. в «Ревизоре»: «... найдется *щелкопёр*, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит... У, *щелкопёры*, либералы проклятые! чертово семя!».

От разговорного глагола *я’кать* ‘слишком часто, хвастливо упоминать себя в речи, произнося «я»’ [МАС IV: 781] образовано диалектное слово *я’калка* ‘хвастливый человек’, ср.: *Якалок-то у нас не любили* (Фурмановский р-н).

Известное ярославским говорам существительное общего рода *болоно’* ‘болтун’, ср.: *Какой же ты болоно!* [ЯОС 2: 11], в ивановских употребляется как

наименование хвастливого человека, ср.: *Хвастун, а ещё говорят «болоно»* (Южский р-н). В обоих значениях проявляется негативная оценка, отражающая неодобрительное отношение говорящего к человеку, названному данным словом.

Распространенное на территории Ивановской области слово *бахва'л* (форма женского рода – *бахва'лка*) ‘тот, кто бахвалится, хвастун’, ср.: *Ты подумай только, Люд, оказывается, Серёга-то бахвал настоящий, а я бы и не сказала с виду-то* (Юрьевецкий р-н); *А эту бахвалку уж слушать тошно* (Шуйский р-н), мотивировано просторечным глаголом *бахва'литься* ‘кичливо, неумеренно хвастаться’ [МАС I: 65], ср.: *Москвичи понаехали, бахвалятся: всё у них по-новому* (Родниковский р-н). Имеются в ивановских говорах и однокоренные прилагательные *бахва'листый, бахва'льчивый* ‘хвастливый’, ср.: *Пашка бахвалистый очень: что у нас нового – весь двор об этом знает!* (Юрьевецкий р-н); *Больно уж ты бахвальчива, я гляжу. Поскромнее надо быть, потише* (Шуйский р-н). Слово *бахвалистый* употребляется также в ярославских говорах как в значении ‘хвастливый’, ср.: *Уж больно бахвалистый, всё у него хорошо да ладно*, так и в значении ‘щеголеватый, модный, форсун’, ср.: *Вон какой бахвалистый идёт, и брюки шире юбки* [ЯОС 1: 43]. Приведенные примеры показывают, что хвастовство вызывает в народном сознании ассоциации с неправдивыми, непроверенными, преувеличенными утверждениями, поэтому в названиях возможны пересечения сем, условно относящих наименования к разным лексико-семантическим группам.

В Фурмановском районе есть лексическая единица *форсу'н* (форма женского рода – *форсу'нья*) ‘хвастун’, известная в просторечии с семантикой ‘тот, кто форсит, кто любит форсить’, образованная от глагола *форси'ть* ‘хвастаться, важничать, выставить что-либо напоказ’ с пометой *прост.* [МАС IV: 578], ср.: *Стали бантики носить, косы показывать, форсить* (Фурмановский р-н). Приведенные наименования связаны с просторечным существительным *форс* ‘хвастливое щегольство, шик // важность, спесь, чванство’ [МАС IV: 578].

Анализ лексики ивановских говоров, имеющей отношение к речевой деятельности, позволил определить, какой должна быть хорошая речь в представлении диалектоносителей: четкая, правильная, правдивая, доступная, содержательная, не отвлекающая от работы. Такая характеристика речи актуальна для большинства говоров (ср. данные, полученные при изучении семантики глаголов речи в орловских говорах: «немногословное высказывание, содержательное, произносимое к месту, правдоподобное, логично выстроенное, доступное, интересное и грамотное» [Бессонова 2001: 15]).

По словам Е. Л. Березович, «существует широкий спектр вербальных действий, которые отрицательно оцениваются адресатом речи: приставания с расспросами, надоедливое нытье, плач, повторение одного и того же, брюзжание, слишком громкий голос или крик» [Березович 2007: 292].

Наши материалы содержат следующие слова, отрицательно характеризующие человека по его речевому поведению (указывающие на неэтикетность речи) и объединенные в лексико-семантические группы: *брюзга'*, *бубни'ла*, *ворчу'н*, *грызу'н*, *дед*, *ехи'дна*, *зану'да*, *зуда'*, *мозгое'д* – ‘ворчун, ворчунья’; *га'лма'н*, *гло'тка*, *горлоде'р*, *горлопа'н*, *горлопа'нка*, *горлопа'нья*, *крику'н*, *крику'нья*, *крику'ша*, *ляга'рва*, *ляга'рма*, *ора'кля*, *ора'ло*, *ору'н*, *поло'хала*, *прозвоно'к*, *яга'рма* – ‘крикун, скандалист’; *брызга'*, *вздо'рник*, *вздо'рница*, *жи'жа*, *здо'рник*, *самоду'р*, *сведе'нцы* (*свиде'нцы*) – ‘вздорный, сварливый человек’ (34 лексические единицы).

Семантической доминантой приведенной синонимической парадигмы со значением ‘ворчливый человек’ является разговорное слово *ворчу'н* ‘тот, кто постоянно ворчит’ [МАС I: 214], мотивированное глаголом *ворча'ть* ‘сердито бормотать, выражая неудовольствие; брюзжать’ с пометой *разг.* [МАС I: 214], ср.: *Дед у них такой ворчун, бубнит и бубнит целый день* (Родниковский р-н).

Значительная часть лексики, отрицательно оценивающей ворчливого человека, в ивановских говорах представлена существительными общего рода, производными от разговорных и просторечных глаголов: *брюзга'* – от глагола *брюзжа'ть* ‘надоедливо ворчать, выражать неудовольствие чем-либо’ [МАС I: 119],

ср.: *Брюзга он, губошлѣп, вечно недоволен, что бы кто ни сделал, ему всё не так* (Шуйский р-н); *бубни'ла* – от глагола *бубни'ть* ‘монотонно повторять, твердить’ с пометой *разг.* [МАС I: 120], ср.: *Эх ты, старый бубнила! Полно бубнить-то зря. И чего бубнит, сам не знает* (Шуйский р-н); *зану'да* – от глагола *ну'дить* ‘докучать, надоедать чем-либо’ с пометой *прост.* [МАС II: 514], ср.: *Ну ты и зануда! Не ворчи* (Юрьевецкий р-н); *зуда'* – от глагола *зуде'ть* ‘надоедать, докучливо приставать с чем-либо’ с пометой *разг.* [МАС I: 624].

В качестве наименования ворчуна в Юрьевецком районе употребляются лексические единицы *грызу'н* и *мозгое'д*, ср.: *Пашка у меня мозгоед! Всю плешь проел!* (Юрьевецкий р-н). Существительное *грызун*, мотивированное разговорным глаголом *грызть* ‘постоянно докучать придирками, бранью, упреками’ [МАС I: 353], подается в СРНГ как архангельское в значении ‘ворчун, брюзга; скандалист’, ср.: *Грызун какой, как грызётся, варугается порато.* Арх. [СРНГ 7: 179]. Ярославским говорам известна однокоренная лексема *гры'зло* ‘ворчун, брюзга (чаще – о старых людях)’, ср.: *Шёл бы ты спать, старое грызло* [ЯОС 3: 112].

Возраст человека отражается на его поведении, хотя сам он этого иногда не замечает. Многим пожилым людям присущи такие черты, как неприязненность, брюзжание, ворчливость, склонность всех поучать. Вероятно, поэтому как характеристика ворчливого, неуживчивого человека в русских народных говорах употребляется слово *дед*, ср.: *Ну вот, опять ворчит чего-то, как дед какой старый* (Шуйский р-н).

Неодобрение выражает наименование ворчуна *ехи'дна*, ср.: *Она всё ворчит на меня, как ехидна* (Тейковский р-н). В русских народных говорах зафиксированы однокоренные лексемы *ахи'д* ‘злой, сварливый человек’, ср.: *Так на меня ахидом и бросился* [ЯОС 1: 24], *ехи'д, ехи'дник* ‘злой, ехидный человек’ Волог., *ехи'да, ехи'дница* ‘злая, коварная женщина’ Твер., Курск., Свердлов. [СРНГ 9: 47], *ехи'дина* ‘вредная, дерзкая женщина’, ср.: *Ну и ехидина у меня сноха* [ЯОС 4: 38]. Данные значения, негативно оценивающие лицо, возникли на основе метафорического переноса (зооморфная метафора): *ехи'дна* ‘ядовитая змея’ [СлРЯ

XI–XVII вв. 5: 66]. В народном представлении змея – «нечистое» существо, относимое к гадам, связанное с различными сверхъестественными силами, в частности, с нечистой силой, поэтому человек, названный этим словом (а также родственными словами), считался опасным, способным причинить вред окружающим.

Крайне отрицательно оценивается диалектоносителями человек шумный, крикливый, нарушающий спокойствие окружающих людей. В говорах Савинского района такого человека называют *га'лма'н*, ср.: *Сосед – галма'н, спасу нет; Жителей нашей деревни называли и называют га'лманы, это значит, что здесь живут люди, которые любят поорать, покричать*. Сав. [Батырева 2009: 23]. Указанное наименование зафиксировано также в воронежских, пензенских, калужских, владимирских, пермских говорах в значении 'крикливый, шумливый или болтливый человек', «чаще употребляется во множественном числе: *га'лманы*, прилагаясь к собранию, массе людей»; в свердловских – 'любитель спорить, беспричинно кричать' [СРНГ 6: 115]; в ярославских – 'крикун', ср.: *Эти галманы и уснуть не дадут* [ЯОС 3: 68].

В ряде районов Ивановской области бытуют словообразовательные синонимы, номинирующие бойкого, шумного, агрессивного человека, скандалиста, *ляга'рва*, *ляга'рма*, *яга'рма*, ср.: *Носится везде, как ягарма, ничего не боится; Ягарма – это баба такая агрессивная*. В.-ланд., Сав., Пест., Шуйск., Кин. [Батырева 2009: 138]. Слово *яга'рма* встречается и в ярославских говорах как наименование вздорного, неуравновешенного человека, ср.: *Она накинулась на меня, как ягарма* [ЯОС 3: 65].

Прозрачную внутреннюю форму имеют субстантивы, характеризующие крикливого человека, *горлопа'н*, *горлопа'нка*, *горлопа'нья* и *ора'кля*, *ора'ло*, *ору'н*, мотивированные просторечным глаголом *горлопа'нить* 'говорить, кричать или петь слишком громко, во все горло' [МАС I: 335] и разговорным глаголом *ора'ть* 'издавать громкие крики, вопли, кричать' [МАС II: 636], ср.: *Во горлопан-то, поднял крик аж на всю деревню* (Юрьевецкий р-н); *А жена его такая горлопанья была* (Тейковский р-н); *Уж така оракля, и не выскажешь: всех переорёт, слова*

не даст сказать; Этот орало всё настроение мне испортил; Это орун бестолковый. Только что орать и умеет, глотку драть, чёрт (Шуйский р-н).

В говорах Шуйского района человека с сильным голосом, крикливого называют *горлодёр*, ср.: *Горлодёров-то да горлопанов у нас везде много, а толку ни от кого нет* (Шуйский р-н). По своей семантике рассматриваемая лексема может быть связана с просторечным выражением *драть горло (или глотку)* ‘громко говорить, кричать, петь и т.п.’ [МАС I: 444].

Говорам Фурмановского района свойственно диалектное слово общего рода *поло́хала (поло́хало)* ‘крикливый, беспокойный человек’, ср.: *Как полохала на всех ору* (Фурмановский р-н). Фонетические варианты *поло́хало, поло́холо* хорошо известны в ярославских говорах, ср.: *Полохоло – это который кричит, закричит вот ни к чему, всполошит всех* [ЯОС 8: 53]. По своему происхождению данная лексема может быть связана с глаголом *поло́хать* ‘тревожить, мутить, смущать, беспокоить, волновать, пугать, подымать и возбуждать, нарушать покой’ [Даль III: 339] и существительными: укр. *поло́х* «страх», *по́лох* «ужас», русск.-цслав. *плахъ* «страх» [Фасмер III: 317].

В меньшей степени выражают осуждение, порицание диалектные существительные, называющие крикливых, любящих плакать детей, в говорах Южского района – *крику́ша* и *прозвоно́к*, ср.: *А вот детки кричат, и скажешь: «Что кричишь, крикуша?»* (Южский р-н). Вероятно, это связано с тем, что дети в семье считались предметом общего поклонения, нелюбимое дитя было редкостью в русском крестьянском быту [Шулякина 2012д: 208]. Лексема *крику́ша* восходит к общенародному *крик* ‘громкий, напряженный звук голоса, очень громкое восклицание’ [МАС II: 129], встречается в говорах с разной семантикой: в костромских, ярославских – ‘крикливый человек, крикун’ [ЯОС 5: 90], ср.: *Замолчишь ли ты? Экая ведь крикуша*. Костром. [СРНГ 15: 256]. Семантика существительного *прозвоно́к*, отмеченного в новгородских говорах в значении ‘колокольчик’ [СРНГ 32: 139], отсылает нас к прилагательному *зво́нкий* ‘звучный, громкий, отчетливо звучащий’ [МАС I: 602].

К разряду стилистически сниженных, отрицательно-оценочных слов в русских говорах, в том числе и ивановских, относятся существительные, характеризующие скандального, бранчливого, склонного к ссорам и ругани человека. Так, значение ‘вздорный, ворчливый человек; брязга’ в ивановских говорах репрезентируется существительным общего рода *брязга*’, ср.: *А соседка такая брязга, мочи нет. С мужем они недружно живут* (Тейковский р-н), отмеченным с тем же значением в вологодских и тульских говорах [СРНГ 3: 227]. Среди родственных наименований известны также лексемы *брязгалы* и *брязги* ‘сплетни, споры, дразги’, ср.: *Она путается во всякие брязгалы; Ходит по гостям да все семейные брязги рассказывает*. Влад. [СРНГ 3: 228]. Зоной распространения этих однокоренных слов являются владимирские говоры, соседние с ивановскими.

Сема ‘склонный к ссорам’ актуализирована также в родственных наименованиях с прозрачной внутренней формой – *вздо́рник* (форма женского рода – *вздо́рница*) ‘любитель ссориться, вздорить’ и *здо́рник* ‘вздорный, сварливый, скандальный человек’, ср.: *Уж такой он здорник, прямо беда* (Шуйский р-н); *Двое стоячих, двое ходячих, да два вздорника, два разбойника*. Казан., Перм. [СРНГ 4: 260]. Первое слово мотивировано литературным прилагательным *вздо́рный* ‘склонный к ссорам, сварливый’ [МАС I: 166], ср.: *У нас была Катька – злыдня, вечно ругается. Так и кличили – вздорная да скандальная баба* (Южский р-н), последнее – диалектным прилагательным *здо́рный*, распространенным в том числе и в псковских, тверских, вологодских, калужских, пермских говорах, ср.: *Вот ведь здорная баба! Всё время с тобой орать приходится* (Шуйский р-н); *Экой у ты брат-то какой здорный!* Волог. [СРНГ 11: 233]. Кроме того, в ивановских говорах бытуют диалектные глаголы *вздо́рничать* ‘ссориться, браниться’ и *здо́рить* ‘вздорить, спорить’, ср.: *С мужем она не дружно живет, здорят всегда* (Тейковский р-н), широко известный в русских говорах как в данном значении, так и в значении ‘ворчать’, ср.: *Он ударил ручкой о столик: полно, глупа, здорить* (из песни) [ЯОС 4: 117].

В Юрьевецком районе для обозначения сварливого, скандального человека используются существительное мужского рода *самоду́р* и существительное общего рода *жи́жа*, ср.: *Дима, да ты самодур! Так обижать свою жену! Уйдёт ведь она от тебя; А правильно ты про Лукьянова-то сказала, жижа он. – Так да. – А чего этого Лукьянова жижей-то зовут? – Так как же? Ворчит на всех, недоволен вечно чем-то. Вот встаёт, бывало, с утра и начнёт! Со всей деревней переругается* (Юрьевецкий р-н). Этим же словом в других говорах (в языке детей и при разговоре с детьми) может быть назван огонь (свечи, лампы, лучины, спички и т. п.) или что-либо горячее, обжигающее, ср.: *Не хватай лампу, а то жижа, ручка болеть будет.* Курск.; *Не трогай, жижа укусит.* Тул. [СРНГ 9: 171]. Как видим, семантика слова *жи́жа* варьируется в русских народных говорах, но важно то, что при употреблении данного наименования актуализируется семантический компонент ‘потенциальная опасность’.

Практически повсеместно в Ивановской области и в других регионах России распространена лексическая единица *сведе́нцы* (*свиде́нцы*) (редко – в форме ед.ч.), называющая тех, кто часто ссорится друг с другом (обычно о детях), ср.: *Сведенцы сошлись, теперь крик пойдёт; Перестаньте ругаться, как сведенцы.* Палех., Шуйск., Сав., Родн., Кин., В.-ланд., Тейк., Фурм. [Батырева 2009: 111]. По-видимому, семантика данных существительных восходит к значению слова *сведе́нец* ‘сводный брат или сестра’, ср.: *Спорите, как сведенцы, как неродные.* Шуйск. [Батырева 2009: 111]; *Сведенцы – это от разных родителей дети, ведь и родные ссорятся, а сведенцы разве будут мирно жить.* Моск. [СРНГ 36: 225]. Кроме того, в ярославских говорах лексема *свиде́нец* известна в значении ‘баловень, шалун, безобразник’ (о ребенке), ср.: *Ну вы и свиденцы, зачем оборвали зелёные яблоки.* Яросл., в тверских – ‘враг, соперник’ [СРНГ 36: 277].

Большая часть лексики, характеризующей человека по особенностям его речевого общения, представляет собой соотнесенные с глаголами существительные со значением лица, многие из которых образованы при помощи нулевого суффикса: *бахва́л* ‘хвостун’ ← *бахва́литься* ‘кичливо, неумеренно

хвастаться', *горлопа'н* 'крикун, скандалист' ← *горлопа'нить* 'кричать слишком громко, во все горло', *трепа'ч* 'болтун' ← *трепа'ть* 'говорить зря, без толку, несерьезно; болтать'. Преобладание глагольной мотивации объясняется тем, что центральным объектом номинации является живой человек, активный участник повседневной бытовой и хозяйственной деятельности. Что касается семантики, то в основном эти имена характеризуют действующее лицо как носителя отрицательного качества или действия.

Наблюдения над функционированием лексики, характеризующей человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению, в говорах Ивановской области позволили убедиться в количественном преобладании слов с отрицательной эмоциональной оценкой, которая связана с такими характеристиками, как интеллектуальная недостаточность; склонность к пессимизму, угрюмости, плаксивости; излишняя речевая активность, отсутствие ценности информации, передаваемой болтунами, пустословами; недостаточное проявление речи, вплоть до полного ее отсутствия, у молчуна, нелюдима; недостоверность информации, передаваемой лгунами и часто сплетниками, хвастунами; неэтикетность речи сварливого, крикливого человека. Только небольшой ряд слов (*говору'н, говору'нья, ба'йкий, басли'вый, речи'стый*) положительно оценивает разговорчивого, словоохотливого человека.

§ 2.2 Лексика, характеризующая человека по отношению к нормам нравственности

Наименования, характеризующие лицо по его внутренним качествам, дают представление о морально-нравственных ценностях жителей Ивановского края. Указывая на негативные свойства характера, на предосудительные модели поведения, диалектоносители придают большое значение нравственности. Как отмечает Т. И. Вендина, в русских диалектах наблюдается обилие имен с отрицательной оценкой, что позволило А. Вежбицкой говорить о гиперболизации

моральных оценок в русском языке и охарактеризовать этот факт как «отголосок моральной и эмоциональной ориентации русской души» [Вендина 2000: 29].

В ивановских говорах представлены номинации человека по таким основным чертам характера, обуславливающим особенности поведения, как хитрость, льстивость, упрямство, спесивость, жадность, зависть, злость, трусость, предрасположенность к шалостям и озорству, легкомысленность, развратность. Значительный по объему ряд слов имеет значение 'тот, кто много пьет, пьянствует'. «Народный живой язык, – справедливо отмечает В. М. Мокиенко, – очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность...» [Мокиенко 2005: 48].

Отрицательная оценка хитрого, пронырливого, жуликоватого человека дается в ивановских говорах словами *афери'ст*, *заковы'ристый*, *изворо'тливый*, *ловка'ч*, *лука'вистый*, *лука'вица*, *пройдо'ха*, *проны'ра*, *процелы'га*, *хи'трый*, *хитре'ц*, *хитре'на*, *хитру'ля* (*хитрю'ля*), *хитру'шка*, *хитрю'га* (16 лексических единиц). Большинство данных наименований имеет общенародные корневые морфемы, уже содержащие в своем значении сему 'притворство с каким-либо умыслом'.

Так, распространены в исследуемых говорах лексемы, мотивированные прилагательными: существительное *ловка'ч* 'ловкий, изворотливый человек' – прилагательным *ло'вкий* 'умеющий найти выход из трудного положения, сообразительный // изворотливый, хитрый' [МАС II: 195], ср.: *Из-под девятой сваи вывернется, из воды выйдег. Ну это о проныре, ловкаче, говорится* (Южский р-н); однокоренные слова *лука'вистый* 'хитрый, лукавый' (также известное тюменским говорам, ср.: *Суседка лукависта, товда схитрила. Тюмен.* [СРНГ 17: 187]), *лука'вица* 'хитрая, коварная женщина' – прилагательным *лука'вый* 'склонный к

козням, интригам, хитрый, коварный' [МАС II: 204], ср.: *Лукавица смотрит хитро, ведь знала, что скрывает* (Фурмановский р-н).

Суффиксальные образования *хитре'ц*, *хитре'на*, *хитру'ля* (*хитрю'ля*), *хитру'шка*, *хитрю'га* 'хитрый человек' являются производными от прилагательного *хи'трый* 'скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-либо, лукавый' [МАС IV: 600], ср.: *У нас есть женщина в подъезде, такая хитруля* (Тейковский р-н); *Ты хитрушка какая-то стала! Сё секреты каки-то, гляжу* (Шуйский р-н); *Мы его, хитрюгу, в сугроб за это посадили* (Фурмановский р-н); *У, хитрюля! Всё равно ты ничего не получишь* (Юрьевецкий р-н).

Существительное общего рода *проны'ра* 'пронырливый человек; ловкач', ср.: *Ловкого и хитрого человека мы называем пронирой* (Тейковский р-н), связано с диалектным глаголом *ны'рить* 'высматривать, выглядывать, выискивать, выслеживать' Новг., Тамб. [СРНГ 21: 323–324]. Древнерусскому языку был известен глагол *нырити* 'лгать, преднамеренно исказить истину' и образованное от него абстрактное существительное *нырение*, зафиксированное в таких лексико-семантических вариантах, как 'заблуждение, ложные представления', 'уловка, выдумка, хитрость', 'лукавство, коварство' [СлРЯ XI–XVII вв. 11: 452].

Презрительная оценка плута, мошенника, способного одурачить кого-либо, лишить его бдительности, в ивановских говорах передается словами *афери'ст* и *прощель'га*, ср.: *Одни аферисты кругом!* (Родниковский р-н); *Этот, называющий себя прощельгой, просидел 18 лет в тюрьме* (Юрьевецкий р-н). Приведенное существительное *прощельга* в астраханских, тамбовских, костромских, вологодских говорах имеет значение 'обманщик, лгун, хвастун (иногда бранно)', ср.: *Такого прощельгу не скоро найдёшь*. Костром.; в вятских, владимирских, пермских, смоленских – 'насмешник, тот, кто, насмехаясь, одурачивает других', ср.: *Этот прощельга проведёт какую девку, наавтра её и обсмеёт, да ещё и наговорит лишнего*. Смол. [СРНГ 33: 57]. У первого слова *аферист* наблюдается связь с абстрактным существительным *афё'ра* 'рискованное

и недобросовестное дело, предприятие с целью наживы' [МАС I: 52], у второго *прощелыга* – с глаголом *прощелы'жить (прощелы'жничать)* 'промышлять, мошенничать на чужой счет' [Даль III: 694]. В большинстве случаев трудно определить значение подобных единиц, поскольку они отличаются диффузностью семантики, указывая и на природную смекалку, умение найти выход в трудных обстоятельствах, и на хитрость, плутовство. Неоднозначна и экспрессия данных лексем: с одной стороны, осуждение, неодобрение, ироническое отношение, с другой – положительная оценка, иногда даже восхищение этими качествами человека, ср.: *Заковыристый малый! Такую отмазку придумать* (Юрьевецкий р-н).

На противоположном полюсе находятся наименования разини, растяпы, то есть человека, позволяющего себя обмануть, обхитрить в силу своей невнимательности, рассеянности: *верхогля'д, воро'на, лох, Маша-растеря'ша, опало'ха, раззё'ва, раззя'ва, рази'ня, растеря'йка, растя'па, растяпе'й, росома'ха (россома'ха, рассама'ха), растама'ха, ротозе'й, ротозе'я* (17 слов).

Особенно широко распространены в ивановских говорах существительные *раззё'ва, раззя'ва, рази'ня, растя'па, растяпе'й, ротозе'й, ротозе'я*, ср.: *Сейчас я постоянно что-нибудь забываю. Как раззёва стала* (Тейковский р-н); *Светлана-то хорошая, как говорят, и фигура, и душа, правда, Нин? – Да ну, раззява; Что ж ты, растяпа такая, мимо грибов-то проходишь?* (Юрьевецкий р-н); *У нас была такая, все из рук валится. Растяпа да разиня звали* (Южский р-н); *А наш-то растяпей взял да потерял их; Не будь ротозеем, а слушай, чего тебе говорят да показывают* (Шуйский р-н). Данные наименования, характеризующие невнимательного, рассеянного человека, связаны с глаголами *рази'нуть, разева'ть* 'широко раскрывать (рот, пасть)' с пометой *разг.* [МАС III: 609], *раззя'вать* 'разинуть, раскрыть (рот)' Урал., *разина'ть* 'открывать (рот)' Ряз. [СРНГ 33: 347], *растя'пывать, растя'пать* и *растя'пить* 'разевать, широко раскрывать (рот)' Костром., Иван., Влад. [СРНГ 34: 288], *ротозе'ять* и *ротозе'ить* 'глазеть, ротозейничать' Яросл. [СРНГ 35: 206]; ср. значение общерусского фразеологизма

разинуть рот ‘отвлечься каким-либо зрелищем, рассматриванием чего-либо, стать невнимательным, рассеянным’ [МАС III: 609]. Заметим, что люди, отличающиеся невнимательностью, рассеянностью, праздным любопытством, вызывают осуждение диалектоносителей, так как данные качества ассоциативно связаны с недалекостью, бесхозяйственностью, бездельем.

Наши материалы содержат слово *верхогля́д* ‘человек, неспособный к серьезному пониманию, изучению чего-либо; неосновательный, поверхностный наблюдатель’ [БАС 2: 110], ср.: *А он сё по верхам идёт-глядит, ему сё под нос надо совать да пальцем ткнуть, растяпе. Пра, верхогляд...* (Шуйский р-н), связанное с глаголом *верхогля́дничать* ‘заниматься чем-либо поверхностно, не вникая в суть дела’ с пометой *прост. пренебр.* [МАС I: 154].

Бытующее в Шуйском районе существительное общего рода *опало́ха*, ср.: *Опалохой называют разиню, который опалошил, то есть не сообразил вовремя.* Шуйск. [Батырева 2009: 85], может быть мотивировано глаголом *опало́шить* ‘растеряться’ Шуйск. [Батырева 2009: 85].

Практически повсеместно на территории Ивановской области употребляются однокоренные образования *росома́ха* (*россома́ха*, *рассама́ха*), *растама́ха*, ср.: *Как росомаха стала, память-то не та* (Савинский р-н); *Сестра у меня: чего-то делаем, а она ненаходчивая, вертится на одном месте, а ничего не делает, вот и скажу ей, что она рассамаха.* Пуч., Шуйск, Кин., Пест. [Батырева 2009: 108]. Из названных слов, употребляющихся с неодобрительным оттенком, в других говорах (курских, тамбовских, рязанских, тверских, владимирских, ярославских, псковских, новгородских) получило распространение слово *росомаха* ‘медлительный, нерасторопный, неловкий человек; разиня, растяпа’ [СРНГ 35: 187].

В качестве наименования рассеянного, постоянно теряющего что-либо человека в Юрьевецком районе употребляются существительное женского рода *растеря́йка* и сложное существительное *Маша-растеря́ша*, связанные с глаголом *растеря́ть* ‘потерять по небрежности одно за другим’ [МАС III: 672], ср.:

Ну ты и Маша-растеряша! Ну и где теперь кольцо искать? (Юрьевецкий р-н). Можно предположить, что появление в разговорной речи лексемы *Маша-растеряша*, тем или иным образом связано с одноименным произведением Л. Ф. Воронковой «Маша-растеряша» (1968), вошедшим в золотой фонд детской литературы.

Наряду с ивановскими в ряде говоров отмечено слово *лох* ‘рассеянный человек, разиня’ [СРНГ 17: 160], ср.: *Вот лох! Встал и рот растянул!* (Шуйский р-н). Это слово также подается в словаре В. И. Даля как псковское: «лоховес, разиня, шалопай (на офенском: мужик, крестьянин вообще)» [Даль II: 351]. В большом словаре русских поговорок под общей редакцией В. М. Мокиенко существительное *лох* приведено в значении ‘жертва преступления; потенциальная жертва преступления’ с пометой *жарг.* [Мокиенко, Никитина 2007: 371]. Таким образом, *лохом* называют человека, позволяющего себя обмануть, обхитрить в силу своей невнимательности, рассеянности.

Неприязненное отношение к льстецам, лицемерным угодникам, подхалимам отражается в следующих лексемах: *лиса*’, *льсти*’*вый*, *подви*’*дный*, *подли*’*за*, *подма*’*зливый*, *подма*’*зчивый*, *подхали*’*мистый* (7 слов). Интересно, что большинство приведенных лексических единиц имеют префикс *под-*, который в ряде случаев может быть выделен только при этимологическом анализе. Вероятно, этот префикс играет существенную роль в формировании значения ‘совершение действия с целью добиться расположения кого-либо’ у данных слов.

Метафорический перенос по зооморфной модели выявляет ассоциативные связи льстеца с животным (*лиса*’), которое в русском фольклоре (например, русские народные сказки «Колобок», «Волк и Лиса», «Заячья избушка», «Медведь и Лиса») выступает как символ хитрости и обмана и всегда оказывается в выигрыше, так же как человек, названный этим словом, ср.: *А о льстивом у нас говорят: как лиса али подлиза* (Южский р-н).

Слово *подви*’*дный* в значении ‘хитрый, лицемерный’ встречается как в ивановских, так и ярославских говорах, ср.: *Когда дитё нарождалось, старались от*

людского глаза спрятать. У людей есть плохой глаз. Спроста кто придёт – ничего, а которы, мила моя, нарочно идут, может, оне чёго знают, да не объявляются, такие подвидные бывают. Кин., Тейк. [Батырева 2009: 95]; Этого подвидного никогда никто не уважал [ЯОС 8: 22]. В значении ‘лукавый, хитрый; неискренний, притворный’ наименование *подвидный* бытует в архангельских, костромских, свердловских, пермских говорах, ср.: *Фёкла всё-таки подвидная: с тобой говорит как хорошая, а между тем своё сделает.* Перм.; а также в значении ‘подозрительный (о человеке)’ Зап., Южн. Сиб., Сиб. [СРНГ 27: 356–357].

Человека, умеющего добиться расположения, подольститься, в Юрьевецком районе называют *подма'зливый*, в Тейковском – *подма'зчивый* (известно и в тюменских говорах, ср.: *Мужик-от подмазчивый угадал, улещал да улещал, так унять с им сошлась.* Тюмен. [СРНГ 28: 74]), ср.: *Маша подмазливой была: скажет тебе пару слов, и ты сделаешь всё, что она захочет* (Юрьевецкий р-н). Данные лексемы мотивированы просторечным глаголом *подма'заться* ‘лестью, заискиванием снискать чье-либо расположение, благосклонность; подлизаться’ [МАС III: 197].

Ивановским говорам хорошо известны общенародные лексемы, характеризующие хитрого, льстивого человека, *льсти'вый*, *подли'за*, *подхали'мистый*, ср.: *Льстивый? Так и будет льстивый. А как ещё назовешь?* (Родниковский р-н); *Светке-то что, она выхлопочет себе квартиру-то, ты же знаешь, какая у нас Светлана-то подхалимистая, а такие всё себе устроят, что только надо* (Юрьевецкий р-н). Прилагательные *льстивый* и *подхалимистый* образованы суффиксальным способом от субстантивов *лесть* ‘преувеличенное, угодливое восхваление кого-либо, чьих-либо качеств или действий’ [МАС II: 178] и *подхали'м* ‘тот, кто угодничает, стараясь расположить к себе кого-либо’ [МАС III: 227], существительное *подлиза* – от глагола *подлиза'ться* ‘лестью, угодливостью снискать чье-либо расположение’ с пометой *разг.* [МАС III: 196].

В ивановских говорах представлены 9 наименований упрямого, самоуверенного, несговорчивого человека: *бара'н, бык, кобе'нистый, насты'рный, су'порень, упе'ртый, упо'рный, упря'мистый, чалдо'н*.

Ряд наименований, характеризующих упрямого, несговорчивого человека, имеет прозрачную внутреннюю форму, в них довольно легко угадывается мотивация: слово *упря'мистый* 'упрямый' (Юрьевецкий р-н), бытующее и в ярославских говорах, ср.: *Мальчик очень упрямыиый* [ЯОС 10: 17], мотивировано прилагательным *упря'мый* 'неуступчивый, несговорчивый, стремящийся поступить по-своему, поставить на своем вопреки необходимости и здравому смыслу' [МАС IV: 509]; лексема *кобе'нистый* 'упрямый, своенравный', известная также в тульских, уральских говорах, ср.: *Кого упростишь, она така кобениста, упряма*. Тул. [СРНГ 13: 357], мотивирована просторечным глаголом *кобе'ниться* 'не соглашаться на что-либо, заставляя упрашивать себя, упрячиться' [МАС II: 64], ср.: *Кобенистый, если не хочет уступать* (Тейковский р-н); прилагательные *насты'рный* и *упе'ртый* соотносятся с глаголами *насты'рничать* 'упрячиться, упорствовать, настаивать на своем, нахально добиваться своего' [СРНГ 20: 203] и *упере'ться* 'упорно настаивать на чем-либо, не желать соглашаться на что-либо или уступить в чем-либо' [МАС IV: 501–502], ср.: *Да, ребята юрьевецкие настырные попались. Проигрывать никак не хотят* (Шуйский р-н); *Надо же какой упертый попался, ну никак не соглашается раньше поехать* (Юрьевецкий р-н). Как видим, данные единицы, помимо указанной ядерной семы 'упрямый', содержат потенциальную сему 'упорный, чрезвычайно настойчивый, не отступающий от своего'.

Бытующее в Вичугском районе слово *су'порень* 'упрямый человек', ср.: *Супорень – это человек очень упрямый, упрётся и ни в какую* (Вичугский р-н), хорошо известно и ярославским говорам в значении 'о живом, веселом, легкомысленном человеке' [СРНГ 42: 253]. Оно соотносится с семантически многоплановым прилагательным *супо'рный* (ср.: *упо'рный* 'не отступающий от своего, упрямый' [МАС IV: 505]), которое в сибирских, архангельских говорах употребляется в значении 'строптивый, несговорчивый, упрямый', ср.: *Супорная у*

него жена, гладкого слова не скажет, спорить любит очень она. Арх.; в пермских – ‘сварливый, склонный к ссорам’; в ярославских – ‘упорный, настойчивый (о человеке)’; в донских – ‘суровый, хмурый (о человеке)’, ср.: *Да зять у меня больно супорный*. Дон. [СРНГ 42: 254].

В ивановских говорах наименованиями капризного человека (обычно ребенка) являются следующие существительные: *вязга*’, *капри’за*, *капри’занка*, *капри’зник*, *капри’зница*, *капризо’н*, *капризу’ля*, *капризу’ха*, *ню’ня*, *пискля*’, *привере’дник* (11 лексем). Значительное место занимают глагольные лексические единицы, в значении которых содержится сема ‘капризничать’: *блажи’ть*, *ерепе’ниться*, *загиба’ть губы (губу’)*, *капри’зиться*, *капри’зничать*, *кочевря’житься*, *лома’ться*, *озорова’ть*, *топы’риться* (8 слов и 1 устойчивое выражение).

Однокоренные субстантивы *капри’за*, *капри’занка*, *капри’зник*, *капри’зница*, *капризо’н*, *капризу’ля*, *капризу’ха* связаны с существительным *капри’з* ‘прихоть ребенка, проявление упрямства, сопровождаемое криком, плачем и т. п.’ [МАС 2: 30], ср.: *Капризанкой сижу да соплю пускаю* (Фурмановский р-н); *Капризники они у нас растут, внуки-то* (Родниковский р-н); *Ну перестань уже, ты же не капризуля* (Юрьевецкий р-н); *Помню, ей платье сшила, а ей то это не так, то то. Ох и капризуха она была маленькой* (Тейковский р-н). Из названных слов в других говорах получили распространение диалектные существительные *капри’за* ‘капризный человек (обычно о ребенке)’ (красноярские, тульские говоры), *капри’занка* (владимирские говоры), *капризу’ха* ‘капризная женщина или девочка’ (горно-алтайские говоры) [СРНГ 13: 57]. Ивановским и ярославским [ЯОС 5: 19] говорам известен диалектный глагол *капри’зиться* ‘капризничать’, ср.: *Однако капризиться нам тоже не давал* (Фурмановский р-н), соотносимый с литературным *капри’зничать* ‘вести себя капризно, быть капризным’ [МАС II: 30].

Слишком разборчивого, прихотливого человека, которому трудно угодить, в анализируемых говорах называют *привере’дник* или *пискля*’, ср.: *Ишь ты какой нашёлся тут привередник; Ишь какой пискля! То ему не так, то не эдак*

(Шуйский р-н). Указанные лексемы мотивированы глаголами, свойственными разговорной речи: *привередник* – *привере'дничать* ‘проявлять привередливость, прихоти; капризничать’ с пометой *разг.* [БАС 11: 184], *пискля* – *пища'ть* ‘робко протестовать, возражать’ с пометой *простореч.* [БАС 9: 641].

Наряду с ивановскими, в ярославских говорах отмечен глагол *блажи'ть* ‘капризничать (чаще – о детях)’, ср.: *Ребёнок опять блажит* [ЯОС 1: 62]. В русских народных говорах данный глагол может употребляться в разных значениях: ‘сходить с ума; вести себя ненормально; уподобляться юродивому’ Вят., Новг., Пенз., Том., Краснояр., Якут., ср.: *У старосты захворал сын, начал блажить.* Якут.; ‘иметь беспокойный, плохой характер’ Нижегород., Самар., Калуж., Пск. // ‘постоянно ворчать, ругаться’ Вят., ср.: *Блажит наша старуха, да и только.* Вят. // ‘шуметь, кричать, плакать’ Яросл., Волог., Твер., Калуж. // ‘злиться, сердиться без причины’ Самар., Нижегород., Калуж., Пск. // ‘беспокоиться, волноваться’ Саратов., ср.: *Больной блажит.* Саратов. // ‘много плакать, быть беспокойным (о ребенке)’ Нижегород., Самар., Калуж., ср.: *Он (ребёнок) всё что-то блажит.* Нижегород.; ‘буяннить, безобразничать; недостойно себя вести’ Пск., Волог., Вят., Свердл., ср.: *Как только напьётся пьяный, так и зачнёт блажить, – блажит, блажит, так с блажью и в постелю сунется.* Волог. // ‘предаваться разгулу, пьянствовать’ Арх. // ‘врать, обманывать’ Арх., Свердл., ср.: *Полно блажить – говорят тому, кто лжёт.* Арх. [СРНГ 2: 311]. Лексему *блажить*, употребляющуюся в разных значениях, можно считать контекстуально обусловленной, поскольку в каждой определенной ситуации будут актуализироваться то одна, то другая дифференциальные семы при сохранении родовой семы ‘недостойно себя вести’. Отрицательная семантика слова *блажить* восходит к праславянскому **blazniti*, известному в большинстве славянских языков: ст.-слав. *блзнити* ‘обманывать, соблазнять’; словен. *blázniti* ‘вести себя безрассудно, нести вздор, бредить’, ‘браниться, богохульствовать’; чеш. *blázniti* ‘быть не в своем уме’, ‘вести себя безрассудно’, ‘дурачить, вводить в заблуждение’; русск.-цслав. *блзнити* ‘соблазнять, приводить в досаду, в сомнение, обманывать’ [ЭССЯ 2: 103–104].

Кроме собственно диалектных в значении 'капризничать' в ивановских говорах зафиксированы глаголы, употребляющиеся в просторечии: *ерепе'ниться, кочевря'житься, лома'ться, озорова'ть, топы'риться*, ср.: *Ей ничем не угодить, всегда ерепенится* (Тейковский р-н); *Хватит тебе кочевряжиться. То не хочу, это не буду. Ишь ты какой нашёлся тут; Да ладно тебе ломаться-то тут перед нами; Раз мама сказала идти домой, значит, надо идти, а не озоровать, а ты капризничаешь тут, озоруешь* (Шуйский р-н); *Ну хватит топыриться, соглашайся* (Юрьевецкий р-н).

Ивановским говорам известно устойчивое выражение *загиба'ть гу'бы (зубу')* 'капризничать', ср.: *Ну, чего губу загнул? Я для него стараюсь, а он гляди-ка что...* (Шуйский р-н). О высокой степени сочетаемости компонента *гу'бы (зубу')* свидетельствуют выражения *прикуси'ть (закуси'ть) губу'* 'замолчать', *наду'ть гу'бы* 'обидевшись, нахмуриться, сделать недовольное лицо, обидеться' [МАС II: 350].

Проявление гордости, зазнайства всегда вызывало резкую отрицательную оценку сельской общины, ср.: *Гордым быть, глупым слыть; Спесивый высоко мостится (летает), да низко ложится (садится); Чванство не ум, а недоумье* [Даль 1879, II: 287], поэтому лексические единицы, отражающие эти черты характера человека, весьма частотны в рассматриваемых говорах: *ва'жный, вообража'листый, воображу'н, го'рдый, горде'ц, гордели'вый, горду'н, гордя'к, додо'н, зазна'й, зазна'йка, зано'счивый, и'дол, кочевря'га, кошка на грудь не прыгнет, петуши'стый, рыля'стый, спеси'вец, фарао'нка, чванли'вец, чванли'вый, чванови'тый* (21 слово и 1 фразеологическое выражение). Большинство из них произошло либо от глаголов, либо от прилагательных.

Например, прилагательное *го'рдый* 'считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный' стало производящим как для общенародных лексем *горде'ц* 'заносчивый, высокомерный человек', *гордели'вый* 'исполненный гордости, сознания своей ценности, важности, превосходства' [МАС I: 332], так и для бытующих в ивановских говорах словообразовательных синонимов *горду'н, гордя'к*, ср.: *Лёшка-то гордец, да? –*

Ещё какой (Юрьевецкий р-н); *Сейчас все молодые такие невежи стали, но мы видали таких гордунов* (Тейковский р-н). В указанном значении лексема *гордун* известна и курским говорам [СРНГ 7: 29], в то время как диалектное слово *гордяк* отмечается только на территории Ивановской области (Южский р-н).

Целый ряд лексических единиц, называющих в ивановских говорах горделивого, спесивого человека, мотивируется глаголами, свойственными разговорной речи: родственные слова *вообразу'н*, *вообража'листый* – *вообража'ть* ‘быть чрезмерно высокого мнения о себе’ с пометой *прост.* [МАС I: 210], ср.: *Вообразун он хороший, о себе большого мнения* (Родниковский р-н); однокоренные субстантивы *зазна'й* (в том числе нижегородские, владимирские, костромские, ярославские говоры [СРНГ 10: 94], [ЯОС 4: 72]), *зазна'йка* – *зазна'ться* ‘возомнить о себе, стать высокомерным’ с пометой *разг.* [МАС I: 522], ср.: *Я всё Шурочка да Шурка, Шурка вон какой зазнай, Шурочка другую любит, А меня-то как же жаль* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца); *Он зазнался больно теперь. Как зазнайка, нос кверху, а морду в сторону, и не глядит, не признаётся* (Шуйский р-н); прилагательное *зано'счивый* – *зано'ситься* ‘заянаться, загордиться’ [МАС I: 550], ср.: *Некоторые из молодёжи такие заносчивые, что даже не здороваются* (Тейковский р-н); диалектное существительное общего рода *кочевря'га* (Лухский р-н; в том числе новгородские говоры [СРНГ 15: 124]) – *кочевря'жаться* ‘упрямиться, ломаться’ с пометой *прост.* [МАС II: 117].

Ряд наименований гордого, высокомерного человека связан с прилагательными и существительными: *петуши'стый* – *пету'х* ‘о задиристом, запальчивом человеке, забияке’ с пометой *разг.* [МАС III: 116], ср.: *Скоро к нам командир пришёл, петушистый такой* (Фурмановский р-н); *чванли'вец* – *чванли'вый* ‘склонный к чванству’ [МАС IV: 657], ср.: *О, пошёл чванливый наш орел. Нос поверху, глазищи ехидные, как только земля-то таких носит* (Юрьевецкий р-н); *чванови'тый* – *чва'нный* ‘такой, в котором много чванства, спесивый, кичливый’ [МАС IV: 657], ср.: *Но и чвановитая была, от чужих*

помощи не брала, хотя помогала всем (Тейковский р-н); *спеси'вец – спеси'вый* 'полный спеси, высокомерный, надменный, чванливый' [МАС IV: 221], ср.: *Что же ты спесивец какой? Здесь все свои* (Юрьевецкий р-н).

Наряду с ивановскими, в ярославских говорах бытует слово *додо'н* 'заносчивый человек', представляющее собой семантический дериват, так как в прямом значении служит названием петуха, ср.: *Молодой додон хорошо поёт* [ЯОС 4: 8]; *До чего гордый, как додон прямо* (Шуйский р-н). По-видимому, переносное значение для характеристики лица возникло у слова на основе жизненных наблюдений диалектоносителей за повадками и нравом этой птицы, занимающей особое положение на птичьем дворе и являющейся одной из основных в домашнем хозяйстве селянина.

Презрительная оценка гордой, высокомерной женщины передается прилагательным *рыля'стая*, ср.: *Вон идёт рылястая* (Савинский р-н), мотивированным однокоренным существительным *ры'ло* в значении 'гордый и эгоистичный человек', ср.: *Какой он рыло: прошёл и не поздоровался* [ЯОС 8: 143]. Семантика данных наименований связана с лексемой *ры'ло* 'лицо' с пометой *груб. прост.* [МАС III: 745] и просторечным выражением *воротить рыло* 'относиться к кому-, чему-либо с презрением, пренебрежением' [МАС I: 213].

В Шуйском, Комсомольском районах по отношению к заносчивой, высокомерной женщине употребляется слово *фарао'нка*, ср.: *«Ты как фараонка», – говорят в насмешку о человеке, который много знает, говорит заносчиво; Лентяйка хорошая, высокомерная, вся из себя такая, живёт как фараонка.* Шуйск., Комс. [Батырева 2009: 127]. Также в народной речи данное наименование известно в значениях 'женщина с дурным характером', ср.: *Отец говорил: «По кой тебе, фараонке, бог такого мужика послал? Совсем его угробила».* Кин., Шуйск.; 'русалка' (Лежн., Шуйск., Г.-Посад., Ив.) [Батырева 2009: 127].

О людях, с пренебрежением относящихся к окружающим, говорит русская народная пословица: *Гордому кошка на грудь не вскочит* [Даль 1879, II: 287], фразеологический вариант которой зафиксирован в ивановских говорах – *кошка*

на грудь не прыгнет (Шуйский р-н), что соотносится с расхожим мнением о том, что кошки отлично чувствуют плохих людей [Шулякина 2012в: 210].

Проявление скупости всегда вызывало резкую отрицательную оценку русского народа, о чем свидетельствуют пословицы: *Скупому душа дешевле гроша; Скряге деньги, что собаке сено* [Даль 1879, I: 103–105]. В связи с этим актуальным для диалектоносителей является обозначение жадного человека, что проявляется в исключительной частотности наименований, лексическая семантика которых включает в себя компоненты ‘жадный’, ‘скупой’, ‘чрезмерно бережливый’: *домови́тый, жаде́'ба, жадну́щий, жадю́'га, жидо́'ба, жмот, жо́'ркий, зажи́'льный, зажи́'мистый, и́'дол, крохобо́'р, крохобо́'рка, курку́'ль, ненасы́'тный, сквалы́'га, скря́'га, скупердя́'й, скупердя́'йка, скупо́'й, ужи́'мистый* (20 лексем).

В русских говорах корень *жад-* весьма продуктивен, о чем говорит большое количество лексических дериватов: *жад* (Сев.-Двин.), *жа́'да* (Орл., Тул.), *жаде́'ра* (Яросл.), *жа́'дливый* (Смол.), *жа́'дник* (Пск., Смол.), *жадну́'ха* (Свердл.), диал. шир. распр. *жадо́'ба, жадоби́'на* (Влад.), *жаду́'ха* (Урал.), *жадю́'ка* (Ворон., Урал.) ‘жадный человек’; *жаде́'ба* (Курск., Калуж., Твер., Яросл., Влад.), *жаде́'на* (Краснояр., Енис.), *жа́'день* (Твер.), *жаде́'ха* (Яросл.), *жа́'дица* (Пск.), *жадну́'ша* (Твер., Пск.), *жадню́'га* (Урал.) ‘скупой, жадный, ненасытный человек’ [СРНГ 9: 57–60]; *ожа́'диться* (Арх.), *ожа́'довать* (Киров.), *ожа́'довать* (Вят.) ‘стать жадным’ [СРНГ 23: 71]; *сжадова́'ть* ‘пожадничать’ (Дон.) [СРНГ 37: 258] и мн. др. Ивановским говорам известны существительные *жаде́'ба* и *жадю́'га*, ср.: *Жадёб у нас отец не любил* (Фурмановский р-н), а также однокоренное прилагательное *жадну́'щий*, образованное с помощью суффикса *-ущ-* от *жа́'дный* ‘стремящийся взять себе, иметь у себя как можно больше чего-либо’, ‘скупой, корыстолюбивый’ [МАС I: 469], ср.: *И что ты жаднущий какой? Нельзя так... Он же твой братик, дай и ему маленько поиграть* (Шуйский р-н). Согласно этимологическим источникам, слово *жадный* восходит к общеслав. **žędati* ‘жаждать, испытывать жажду’ (ср. укр. *жадати* ‘сильно желать чего-л.’, болг. *жъден, жéден* ‘жаждущий’, с.-хорв. *жéдан* ‘испытывающий жажду’,

словен. *žejen*, польск. *żądny* ‘жаждущий’) [Черных I: 290]. По мнению А. А. Едалиной, этот исторический экскурс позволяет выявить исконные составляющие семантики слова *жадный*, которые очень хорошо проявляются и на современном уровне [Едалина 2013: 32]. Речь идет, во-первых, о страстном и настойчивом желании чего-либо, потребности в чем-либо, что является ключевой характеристикой психофизического состояния жадного человека, а во-вторых, об объекте такого желания, пище (значения ‘голодный’, ‘испытывающий жажду’ (см. подробнее об этом: [Петлева 1972: 213])). Дальнейшую детализацию действий и состояний жадного человека в процессе еды (и далее – вне этого процесса) можно наблюдать в следующих моделях: 1) «такой, кто жрет (*жрать* ‘есть с жадностью’ [МАС I: 488]) → жадный (в том числе в еде)»: *жоркий* (Иван., Челяб.) ‘жадный’, ср.: *А парень молодой, только жоркий* (Тейковский р-н), *жорить* ‘есть с жадностью’ (Перм., Арх.), *жормя’ жрать* (Волог., Перм.) ‘есть с жадностью’ [СРНГ 9: 216-217], *прожор’р* (Новг.) ‘о жадном, стремящемся захватить побольше человеке’ [СРНГ 32: 137] и др.; 2) «несытый / ненасытный → жадный»: *ненасы’тный* (Иван., Пск., Смол., Ленингр.) ‘жадный, завистливый’, ср.: *Он ненасытный, только ест и ест! А как деньги любит!* (Юрьевецкий р-н), *не’насыть* (Арх.) ‘жадный человек’, *несы’тный* (Литов., Яросл.) ‘жадный, ненасытный’, *не’сыть* (Перм.) ‘о жадном, алчном, корыстолюбивом человеке’ [СРНГ 21: 96, 171].

Отмеченная в Лухском районе лексема общего рода *жидо’ба* называет скупца. Возможно несколько толкований происхождения данного наименования: во-первых, оно может быть связано с разговорным словом *жид* ‘презрительное, бранное название еврея’ с пометой *груб. прост.* [МАС I: 483] (расхожий стереотип о жадности евреев, ср.: у В. И. Даля – ‘скупой, скряга, корыстный скупаец’ (*Живи, что братъ, а торгуйся какъ жидъ*) [Даль I: 688]); во-вторых, может соотноситься с диалектным *жадо’ба* (исторически звук [ж’] был мягкий, поэтому в первом предударном слоге в слабой позиции могло быть изменение гласного звука: *жидо’ба* → *жадо’ба*).

Прилагательное *скупо'й* ‘чрезмерно, до жадности бережливый, всячески избегающий расходов, трат’ [МАС IV: 126], ср.: *Мой очень скупой. Даже не знаю, что с этим делать* (Юрьевецкий р-н), стало производящим для оценочного существительного *скупердя'й* (форма женского рода – *скупердя'йка*) ‘скупой человек’ [МАС IV: 125], широко распространенного в анализируемых говорах (Родниковский, Южский, Юрьевецкий, Вичугский, Шуйский р-ны), ср.: *Если человек жадный, то его скупердяем называют* (Вичугский р-н); *Не будь скупердяем-то уж... Дай, раз просит* (Шуйский р-н). Следует заметить, что в говорах слово *скупердя'йка* не только отрицательно оценивает жадного человека, но и употребляется по отношению к завистливой женщине (Новг.) [СРНГ 38: 188].

В наименованиях *жмот*, *сквалы'га*, *скря'га* актуализируется дополнительная сема ‘чрезвычайно скупой человек’, ср.: *Вот жмот, снега зимой не выпросишь* (Родниковский р-н); *Парень много запросил денег, прямо сквалыга какой-то* (Тейковский р-н); *У, скряга, чтоб тебе... – Ларис, ты на кого такая сердитая? – Да вон Филиппович опять сено зажал* (Юрьевецкий р-н). Интересно, что в говорах Забайкалья лексема *жмот* является наименованием богатого крестьянина-собственника, кулака [СРНГ 9: 206], а ярославским говорам известен глагол *жмо'тить* в значении ‘жалеть что-либо, не давать’, ср.: *Да жмотит он, не проси у него больше ничего* [ЯОС 4: 49]. По данным СРНГ и ЯОС слова *сквалыга* и *скряга* помимо указанного значения номинируют неуживчивого, вздорного, сердитого человека, скандалиста [СРНГ 38: 168], [ЯОС 9: 35].

В исследуемых говорах отмечено слово *и'дол*, совмещающее в структуре своего лексического значения семы ‘жадный’ и ‘бестолковый или бесчувственный’ [МАС I: 631], ср.: *У него, идола, снега зимой не выпросишь, не то, что другого чего* (Шуйский р-н). Возможно, данное наименование связано с бытующим во владимирских говорах глаголом *и'дольничать* ‘жадничать’, ср.: *Не знаю чего идольничает. Влад.* [СРНГ 12: 77].

Скупого человека, собирающего всякую мелочь, в говорах Лухского района характеризуют словом *крохобо'р* (форма женского рода – *крохобо'рка*), связанным с глаголом *крохобо'рить* ‘скупиться, быть мелочно экономным’ Пск., Твер. [СРНГ 15: 286].

Как наименование человека жадного, чрезмерно бережливого, скупого в ивановских говорах употребляется слово *курку'ль*, имеющее неодобрительную окраску, ср.: *Скупой – это куркуль. Наханает себе всего, что деть потом некуда* (Шуйский р-н). В СРНГ слово *куркуль* отсутствует, в значении ‘крестьянин-кулак на Украине’ [МАС II: 153] оно зафиксировано в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, в значении ‘богатый, жадный человек; скопидом’ – в Словаре русского арго под ред. В. С. Елистратова.

В меньшей степени неодобрение выражается в прилагательных *домови'тый*, *зажи'мистый*, *ужи'мистый* ‘избегающий трат, издержек; скупой’ (Родниковский, Тейковский р-ны), что объясняется проявлением заботы сельских жителей о своем доме, хозяйстве, материальном благополучии.

Негативный образ человека, склонного к зависти, создается за счет лексических единиц, в значении которых актуализируются семы ‘завистливый (человек)’ – *зави'дливый*, *за'видник*, *завиду'щий*, *зави'стник*, *зави'стный*; ‘завидовать’ – *зави'ствовать*, *задо'рится*, *злынева'ть*; ‘завидно’ – *зави'дки берут* (8 слов и 1 устойчивое выражение).

В ивановских говорах наименованиями того, кто завидует другим, являются общенародное существительное *зави'стник* и диалектное *за'видник* (в том числе новгородские, уральские говоры [СРНГ 9: 314]), ср.: *Завистник – самый страшный враг* (Родниковский р-н); *Про завистливого человека мы иногда говорим завидник* (Тейковский р-н).

В Лухском районе бытует диалектное прилагательное *зави'дливый* ‘завистливый’, имеющееся также в нижегородских, казанских, воронежских, брянских, вологодских, онежских, архангельских говорах, ср.: *Барин был очень скуп и очень завидлив*. Казан. [СРНГ 9: 314].

Нередко просторечное прилагательное *завиду'щий* 'жадный, завистливый' [МАС I: 502], ср.: *И что ты какой завиду'щий? Что он возьмёт, то и тебе скорей подавай* (Шуйский р-н), в анализируемых говорах встречается в сочетании с существительным *глаза'*, ср.: *У девчонок-то глаза всегда завиду'щие* (Фурмановский р-н). В значении 'привлекательный' слово *завиду'щий* известно владимирским говорам, ср.: *Завиду'щи семяны в поле – горох да репа, в народе – вдова да девка* (пословица). Влад. [СРНГ 9: 315]; вероятно, данное значение может быть связано с семантикой прилагательного *зави'дный* 'являющийся предметом зависти' [МАС I: 502].

В то время как в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой прилагательное *зави'стный* 'склонный к зависти; испытывающий чувство зависти' подается с пометами *устар.* и *обл.* [МАС I: 503], в народных говорах, кроме основного значения 'завистливый' – ивановские, калужские, тверские, псковские говоры, ср.: *Завистливого человека мы называем завистным* (Тейковский р-н), указанное слово представлено в значениях 'жадный', ср.: *Ишь какой завистный: рубль получил, ещё хочешь*. Калуж., 'старательный, усердный, трудолюбивый' – воронежские, тамбовские, орловские говоры, ср.: *Она-то у нас завистна, да он-то лентяй*. Орл. [СРНГ 9: 318].

Значение 'завидовать' в ивановских говорах передается глаголами *зави'ствовать, задо'риться, злынева'ть*, ср.: *Что ты будешь делать – завиствовать ему?; Ой, не могу на Степановну, всё задорится чего-то. Хотя чего задорится, и нечему совсем. Да и Бог с ней, как хочет* (Юрьевецкий р-н); *Девчонки-то злыневать начали* (Фурмановский р-н). По данным СРНГ, лексическая единица *завиствовать* употребляется также в калужских, тверских, костромских, владимирских говорах, ср.: *Работник жил несколько лет и завиствовал, что хозяева хорошо живут*. Костром. [СРНГ 9: 317], *задориться* – в архангельских [СРНГ 10: 63], и только *злынева'ть* не фиксируется в словарях.

В Южском районе встречается устойчивое лексическое выражение со значением ‘завидно’ – *зави́дки беру́т* с пометой *прост.* [МАС I: 502], ср.: *А ещё у нас говорят «завидки берут» – завидно, значит* (Южский р-н).

Для характеристики злого, то есть исполненного чувства недоброжелательства, враждебного, полного злобы, злости человека в ивановских говорах используются наименования *ехи́дник*, *ехи́дница*, *злы́день*, *злы́дня*, *лиходе́й*, *лиходе́йка*, *лихома́нка*, *ли́хо одногла́зое*, *лю́тый*, *не́людь*, *него́дный*, *серди́тый* (11 лексических единиц и 1 устойчивое выражение).

Бытующее в Тейковском, Лухском, Шуйском районах слово *ехи́дник* (форма женского рода – *ехи́дница*) ‘злой, ехидный человек’ образовано от разговорного существительного *ехи́дна* ‘злой, язвительный, коварный человек’ [МАС I: 468], также употребляется в вологодских, свердловских говорах, ср.: *Злого, недоброжелательного человека мы называем ехидником* (Тейковский р-н); *Не спрашивай, рубля не дам, ехидница.* Свердл. [СРНГ 9: 47].

Однокоренные существительные *злы́день* (Вичугский, Юрьевецкий, Лухский р-ны) и *злы́дня* (Фурмановский, Южский, Юрьевецкий р-ны) употребляются по отношению к злему, сердитому человеку, ср.: *А злой – злыдень, плохой, хитрит, того гляди, что сделает злое* (Вичугский р-н); *Зовём Машку, сестру кумы, злыдня да змея ехидная* (Южский р-н). По данным СРНГ, первая лексема *злыдень* в пермских говорах называет плутишку, лентяя; вторая *злыдня* в ярославских, саратовских, челябинских – злого, недоброжелательного человека, в вологодских – скупого человека, скрягу [СРНГ 11: 294–295]. Кроме того, в русских диалектах слово *злыдня* соотносится с нечистой силой, так как в саратовских говорах служит наименованием черта, в смоленских – существа, олицетворяющего беспросветную нужду, бедность, ср. в поговорке: *Злыдня просится на три дни, а увяжется на весь век* [СРНГ 11: 295].

Ивановским говорам известны сложные существительные *лиходе́й* (форма женского рода – *лиходе́йка*) ‘злодей’, *лихома́нка* ‘злодейка’, ср.: *Она на всё злится, лиходейка* (Южский р-н); *Он женился на ехиднице и лихоманке, которая*

зудела над ним и днём и ночью (Тейковский р-н). Лексема *лиходейка* зафиксирована в исследуемых говорах и в значении ‘женщина, отбивающая у других мужей’, ср.: *Самогоночку не пью, Боюся заболтаюся, С лиходейкой не сажусь, Боюся разругаюся* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), в ярославских, вологодских – ‘соперница’ [СРНГ 17: 78]. От существительного мужского рода *лихома’н* ‘злодей’ Тобол., Вост., ср.: в курских говорах – ‘дьявол, черт’, в вологодских – ‘неприятный человек’, в северодвинских – ‘сумасбродный человек’ [СРНГ 17: 79], образовано слово женского рода *лихоманка*, в архангельских, ярославских говорах номинирующее злодейку, в томских – проказницу, ср.: *Дама виной – это лихоманка называется* [ЯОС 6: 7]; *Да погодите, лихоманки эдаки, мне не до вас ещё*. Том. [СРНГ 17: 79]. Отрицательная семантика наименований продолжается в глаголах *лиходе’ить*, *лиходе’йничать*, *лиходе’йствовать* ‘делать зло, вредить’, *лихома’нить* ‘много вредить, постоянно делать зло, мошенничать или обманывать’ [Даль II: 335], а также обращает нас к значению древнерусского существительного / наречия *лихо* ‘зло, злое дело’ / ‘плохо, дурно’ [ЭССЯ 15: 90], известным в народных говорах – сущ. ‘злая судьба’ Пск., Смол., ‘горе, печаль’ Волог., Арх., Ворон., Курск., ‘досада, неудовольствие’ Влад., ‘обида’ Арх.; нареч. ‘тяжело, плохо, больно (физически или морально)’ Волог., Костром., Яросл., Влад., Пск., Арх., Перм., Урал. и т.п., ‘противно, неприятно’ Вят., Перм., Свердл., Тобол. и т.п., ‘обидно, досадно’ Волог., Сев.-Двин., Вят., Перм., Пск., Смол., Калуж. и т.п., ‘нехорошо, злобно; лукаво’ Влад., Яросл., Волог., Арх. [СРНГ 17: 76].

Возникшее на основе метафоры образное наименование человека, способного причинить зло, *ли’хо одногла’зое*, ср.: *Ух, ты, лихо одноглазое! Всё в доме переломал!* (Юрьевецкий р-н), связано с народными представлениями об одноименном мифологическом персонаже как воплощении злой доли, горя, несчастья, беды: «В поверьях лихо – демоническое существо, имеющее обычно облик худой одноглазой женщины или великанши ростом выше деревьев; ее появление предвещает беду. Так, по поверьям, лихо иногда бродит по земле и

нападает на людей; на человека, к которому она «привязалась», начинают обрушиваться всяческие беды: он заболевает, становится нищим, теряет родных и т. д.» [Шапарова 2001: 329]. По данным СРНГ, в ярославских, костромских говорах *лихо одноглазое* – прозвище косоного человека [СРНГ 17: 76].

Крайняя степень неодобрения диалектоносителями злого, недоброжелательного человека выражается негативно-приставочными лексемами *не'людь, него'дный* 'дурной, скверный', ср.: *А этот негодный только о себе думает* (Родниковский р-н). В ярославских говорах слово *нелюдь* выступает как собирательное существительное в значении 'плохие, дурные люди' (ср.: *не'люд* 'дурной народ, неблагожелательные люди' Даль [СРНГ 21: 75]) и как существительное общего рода 'нелюдимый человек; нелюдим' // 'застенчивый, боязливый человек', ср.: *Да что хоть ты от людей-то всё хоронишься, нелюдь ты этакой!* [ЯОС 6: 134]. Отрицательную коннотацию содержит и прилагательное *негодный*, характеризующее нежелательного, неугодного, неприятного, противного человека в уральских говорах, ср.: *Ну и начала ругаться, негодна така*. Нижн. и средн. теч. р. Урал [СРНГ 20: 373].

Общеупотребительные прилагательные *лю'тый* 'жестокий, беспощадный (о человеке)' [МАС II: 211] и *серди'тый* 'склонный сердиться, гневаться; раздражительный' [МАС IV: 79] в ивановских говорах номинируют враждебного, полного злобы человека, ср.: *Злого лютым у нас называют; Уж больно он сердитый. Что бы добро кому сделал, помог, так нет вот* (Шуйский р-н). В значении 'злой, сердитый' лексема *лютый* зафиксирована во многих русских народных говорах – ярославских, псковских, вятских, нижегородских, костромских, новгородских, пермских, ср.: *Куда как лютый наш хозяин*. Вят.; *Седуха-то больно люта*. Костром. [СРНГ 17: 249]. Небезынтересно отметить, что в тамбовских говорах слово *лютый* бытует в значении существительного 'злой дух', ср.: *Хрясни его лютый* (бранно). Тамб. [СРНГ 17: 249].

Как отмечалось ранее, к положительным явлениям жизни (соответствующим представлениям диалектоносителей о норме) народная речь

относится более спокойно, чем к отрицательным (антинорма), т. к. «норма, в принципе, одна, отклонений же от нормы может быть сколько угодно» [Арутюнова 1984: 17], что выражается в достаточно небольшом количестве лексических единиц, составляющих противоположный полюс со значением ‘хороший, добрый, чуткий, отзывчивый человек’: *до’брый, доброжела’тельный, душе’вный, раду’шный, ще’дрый*, ср.: *Добрый он, не жадный, душа нараспашку, не жалеет ничего* (Вичугский р-н); *Душевный он, доброжелательный мужик: всегда другим помогает* (Родниковский р-н); *Тинято такое был, но щедрый малый* (Фурмановский р-н). Все представленные наименования являются общеупотребительными словами, функционирующими как в литературном языке, так и в говорах, это свидетельствует о положительной оценке доброго, отзывчивого человека всеми носителями русского национального языка, независимо от территориальной принадлежности.

Неодобрение диалектоносителей вызывает робкий, нерешительный, трусливый человек, которого в ивановских говорах называют: *боя’зливый, боя’ка, за’яц, задры’га, зассы’ха, посику’ха, ро’бкий (ро’бкой), трус, труси’ха, тря’сский, трясу’шный* (12 наименований).

Общепринятый глагол *боя’ться* ‘испытывать боязнь, страх’ [МАС I: 110] является производящим для существительного общего рода *боя’ка* ‘боязливый, трусоватый человек (чаще о ребенке)’ с пометой *разг. шутл.* [РСС I: 114], употребляющегося также в ярославских говорах [ЯОС 2: 20], ср.: *Ну чего ты боишься, бояка? И не больно совсем* (Савинский р-н). Прилагательное *боя’зливый* (ср.: в литературном языке – *боязли’вый* ‘склонный к боязни, робкий, несмелый’ [МАС I: 110]) мотивировано абстрактным существительным *боя’знь* ‘чувство страха; опасение’ [МАС I: 110], ср.: *Боязливым никогда не был, всегда бросался в омут с головой* (Тейковский р-н).

Прямое значение существительного *за’яц* связано с обозначением небольшого пугливого зверька отряда грызунов, с длинными задними ногами и длинными ушами [МАС I: 599], переносное – с характеристикой робкого,

несмелого человека, ср.: *Такого заяц зовут* (Южский р-н). В семантическом диалектизме подчеркиваются качества, присущие данному животному: осторожность и пугливость, вошедшие в поговорку, ср.: *Пугливый заяц и пенька боится*.

Значение ‘слабый, трусливый человек’ в ивановских говорах репрезентируется лексемами *задры́га* (отмечено в московских, тульских говорах [СРНГ 10: 69]), *тря́сский*, *трясу́шный*, связанными с глаголами *дрожа́ть* ‘испытывать дрожь, быть охваченным дрожью, трястись, сотрясаться’, ‘бояться кого-либо; трепетать’ [МАС I: 448] и *трясти́сь* ‘дрожать, содрогаться всем телом; быть охваченным дрожью, ознобом’ [МАС IV: 422], ср.: *Трусливого человека иногда называем задрыгой* (Тейковский р-н); *Таня у нас трясушная, боится темноты*. Шуйск. [Батырева 2009: 124]. Таким образом, общей в представленных значениях оказывается сема ‘быть охваченным дрожью’, что является одной из защитных реакций организма на панику, страх в ситуациях, представляющих угрозу для человека. Внешне выраженная характеристика поведения субъекта (дрожать, содрогаться всем телом) кладется в основу наименования лица по особенности его характера.

Среди номинаций трусливого человека в Фурмановском районе отмечены слова *зассы́ха* и *посику́ха*, ср.: *Они все, посикухи, врассыпную ударились* (Фурмановский р-н), связанные с глаголами *ссать*, *си́кать*, приведенными в Словаре русского арго под ред. В.С. Елистратова в значении ‘бояться, страшиться’, ср.: *ссать* с пометой *вульг.*, *си́кать* с пометой *разг.* ‘испускать мочу; мочиться’ [БТСРЯ: 1257, 1184]. В ярославских говорах лексемы *зассы́хи*, *сику́хи* номинируют муравьев, ср.: *Сели на краю леса разобрать грибы, а зассыхи-то так и облепили* [ЯОС 4: 103].

Неодобрительная оценка сопровождается общеупотребительные лексические единицы *ро́бкий* ‘несмелый, боязливый’ [МАС III: 720] (фонетический вариант – *ро́бкой*), ср.: *Что же ты робкий какой? Это всего лишь маленькая гусеница* (Юрьевецкий р-н), *трус* ‘трусливый, робкий человек’ [МАС IV: 419] (форма

женского рода – *трусиха*), ср.: *Здоровый мужик, а воды боится. Трус да и только* (Родниковский р-н); *Трусиха! Всего боится* (Юрьевецкий р-н).

Противоположный полюс со значением ‘смелый, бойкий человек’ в ивановских говорах представлен 14 лексическими единицами: *бедо'вый, безбоя'зненный, безбоя'зный, бесстра'шный, бо'йкий (бо'йкой), бра'вый, отбо'йный, ото'рва, сме'лый, смеля'к, удало'й, у'харь, у'харень*. Такие качества, как смелость, удаль, положительно оцениваются носителями диалекта, поэтому и поведение человека, наделенного такими качествами, соответствует определенному эталону, закреплённому в народном сознании.

Для характеристики отважного человека, не знающего страха, употребляются негативно-приставочные прилагательные *безбоя'зненный, безбоя'зный, бесстра'шный*, ср.: *Только мать к нему (к отцу) безбоязненная была* (Фурмановский р-н); *А правнук в сына моего уродился, такой же безбоязный* (Тейковский р-н); *Детьми мимо кладбища ночью ходили. Вот бесстрашные были!* (Родниковский р-н). Наряду с ивановскими диалектное прилагательное *безбоя'зный* ‘смелый, бесстрашный’ бытует в костромских, пермских, свердловских говорах, ср.: *Я безбоязная – и ночью пойду*. Костром.; *Девка, которая самая безбоязная, так за удила даже коня-то схватит*. Свердлов. [СРНГ 2: 181].

Хорошо известны ивановским говорам фонетические варианты *бо'йкий* и *бо'йкой* ‘решительный и находчивый, смелый’, ср.: *А друг-то мой смелый, бойкий был* (Южский р-н), а также прилагательные *бра'вый* ‘молодцеватый, мужественный с виду’ [МАС I: 111] и *удало'й* ‘обладающий, отличающийся удалью’ (ср.: *у'даль* ‘безудержная, лихая смелость, соединенная с бойкостью, ухарством, молодечество’ [МАС IV: 463]), ср.: *Ты такая, такая... ну прямо бравая молодушка! Я бы так не смогла; Эх, удалой какой! Котёнка с дерева снял. Молодец, мальчик!* (Юрьевецкий р-н).

Внутренняя форма прилагательного *отбо'йный* в русских народных говорах продуцирует как положительные, так и отрицательные эмотивно-оценочные коннотации: в ивановских, владимирских, нижегородских говорах – ‘отчаянный;

удалой', ср.: *Он такой растёт отбойный* (Савинский р-н); в бурятских – 'непутёвый', ср.: *Средний парень такой отбойный, что с третьей женой живёт, четвёртую подыскивает*. Бурят. [СРНГ 24: 119]. Как видим, в семантике слова совмещаются две характеристики человека, одна из которых воспринимается явно негативно.

Бытующая, кроме ивановских, также в калужских, рязанских, новосибирских говорах диалектная лексема *смеля'к* 'смелый человек', ср.: *Я тогда смеляком держался* (Фурмановский р-н); *Позвал человек двадцать смеляков. Какой бы смеляк нашёлся, шестом оттолкнул (льдину)!* Калуж. [СРНГ 38: 353], имеет прозрачную внутреннюю форму, связанную с семантикой прилагательного *сме'лый* 'не поддающийся чувству страха, не боящийся опасностей; храбрый, отважный' [МАС IV: 150].

Характеристика отчаянного человека, способного на бесшабашные поступки, сорвиголовы, в Шуйском, Юрьевецком районах представлена разговорным прилагательным *бедо'вый*, ср.: *Это парень бедовый, никого, видать, не боится, так и лезет на двоих-троих сразу, хоть бы что* (Шуйский р-н); в Лухском – словообразовательными синонимами *у'харь*, *у'харень*; в Тейковском, Шуйском районах – словом общего рода *ото'рва*, широко распространённым и в других народных говорах – курских, калужских, владимирских, московских, псковских, смоленских, ср.: *У меня сын тоже оторва был, готов всегда хоть в омут* (Тейковский р-н); *Такая оторва, никого не боится, ребят (сверстников) бьёт, ночью в лес одна ходит*. Калуж. [СРНГ 24: 261]. Приведённые контексты показывают, что крайняя степень смелости, проявляющаяся в лихачестве, безоглядной бесшабашности, неосторожности, в народной среде оценивается негативно [Шулякина 2013: 248].

Наименования непоседы, озорника, шалуна, забияки, задиры составляют в ивановских говорах следующее лексическое множество: 'непоседа' – *балахры'с* (*балахры'ст*), *балахры'ска*, *веретено'*, *вертихво'ст*, *вертихво'стка*, *верту'шка*, *верчеха'*, *гвоздь в одном месте*, *егоза'*, *егозу'й*, *задры'га*, *подви'жный*, *сорви'-голова'*,

чумазе'ня, шугутно'й; 'озорник / озорница', 'шалун / шалунья' – ба'ловень, баловни'к, баловни'ца, гулё'на, заба'вница, озорни'к, озорни'ца, сорване'ц, хулига'н, хулига'нка, шко'да, шутни'к, шутни'ца; 'забияка, задира' – вздо'рник, дра'чник, драчу'н, забия'ка, ку'рва (ко'рва), ото'рва, шпана' (36 слова и 1 устойчивое выражение). К ним следует отнести и лексико-семантическую группу слов с общей семой 'озорничать / шалить', представленную 10 глаголами: *балова'ться, глуми'ться, голове'ситься, дури'ть, кочевря'житься, курале'сить, на'костить, на'костничать, хулига'нить, шко'дничать.*

Фонетические варианты *балахры'с* (форма женского рода – *балахры'ска*), *балахры'ст* 'непоседа', ср.: *Вот ведь балахрыст, и меня, старуху, встать заставил* (Юрьевецкий р-н), связаны с диалектным глаголом *балахры'стить* 'бездельничать, проводить время в праздности; дурно вести себя' [СРНГ 2: 76]. По данным СРНГ, диалектный полисемант *балахрыст* 'бездельник, без пользы тратящий время, слоняющийся взад и вперед без дела; человек дурного поведения' употребляется и в значениях 'озорник, шалун', 'беспутный, легкомысленный, ветреный человек', ср.: *Который парень с умом, тот к работе прилежит, а балахрысты – по караводам да по избёнкам – им бы всё с девками балахрысничать.* Саратов. [СРНГ 2: 76]. В пермских говорах отмечается употребление лексемы *балахрыска* в значении 'женщина дурного поведения' [СРНГ 2: 76].

Признак нестабильности, динамичности кладется в основу номинации непоседы. Так, однокоренные лексемы *веретено'*, *вертихво'ст* (форма женского рода – *вертихво'стка*), *верту'шка, верчеха'* мотивированы глаголом *верте'ться* 'совершать круговые движения, вращаться, кружиться' [МАС I: 153]. Неустойчивость, шаткость осмысляется диалектоносителями как нечто нежелательное, негативное, поэтому для выражения отрицательной оценки и эмоции неодобрения избираются именно эти признаки.

По-видимому, в результате метафорического переноса наименования с объекта материального мира (в нашем случае веретена 'ручного прядильного

орудия в виде деревянной палочки с заостренными концами и утолщением посредине' [МАС I: 150] и вертушки 'названия разного рода вращающихся предметов и инструментов' [МАС I: 153]) на человека лексемы *веретено* и *вертушка* стали обозначать непоседливого человека. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой зафиксировано существительное *вертихвостка* 'ветренная, легкомысленная женщина' с пометой *прост.* [МАС I: 153], в то время как в народной речи употребляются существительное мужского рода *вертихвост* и производное женского рода – *вертихвостка* в значении 'непоседа'. Шустрюю, подвижную девушку, непоседу могут назвать *верчеха*, ср.: *У мово-то форсуна Есть рубашечка одна, Вышита, бордовая, Верчеха бедовая* (из архивных фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца). В русских говорах встречаются варианты данной лексемы: *вертё'ха* 'озорной, бойкий ребенок, непоседа, шалун', ср.: *Вертёха такая! На месте не посидит.* Перм., Нижегород.; *вертеха* 'непоседливый человек', ср.: *Ну, не посидит он сроду на месте ни при людях, ни при своих, скок да прыг, вертеха какой-то.* Урал.; 'непостоянный, легкомысленный человек; ветреник, ветреница, вертушка', ср.: *Зелье девка! Настоящая вертёха.* Перм., Арх. [СРНГ 4: 152]. Обращает на себя внимание тесная связь между внешним проявлением предосудительной модели поведения (чрезмерная подвижность, озорство, праздное времяпрепровождение) и внутренним качеством, отражающим несоответствие поведения человека моральным нормам (легкомысленность, нравственная распущенность) [Шулякина 2011б: 357].

Для наименования непоседливого ребенка употребляется лексема общего рода *егоза*', ср.: *У меня у внучки мальчишка растёт, Алёшка, и всё бегаёт туда-сюда, как егоза* (Тейковский р-н); *Наша – егоза! Всё ей надо посмотреть, пощупать* (Юрьевецкий р-н), известная в литературном языке в значении 'слишком подвижный, суетливый человек, юла' с пометой *разг.* [МАС I: 461]. В народных говорах данное наименование употребляется в значении 'суетливый, услужливый человек' Тамб., 'заботливый человек' Волог. [СРНГ 8: 316], как и лексема *егозу'й*, ср.: *Ванюшка-то такой егозу'й был, помогал мне* (Тейковский р-н).

От разговорного прилагательного *чума'зый* 'грязный, запачканный' [МАС IV: 693] образовано диалектное слово *чумазе'ня* 'непоседливый ребенок' (Фурмановский р-н), семантика которого позволяет нам предположить наличие причинно-следственной связи между значениями данных лексем: непослушные, непоседливые дети часто пачкаются.

В значении 'непоседливый ребенок' в говорах Ивановской области употребляются прилагательные *подви'жный* (ср.: *подвижно'й*, *подви'жный* 'отличающийся живостью, быстротой движений (о человеке, животном)' [МАС III: 179]), *шугутно'й*, сложное существительное общего рода *сорви'-голова'* (ср.: *сорвиголова'* 'отчаянный, ничего не боящийся и ни перед какой опасностью не останавливающийся человек' с пометой *разг.* [МАС IV: 202], 'отчаянный, на все готовый человек, кому жизнь копейка, голова наживное дело' [Даль IV: 202]), устойчивое выражение *гвоздь в одном месте*, ср.: *Какой подвижный растёт мальчишка-то у них* (Родниковский р-н); *Мы все шугутные маленькие; Внук у меня сорви-голова растёт, будто гвоздь в одном месте* (Фурмановский р-н).

Для наименования озорного ребенка в ивановских говорах употребляются существительные *ба'ловень* и *гулё'на*, ср.: *Гулёна такой, придёт весь чёрный* (Фурмановский р-н). Первое слово *баловень*, мотивированное глаголом *балова'ть* 'совершать, делать что-либо ради озорства, забавы' [МАС I: 58], встречается в русских народных говорах в значении 'возлюбленный; любовник' Арх., 'распутник, негодяй' Яросл., Курск. [СРНГ 2: 85]. Второе слово *гулёна* образовано от просторечного глагола *гуля'ть* 'веселиться, развлекаться; кутить' [МАС I: 356-357], в словаре В.И. Даля зафиксировано в значении 'шатун, лентяй, гулящий; охочий до гостьбы, пирушки, попоек; пьяница, мотишка' [Даль I: 519]. Таким образом, с точки зрения народного сознания отношение к отрицательному поведению человека варьируется от предосудительного 'шалун, проказник' до аморального 'распутник, пьяница, вор'; всю гамму значений может нести одна лексема, например, как в нашем случае, *гулёна* [Шулякина 2011г: 247].

По отношению к озорному ребенку употребляется и существительное общего рода *шко́да*, ср.: *А брат у него совсем не такой, с этим шкодой и не сравнить* (Тейковский р-н). В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, в Словаре современного русского литературного языка и в Русском семантическом словаре под общей ред. Н. Ю. Шведовой внутренняя форма лексемы *шкода* продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации: ‘тот, кто наносит вред, убыток злонамеренно или из озорства’ [МАС IV: 721], ‘негодяй, мерзавец’ [БАС 17: 726], ‘вредный озорник’ с пометой *обл.* и *прост.* [РСС I], ср.: польск. *szkoda* ‘вред, ущерб’ [Фасмер IV: 449]. С помощью продуктивного суффикса *-нича-*, широко употребляющегося в разговорной речи и как правило обладающего отрицательной экспрессией, от глагола *шко́дить* ‘шалить, дурить, баловать, причиняя этим вред, порчу; проказить, прокудить, пакостить’ [Даль IV: 726] образован диалектный дериват *шко́дничать* ‘озорничать, шалить’, ср.: *Алешка бегаёт туда-сюда, только и гляди, что нашкодничает* (Тейковский р-н).

В речи жителей Юрьевецкого района зафиксировано употребление лексемы *заба́вница* ‘озорница’, в рязанских говорах встречающееся в значении ‘женщина, склонная к неожиданным поступкам, выдумкам’, ср.: *В магазине купишь какие-нибудь конфеты, печенье: во забавница, чего купляешь, забавляешься... А без них нельзя?* Ряз. [СРНГ 9: 240].

Лексические единицы *озорни́к* (форма женского рода – *озорни́ца*), *сорване́ц*, *хулига́н* (форма женского рода – *хулига́нка*), *шутни́к* (форма женского рода – *шутни́ца*) встречаются как в литературном языке, так и в народных говорах, ср.: *Он маленький-то был такой озорник, сильно матом ругался; Внучок у меня любит похулиганить, хулиган эдакий; Вот я такая шутница была, сильно любила пошутить* (Родниковский р-н). Однако в народных говорах семантика данных наименований выражает отношение диалектоносителей к моральному облику человека. Так, существительное *озорник* ‘тот, кто озорничает, шалун, проказник’ с пометой *разг.* [МАС II: 604], ‘наглец и буйан, обидчик, драчун’ [Даль II: 853] приобретает значение ‘лентяй’ в вологодских говорах [СРНГ 23: 99]. Лексема *сорванец* ‘большой озорник,

отчаянный шалун' с пометой *разг.* [МАС IV: 201], 'наглый повеса, дерзкий проказник и нахал' [Даль IV: 201] употребляется не только для наименования дерзкого, нахального, грубого человека, но и проворного, резвого (Курск., Нижегород.), а также отважного, удалого, отчаянного человека (Нижегор., Волог., Курск., Тамб., Саратов., Перм.) [СРНГ 40: 13]. В словаре современного русского литературного языка лексема *шутник* употребляется в значении 'тот, кто любит, умеет шутить; весельчак, забавник' [БАС 17: 818], ср.: 'кто охотно и много шутит' [Даль IV: 746]. У В. И. Даля глагол *шутить* совмещает значения 'говорить, делать что-либо ради одной забавы, потехи, смеху, веселья' и 'шалить, проказить, тешить себя и людей пустою, забавною выдумкой' [Даль IV: 745], что характерно для народных говоров.

Номинарующие задиристого человека диалектное существительное *драчник* и разговорное *драчу'н* 'тот, кто любит драться, часто дерется' [МАС I: 445], ср.: *Никаких драчников не было* (Родниковский р-н); *Драчуном все зовём такого задиру* (Шуйский р-н), восходят к общенародному глаголу *дра'ться* 'бить друг друга; устраивать драку' // 'бить кого-либо, наносить побои кому-либо' [МАС I: 444].

Отрицательное отношение к забияке, задире в ивановских говорах передается фонетическими вариантами *ку'рва* (*ко'рва*), ср.: *Ах ты курва несчастная!* (Фурмановский р-н). Слово *курва* подается в словаре В. И. Даля в значении 'публичная женщина, развратная женщина // сплетница // негодяй' с пометой *неприл., бранно* [Даль II: 286]; в псковских, тверских говорах этим существительным называют сплетницу, в петербургских, новгородских, архангельских, ярославских – плутовку, в тобольских, сибирских – лукавого, хитрого, лицемерного человека [СРНГ 16: 113]. Происхождение слова *курва* 'потаскуха' (укр., блр. *ку'рва*, сербск.-цслав. *кур'ва*, болг. *ку'рва*, сербохорв. *к'урва*, словен. *k'urva*, чеш. *kurva*, польск. *kurwa*) этимологи связывают с *кур* 'петух': «первонач. **kury* (род. п. **kurъve*) так относится к кур «петух», как **svekry* – к **svekryъ* (см. *свёкр, свекровь*). Первонач. «курица», позднее «потаскуха»... Ср. знач. франц. *socotte* «курочка» и «проститутка» – от *cog* «петух»...» [Фасмер II: 423–424].

Человека, провоцирующего других на конфликт, в Южском районе называют словом общего рода *забия́ка* ‘тот, кто затевает ссоры, драки, задира’ [МАС I: 494], ср.: *Она та ещё забияка, только кичится да задирает* (Южский р-н).

В Шуйском районе отмечена лексема *ото́рва* ‘сорванец, забияка’, ср.: *И он уж тут как тут! Прямо оторва!* (Шуйский р-н), широко распространенная в указанном значении, а также в значении ‘озорник, шалун, баловник’ на территории Курской, Калужской, Московской областей, ср.: *Ну уж и оторва, ему всё нипочём.* Курск. [СРНГ 24: 261].

В качестве наименования задиристого человека, забияки в ивановских говорах употребляются слова *вздо́рник*, ср.: *Лёша то у вас какой! Весь подъезд на уши поднял. Вздорник похуже некоторых* (Юрьевецкий р-н), и *шпана́*, ср.: *Ну что ты, петушишься зря? Ах ты, шпана, право* (Шуйский р-н), известное общенародному языку в значении ‘хулиган, жулик, беспризорник’ с пометой *груб. прост.* [МАС IV: 727]. В словаре В. И. Даля существительное *шпана* приведено в значении ‘так в Сибири называют бродяг, а также проходящих по дороге’ [Даль IV: 735].

В анализируемых говорах (на территории Тейковского, Лухского, Южского, Шуйского, Юрьевецкого районов) известно слово *глуми́ться* в двух значениях: ‘развлекаться, играть, озорно себя вести’ и ‘смеяться над кем-либо’, ср.: *Деду своему говорю: «Хватит смеяться», – а он глумится с детьми* (Южский р-н); *Что ты, бесстыдник, глумишься над ней, не уж то не видишь, больная она* (Юрьевецкий р-н). В словаре В.И. Даля слово *глумиться* подается в значении ‘насмехаться, тешиться, забавляться: дурить, дурачить кого-либо, подшучивать’ [Даль I: 456], ср. также *глумь* ‘шутка, смех, насмешка, потеха, забава, пересмешка’ [Даль I: 456]. Данная лексема известна и в вологодских говорах, где по суеверным представлениям употребляется в значении ‘шалить, баловать, пугать кого-либо (о нечистой силе)’, ср.: *В этом лесу, говорят, леший часто глумится: иногда так скрадет дорогу, что*

крестьянки по целым суткам не могут выйти на свой путь к дому. Волог. [СРНГ 6: 210].

В Лухском районе отмечен диалектный глагол *голове'ситься* в значении 'озорничать / шалить'; в русских народных говорах широко распространены дериваты *голове'сить*, *голове'сничать* Даль [СРНГ 6: 304], *галаве'сить* Волог. [СРНГ 6: 103], *галаве'сничать* Яросл. [СРНГ 6: 104] с общей семантикой 'бездельничать, болтаться без дела'. В ярославских говорах слова *галавесить*, *галавесничать* бытуют и в других значениях: *галавесить* 'смеяться, насмехаться над кем-, чем-либо' Яросл. [СРНГ 6: 103], *галавесничать* 'шалить' Яросл. [СРНГ 6: 104], ср.: *Экий галавеса! Всё бы галавесничал, нет, чтобы делом заняться.* Яросл. [СРНГ 6: 103].

Для обозначения действия, противоречащего общепринятым нормам поведения, в речи жителей Юрьевецкого района отмечено употребление лексемы *дури'ть*, ср.: *Ну ладно, ладно ребята, перестаньте дури'ть* (Юрьевецкий р-н). По данным СРНГ, глагол *дури'ть* известен в значении 'делать что-либо запрещенное, ненужное и т.п.', ср.: *Не дури – не трогай.* Ряз.; *Не дури собаку: окусит.* Яросл. [СРНГ 8: 266].

Неодобрение действий, названных данными словами, выражают наименования *кочевря'житься* 'упрямиться, ломаться' с пометой *прост.* [МАС II: 117] и *курале'сить* 'возиться, шалить' Пск., Твер. [СРНГ 16: 110], 'дури'ть, строить шалости, проказить' [Даль II: 289], не зафиксированное в словарях литературного языка, ср.: *Маленькие ведь, давай только куралесить. Вечно куралесят, кочевряжатся* (Фурмановский р-н). Наряду со значением 'озорничать / шалить' полисемант *кочевряжиться* совмещает в структуре своего лексического значения семы 'медленно, неохотно делать что-либо', ср.: *Сколь ни кочевряжится, а всё ж изладит.* Курган., и 'издеваться над кем-либо' Новг. [СРНГ 15: 124], в то время как семантика глагола *куралесить* в иркутских, курских, пензенских, саратовских говорах выражает крайнюю степень озорства 'непристойно вести себя, ругаться,

безобразничать', ср.: *Ему нельзя выпить: он уж пойдет куралесить*. Казан. [СРНГ 16: 110].

Отрицательной семантикой в говорах Ивановской области обладают лексемы *па'костить* и *па'костничать* 'проказничать, баловаться, шалить'. Оба глагола встречаются в словаре В. И. Даля в значении 'делать, творить пакости, назло и вред кому-либо; делать мерзости не в пользу себе, а из одного злорадства', ср.: *Гад в саду пакостит, карбыш, крот, мышь* [Даль III: 10]. Глагол *пакостити* 'причинять вред, зло; доставлять неприятности, досаждать; наносить обиду' засвидетельствован в памятниках письменности XVII века [СлРЯ XI–XVII вв. 14: 128]. Вероятно, отрицательная семантика вышеупомянутых лексем восходит к значению славянского слова **kastь*: русск. диал. *касть*, представленному в говорах в разных значениях 'потрава хлебная, шалость, пакость' Пск., Твер., 'крыса или мышь' Твер., 'дрянь, гадость' Ряз., 'сор, мусор' Арх., 'о вредных животных и насекомых' Твер., Яросл., Пск., Ленингр., Ряз., Новг., 'порча, вред, убыток' Твер. [ЭССЯ 9: 157]. С точки зрения этимологов, возможно, **kastь* является древним производным с продлением корневого гласного *o* → *ō* (а) от **kostь*, ср. другое суффиксальное производное от **kostь* – **koščinь* с той же семантической эволюцией 'костный' → 'бранный, нечистый' (ср. семантика нечистоты, скверны в вышеприведенных примерах).

Беззаботного, легкомысленного, непостоянного человека в говорах Ивановской области характеризуют как общенародные: *беззабо'тный* 'не проявляющий заботы о своих делах; беспечный' [МАС I: 72], *легкомы'сленный* 'поступающий, действующий без достаточного размышления, несерьезный' [МАС II: 170], *пусто'й* 'несерьезный, духовно ограниченный (о человеке)' [МАС III: 561], ср.: *И что за люди, беззаботные каки-то! Они думают, баушки-то да матеря вечно проживут* (Шуйский р-н); *Легкомысленная она какая-то у них выросла: всё одни гулянки на уме* (Родниковский р-н), так и диалектные слова: *заполо'шный, располо'шный, хаба'йка* (6 наименований).

Для однокоренных синонимов *заполо'шный* и *располо'шный*, различающихся префиксами, характерен общий семантический компонент 'легкомысленный, непостоянный, несерьезный, ветреный', ср.: *Какой же всё-таки Семён заполошный, представь только, опять всю зарплату прогулял и жить не на что* (Юрьевецкий р-н); *Мы все располошные маленькие* (Фурмановский р-н). В указанном значении лексема *заполошный* также известна сибирским, томским говорам; в значениях 'взбалмошный, сумасбродный', 'склонный к ссорам, вздорный', 'суетливый, беспокойный; вносящий переполох' – сибирским, тюменским, свердловским говорам [СРНГ 10: 340]. По своему происхождению рассматриваемые лексеммы могут быть связаны с глаголом *поло'шить* 'тревожить, мутить, смущать, беспокоить, волновать, пугать, подымать и возбуждать, нарушать покой' [Даль III: 339] и существительными: укр. *поло'х* «страх», *по'лох* «ужас», блр. *по'лох* «испуг», русск.-цслав. *плахъ* «страх» [Фасмер III: 317].

В Шуйском районе в качестве оценочного зафиксировано слово *хаба'йка* 'легкомысленная женщина', ср.: *Эта день целый хохочет, как хабайка* (Шуйский р-н), являющееся фонетическим вариантом лексеммы *хаба'лка*, обозначающей в ивановских и ярославских говорах наглую, бесстыдную женщину, ср.: *Я ещё таких хабалок не привидывал* [ЯОС 10: 29].

Полярный блок лексем, характеризующих заботливого, чуткого человека, проявляющего внимание к потребностям, нуждам окружающих его людей, в ивановских говорах представлен прилагательными *внима'тельный*, *доброде'тельный*, *жа'лостливый*, *забо'тливый*, *забо'тный*, *хлопотли'вый* и глаголами *горба'титься*, *жале'ть*, *забо'титься*, *обвола'кивать*, *оберега'ть*, *пе'чься*, *пекчи'сь*, *попека'ть*, *упека'ть* (15 лексических единиц).

Высокой оценки диалектоносителей заслуживает заботливый человек, названный словом *доброде'тельный* 'обладающий добродетелями, полный добродетели, высоконравственный' [МАС I: 409], ср.: *Добродетельный он человек* (Родниковский р-н), мотивированным абстрактным существительным *доброде'тель* 'положительное нравственное качество человека // высокая

нравственность, моральная чистота' [МАС I: 409]. В пермских говорах прилагательное *добродетельный* бытует в значении 'добрый', ср.: *Добродетельный, видно, хозяин, хорошо нас накормил.* Перм. [СРНГ 8: 77].

Проявление заботы о ком-либо сопряжено с определенными хлопотами, беспокойством. Так, наряду с ивановскими, в ярославских говорах представлена лексема *забо'тный*, мотивированная существительным *забо'та* 'внимание к потребностям, нуждам кого-либо, попечение о ком-либо' [МАС I: 495], ср.: *Тут я болела, а Танин муж таким заботным был, все лекарства приносил* (Тейковский р-н); *Она заботная очень* [ЯОС 4: 55]. Кроме того, в Южском районе зафиксировано прилагательное *хлопотли'вый* 'склонный к хлопотам, погруженный в хлопоты // выражающий хлопотливость, беспокойный, суетливый' [МАС IV: 605], мотивированное существительным *хло'поты* 'дела, занятия, связанные с заботами, беспокойством' [МАС IV: 606], ср.: *О таких говорят заботливая, хлопотливая. Да мы старые все такие* (Южский р-н).

Значение глагола *горба'титься* 'заботиться о ком-либо', ср.: *Ну я всегда за внучатами смотрю, хоть и взрослые уже. Так и говорили – печётся, заботится, горбатится, оберегает* (Южский р-н), может быть соотнесено с другим значением этого слова в барнаульских, тульских говорах – 'много, тяжело работать', ср.: *Буду я на их горбатиться!* [СРНГ 7: 21].

В ивановских говорах имеется ряд однокоренных синонимов *пекчи'сь*, *попека'ть*, *упека'ть* 'заботиться о ком-либо', связанных с глаголом *пе'чься* 'заботиться, радеть; принимая к сердцу, делать, что можешь, на пользу кого- или чего-либо; хлопотать, усердствовать' [Даль III: 139], ср.: *Да, тяжело Вере-то, сама ещё ребёнок, а уж о своём пекчись надобно* (Юрьевецкий р-н); *Она хорошо его опекает. Он, считай, на всём готовом живёт; Она двоих из детдома опекала, да обратно сдала их. Сначала одну, а потом другую* (Шуйский р-н). Лексема *пекчи'сь* 'заботиться о ком-, чем-либо' зафиксирована и в забайкальских говорах, ср.: *Пекчись я о нём стал, как он сиротой оказался.* Забайкал. [СРНГ 25: 321].

Лексема *обвола'кивать* в значении 'заботиться о ком-либо', ср.: *Вот внуков обволакиваю, так пуще детей* (Фурмановский р-н), отмечена только в исследуемых говорах; в архангельских говорах бытуют родственные наименования *обвола'киваться* 'одеваться', ср.: *В шёлк только в воскресенье обволакивались*. Арх.; *обволокну'ть, обоволо'чь* 'одеть (в какую-либо одежду)', ср.: *В сарафан-то голубой уж обволокли меня*. Арх.; 'надеть какую-либо одежду', ср.: *Лидкину кофту жёлту обволокла, да баско нарядна была*. Арх. [СРНГ 22: 10].

Диалектный полисемант *жалеть* совмещает в структуре своего лексического значения семы 'любить' Тамб., Курск., Орл., Тул., Ряз., Калуж., Смол., Пск., Твер., Петерб., Новг., Арх., Сев.-Двин., Волог., Яросл., Нижегород., Костром., Самар., Саратов., Вят., Перм., ср.: *Жалела я его (ребёнка), а он пожил три недели, и моего нету*. Тул.; 'ласкать, обнимать' Твер., Тул., Арх., Ряз., Курск., Дон., Урал., ср.: *Как ты жалеешь маму? – говорят ребёнку, и он сейчас же крепко-накрепко обнимает свою мать*. Твер.; 'проявлять заботу, бережно относиться к кому-либо' Калуж., Яросл., Новг., Твер., Арх., Ряз., ср.: *Смотри-ка, стал как муж её жалеть: ничего не даёт делать*. Ряз. [СРНГ 9: 63]; *Мать была добрая, жалела нас* (Тейковский р-н). Во всех этих значениях, как видим, проявляется положительная оценка, отражающая одобрение говорящим действий, переданных словом *жалеть*.

Ивановским говорам свойственны следующие наименования, называющие бесстыдного человека: *аййя'йка, бессты'дник, бессты'дница, бессты'жий, влячо'нка, наха'лка, оха'льник, позо'рник, позо'рница, срамни'к, срамни'ца, яма'нка* (12 лексических единиц). Большинство из приведенного списка слов имеют широкое употребление как в говорах, так и в просторечии.

Так, в говорах Ивановской области имеются однокоренные лексические единицы, зафиксированные в литературном языке, – *бессты'дник* (форма женского рода – *бессты'дница*) 'бесстыдный человек, тот, кто нарушает правила пристойности' с пометой *разг.* и *бессты'жий* 'непристойный' с пометой *прост.* [МАС I: 86], ср.: *Вот бесстыдник! Все котлеты сожрал! А как же семья?*

(Юрьевецкий р-н); *И не стыдно вам, пра, бесстыдники? Постыдились бы так вести себя... Люди спят уже, а вы галашитесь тут, орёте* (Шуйский р-н); общенародное слово *наха'лка*, являющееся производным от *наха'л* 'беззастенчивый, бесцеремонный человек, наглец' [МАС II: 410], служащее наименованием женщины недостойного поведения, ср.: *Нахалка, говорю, ни стыда ни совести* (Родниковский р-н), и существительное *оха'льник* 'озорник, нахал, бесстыдник' [МАС II: 727], ср.: *А ему, видать, хоть бы что, охальнику* (Шуйский р-н).

В Юрьевецком и Шуйском районах в значении 'бесстыдник, срамник' употребляется слово *позо'рник* (форма женского рода – *позо'рница*), бытующее в рязанских, смоленских, нижегородских, ярославских говорах в значении 'тот, кто сделал что-либо постыдное, покрыл себя позором' [ЯОС 8: 44], ср.: *Не видели бы этого позорника мои глаза. Совсем распустился, негодяй!* (Юрьевецкий р-н); *Позорники вы позорники, как вам не стыдно.* Ряз., Смол., Горьк. [СРНГ 28: 337].

В значении 'бесстыдник / бесстыдница' в говорах Лухского и Тейковского районов известны существительные *срамни'к* (форма женского рода – *срамни'ца*), ср.: *У нас много сейчас таких срамников; Срамница, если бесстыжая-то* (Тейковский р-н). Лексема *сра'мница* встречается в свердловских говорах в значении 'неряха, нечистоплотная хозяйка', ср.: *Срамница, необходница, грязнуля она.* Свердл. [СРНГ 40: 304]. Указанные однокоренные лексеммы восходят к общенародному слову *срам* 'стыд, позор' с пометой *разг.* [МАС IV: 237], 'мусор, сор', ср.: *Посмотри, сколько сраму в избе.* Иван. [СРНГ 40: 304]. Для русской ментальности характерно единство этического и эстетического, именно поэтому, на наш взгляд, оба значения связаны друг с другом общей семой 'нечистоплотность', которая может выражаться как во внешнем облике человека (неряшливый вид), так и характеризовать человека по внутренним качествам, указывая на несоответствие этическим нормам (позорное, недостойное поведение) [Шулякина 2012а: 113].

Человека бесстыдного, нарушающего правила пристойности в говорах Фурмановского района могут назвать *айяйя'йка*, ср.: *Маша, айяйя'йка, оно короткое* (Фурмановский р-н). Данная лексема мотивирована междометием *ай*, которое часто произносится с повторением: *ай-ай* или *ай-ай-ай*, и выражает неудовольствие, упрек, порицание, сожаление [МАС I: 27]. Из приведенного контекста можно предположить, что речь идет о длине платья, недопустимо коротком, по мнению информанта, что не соответствует народным представлениям о благопристойности.

В значении 'женщина, дурно себя ведущая' встречаются диалектные субстантивы *влячо'нка*, ср.: *Раньше женщины не курили, а кто курит – обругают, назовут влячкой* (Лежневский р-н), и *яма'нка*, мотивированное диалектным глаголом *яма'нить* 'дурно себя вести', ср.: *Та ещё яманка, матом ругается. Шуйск., Юж., Лежн., Г.-Посад., В.-Ланд., Пуч.; Сидит, сидит и бросится куда-то или кричать, яманить начнёт. Шуйск.* [Батырева 2009: 139]. Вероятно, отрицательная семантика вышеупомянутых лексем восходит к значению наречия *яма'н* «'плохо': *ни яман, ни якиш, а середня рука*, вост.-русск. (Даль). Заимств. из тат., крым.-тат., тур., чагат., уйг. *jaman* 'плохо, плохой'» [Фасмер IV: 556].

С точки зрения диалектоносителей достоин порицания человек, ведущий праздную и разгульную жизнь, так как это не соответствует ориентации русской лингвокультурной общности на труд, как неотъемлемую составляющую жизни человека, средство духовного совершенствования: «Только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья» (М. Горький).

Лексико-семантическая группа слов, характеризующих гуляку, человека, ведущего праздную и разгульную жизнь, в говорах Ивановской области состоит из 6 лексем: *вислю'га, гулё'на, гуля'ка, моту'н, шату'н, шлё'нда*.

Как наименование праздного человека, повесы в Приволжском районе встречается слово общего рода *вислю'га*, отмеченное в курских, орловских говорах в значении 'повеса, нерасторопный человек', ср.: *Она такая вислюга. Курск., Орл.*

[СРНГ 4: 297]. Негативная оценка присутствует и в семантике словообразовательных синонимов: *вислѣ'на*, *вислу'ха*, *вислу'шка*, *висля'га*, *висля'й*, *висля'йка*, обозначающих или женщину дурного поведения, или бездельника, повесу [СРНГ 4: 297; ЯОС 3: 21].

От просторечных глаголов образован ряд лексем, известных как ивановским, так и большинству народных говоров: существительные общего рода *гулѣ'на* (в том числе ярославские, рязанские, вологодские, орловские, воронежские, пермские, тульские, курские, волгоградские говоры), *гуля'ка* (в том числе ярославские, костромские, московские, вологодские, тверские, нижегородские, воронежские, тульские, пензенские, самарские, орловские, курские, ростовские, волгоградские говоры), *шлѣ'нда* мотивированы глаголами *гуля'ть* 'веселиться, развлекаться; кутить' с пометой *прост.* [МАС I: 357] и *шлѣ'ндать* 'ходить без дела, слоняться, шататься' с пометой *груб. прост.* [МАС IV: 722]; существительные мужского рода *моту'н* и *шату'н* (в том числе костромские, нижегородские, волгоградские говоры) – глаголами *мота'ться* 'скитаться, бродить, слоняться' [МАС II: 303], *шата'ться* 'бродить без дела, болтаться, слоняться' [МАС IV: 704], ср.: *Ему-то шлѣнде по жизни и не повезло, женился на гулѣне, да так и разбежались* (Фурмановский р-н); *Гулѣна он, нигде не работает, только с друзьями шастает* (Орловская обл., Шаблыкинский р-н); *И праздник, и не праздник, а гуляка шастается* (Костромская обл., Мантуровский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. В ярославских, тверских, владимирских, саратовских, свердловских говорах слово *гулѣ'на* имеет значение 'распутница', в орловских говорах – 'женщина, родившая вне брака', ср.: *Беда как да эдакая кому попадѣт гулѣна! – намается.* Яросл. [СРНГ 7: 214]. В костромских говорах лексема *гулѣ'на* зафиксирована в значении 'женщина дурного поведения', ср.: *Эта девка – гулѣна, всё к мужикам бегаёт* (Костромская обл., Островский р-н); в московских лексема *гуля'ка* – 'человек, который живет весело, вино пьёт', ср.: *Снова наш гуляка возвратился грязный весь* (Московская обл., Ступинский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. В народных говорах известно существительное *моту'н* в различных значениях –

‘мот, расточитель’ Киргиз., ‘бесчестный человек’ Свердлов., ‘непостоянный, безалаберный человек’ Тюмен. [СРНГ 18: 305].

В говорах Ивановской области представлена группа лексем, называющих разгульного, развратного, ведущего крайне беспорядочную жизнь человека: *беспу'тник, беспу'тница, блудни'ца, блу'дня, гуля'щая, лиходе'йка, потаску'н, потаску'ха, потаску'шка, распана'й, шату'н, шату'шка, илю'ха* (13 наименований).

В говорах Лухского, Юрьевецкого районов для наименования человека, поведение которого является непристойным, употребляется существительное *беспу'тник* (форма женского рода – *беспу'тница*) ‘распутный, развратный человек’, зафиксировано в смоленских, воронежских, ярославских, костромских, московских, нижегородских, рязанских, вологодских, волгоградских, курских, пермских, тульских, самарских говорах, ср.: *Всю жизнь беспутником был, им и остался* (Ярославская обл., Ростовский р-н); *Молодая у него беспутница, так привёл в дом* (Воронежская обл., Верхнехавский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Указанные лексемы мотивированы общеупотребительным прилагательным *беспу'тный* ‘лишенный разумной цели, разумного основания, безрассудный, бестолковый // легкомысленный, разгульный, развратный’ [МАС I: 84]. Интересно отметить, что слово *беспутник* в архангельских говорах имеет значение ‘человек, у которого хозяйство находится в запущенном состоянии’ [СРНГ 2: 276]. Соединение в одной лексеме нескольких семантических компонентов вскрывает причинные отношения между характеристиками человека, выявляет зависимость одного признака от другого: легкомысленное, безрассудное поведение может привести к отсутствию порядка в делах, бесхозяйственности [Шулякина 2012б: 315].

Общенародному языку известны однокоренные существительные *блудни'ца* ‘распутница, развратница’ с пометой *устар.* и *блу'дня* ‘тот, кто блудит’ с пометой *прост.* [МАС I: 99], бытующие наряду с ивановскими в костромских, ярославских, ростовских, рязанских, волгоградских, пензенских и других говорах, ср.: *Ах ты, блудница, как же тебе не стыдно перед людьми-то. Коли самой не совестно, мать хоть бы пожалела, она всю жизнь честной была* (Юрьевецкий р-н);

Забудыгами становятся и блуднями (Тейковский р-н); *Блудня девка, с женатым мужиком шляется* (Костромская обл., Антропоский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. По данным диалектных словарей (СРНГ и ЯОС), указанные наименования встречаются в говорах с различной семантикой, так *блудница* – ‘о вороватой кошке’, ср.: *У нас кошка такая блудница, ничего нельзя оставить* [ЯОС 1: 64], ‘проказница, пакостница’, ср.: *А вы красны девицы, молоды-молодицы, дочери отецки, жены молодецки, криноцни блудницы, сметаны лакомницы, горшешни пагубницы* (из присказок-прибауток дружки на свадьбе). Перм. [СРНГ 3: 30]; *блудня* – ‘распутный человек’, ср.: *Нашла она какого-то блудню, ‘вор’, ср.: У нас сосед страшный блудня: лазит по чужим огородам* [ЯОС 1: 64], ‘тот, кто мало бывает дома, любит уходить из дома’ Свердлов., ‘шалун, проказник; шалунья, проказница’ Ср. Урал., Нижегород., Тамб., Влад., Новг., Перм. [СРНГ 3: 30]. По своему происхождению рассматриваемые лексемы связаны с древнерусским полисемантным глаголом *блуди’ти* ‘заблуждаться, ошибаться, уклоняться от истины’, ‘прелюбодействовать, распутничать’, ‘пакостить, причинять ущерб (о животном)’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 244–245], в значениях которого актуализируется общая сема ‘уклонение от прямого пути’. Таким образом, диалектоносителями признается ошибочным, несоответствующим нормам нравственности поведение распутного, развратного человека.

Женщину, ведущую распутный образ жизни называют *гуля’щая*, ср.: *Гулящая она баба, стыда совсем нет* (Родниковский р-н). Это слово мотивировано глаголом *гуля’ть* в значении ‘находиться в близких, любовных отношениях // вести распутный образ жизни’ с пометой *прост.* [МАС I: 357], присутствует в ярославских, костромских, нижегородских, тульских, орловских, волгоградских говорах как в форме женского, так и мужского рода – *гуля’щий*, ср.: *Верка хоть баба и гулящая, а за мужем и детьми ухаживает от и до; Муж у ней первый был гулящий, за каждой бабой бегал* (Орловская обл., Глазуновский р-н) [Картотека ЛАРНГ].

Ярко выраженную отрицательно-оценочную коннотацию имеет ряд однокоренных дериватов с различным суффиксальным оформлением – *потаску’н* ‘тот, кто ведет себя развратно, беспутно’, *потаску’ха*, *потаску’шка* ‘женщина,

ведущая себя развратно, беспутно’, ср.: *Что ты себя как потаскушка какая ведёшь? Нехорошо; Оделась, как потаскушка, и думает сильно хорошо. Гляди-ко, мода какая...* (Шуйский р-н), представленных в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой с пометой *прост. презр.* [МАС III: 329]. Данные лексемы широко известны в костромских, ярославских, вологодских, пермских, волгоградских и других народных говорах, ср: *Муж-то у ней непутный, потаскун страшный, всё по юбкам шляется* (Нижегородская обл., Лукояновский р-н); *Эту потаскуху гнать в три шеи, чтобы мужиков не сбивала* (Костромская обл., Костромской р-н); *Не сложилась жизнь, жена потаскушкой оказалась* (Костромская обл., Нерехтский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Указанные субстантивы связаны с глаголом *потаскушничать* ‘развратничать и праздно шататься’ [Даль III: 463]. В значении ‘человек, слоняющийся без дела’ наименования встречаются в костромских, калужских, курских говорах [СРНГ 30: 268].

О человеке, ведущем распутный образ жизни, в Южском районе, например, говорят *шату’н*, в ярославских говорах этим словом называют лешего [ЯОС 10: 71], мифологическое существо, преимущественно враждебное человеку, согласно народным поверьям, имеющее антропоморфный облик. В данном случае наименование может оцениваться как бранное, поскольку целью такого словоупотребления является попытка оскорбить человека.

К разряду стилистически сниженных, отрицательно-оценочных слов также относится существительное общего рода *шату’шка*, зафиксированное в говорах Лухского, Юрьевецкого районов в значении ‘распутник, распутница’, ср.: *Не знаешь ты будто, какая эта Светка шатушка, с ней уж половина наших мужиков перебыла* (Юрьевецкий р-н). Наряду с ивановскими, костромскими, рязанскими говорами, в которых слово *шатушка* номинирует распутную, развратную женщину, в ярославских оно актуализирует дополнительную сему ‘тот, кто любит гулять; гуляка’ [ЯОС 10: 71]. Обращает на себя внимание тот факт, что однокоренные лексические единицы *шату’н*, *шатушка* мотивированы просторечным глаголом *шата’ться* ‘бродить без дела, болтаться, слоняться’ [МАС IV: 704].

Вероятно, от просторечного глагола *шля́ться* ‘ходить, бродить, переходить с места на место без особого занятия, дела, слоняться’ [МАС IV: 724] образовано общенародное слово *шлю́ха* ‘женщина легкого поведения, развратница’ с пометой *груб. прост.* [МАС IV: 704], зафиксированное в ивановских говорах, ср.: *Распутных обсуждали, ругали и звали по-злomu – шлюхи* (Шуйский р-н). Необходимо сказать еще об одном значении данной лексической единицы, которое приводит В. И. Даль, – ‘женщина неряха, одетая кой-как, небрежно, грязно; шлѣнда с грязным подолом’ [Даль IV: 729]. Разные значения этой лексемы включают общую сему ‘нечистота’, с одной стороны, проявляющейся во внешнем облике человека, с другой, – в безнравственном поведении.

Внешняя распущенность (в одежде) граничит с распущенностью нравственной, что обнаруживается в определенной семантической связи разных значений слова *распана́й*, – ‘мужчина, распущенный по поведению’, ср.: *Я свово-то распаная Через три поля узнаю, Ноги длинные, нос большой, Сопли тянутся вожжой* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), и ‘неподпоясанный’, по-видимому, мотивировано диалектным глаголом *распана́хаться* ‘распахнуться (о полах одежды)’, известным в курских говорах, ср.: *Что ты распанахался, заверни полы-то!* Курск. [СРНГ 34: 154].

Одним из человеческих пороков является пьянство. Презрительное отношение к людям, у которых наблюдаются зависимость и неодолимая тяга к употреблению спиртных напитков, вызвало широкое распространение в ивановских говорах лексических единиц, выражающих значение ‘тот, кто много пьет, пьянствует’.

В литературном языке ряд синонимов с указанным значением включает следующие слова общего рода: *пья́ница* ‘тот, кто постоянно и много пьет спиртного; алкоголик’; *пьянчу́га* и *пьянчу́жка* ‘пьяница’ с пометой *прост.* [МАС III: 571]; *пропо́йца* ‘спившийся человек; пьяница’ с пометой *прост.* [МАС III: 512]; *вытиво́ха* ‘любитель выпить, пьяница’ с пометой *груб., прост., презр.* [МАС I: 270]; *зативо́ха* ‘любитель выпить, пьяница’ с пометой *груб., прост.* [МАС I: 556]. Как видим, данные существительные являются стилистически

маркированными, что расценивается как «понижение на аксиологической шкале» [Скляревская 1974].

Семантической доминантой приведенной синонимической парадигмы является общенародное слово *пьяница*, лексическое значение которого, согласно данным толковых словарей, объединяет семы 'лицо', 'мужского или женского пола', 'пьющее спиртное (хмельное, вино, водку)', 'в большом количестве', 'постоянно'. При употреблении данного слова актуализируются две последние семы, что ведет к выражению следующей культурной установки: недостойно человека употреблять спиртные напитки, как в неограниченном количестве, так и очень часто, беспрестанно; это может привести к социальной и интеллектуальной деградации личности, потере способности к труду, ср.: *Пьяный, что малый: что на уме, то и на языке* [Даль 1879, II: 379]; *Напившись, мужик и за реку (за репу) дерётся; Хорошо (было) ремесло, да хмелем заросло (поросло)* [Даль 1879, II: 388].

В ивановских говорах лексико-семантическую группу со значением 'пьяница' составляют 20 имен существительных: *алка'ш(ка), бра'жник, булды'га, выпиво'ха, глехту'н, глехту'ш, гуля'ка, забулды'га (забалды'га), загу'ла, запо'йщик, пито'к, пропо'ец, пропо'йца, пропо'йщица, пья'ница, пьянчу'га, пьянчу'жка, пьянь*. Исследуемым говорам также известны устойчивые выражения *отхо'ды челове'ческие* и *пьянь подзабо'рная (подколо'дная)*, номинирующие алкоголика.

Наиболее близкими слову *пья'ница* в ивановских говорах являются однокоренные существительные общего рода *пьянчу'га, пьянчу'жка, пьянь* и устойчивое выражение *пьянь подзабо'рная (подколо'дная)*, зафиксированные также в костромских, ярославских, курских, орловских, пензенских, пермских, волгоградских говорах, ср.: *Да пьянчуга она, а никакая не больная. Работать-то лень, лучше вино лопать, видать; Да нашла какого-то пьянчужку, видать, алкаголика какого-то, не знаю, да и живёт с ним* (Шуйский р-н); *Сейчас таких много, пьют и пьют. Как пьянь подзаборная* (Южский р-н); *С такой-то жизни пьяни развелось, что ни дом, то пьянчужка* (Костромская обл., Сусанинский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Данные слова имеют ярко выраженный коннотативный компонент лексического

значения: три первых характеризуются презрительной «эмоциональной тональностью» [Солодуб 2002], последнее, сочетаясь с прилагательным *подзаборный* или *подколодный*, называет опустившегося человека, пьяницу, который в силу чрезмерно выпитого нередко оказывается лежащим под забором (колодой 'короткое толстое лежачее бревно' [МАС II: 74]).

В говорах Юрьеvecкого района наименованием любителя выпить, пьяницы являются отглагольные существительные *выпиво'ха* (*выпива'ть* 'иметь склонность к спиртным напиткам, часто употреблять их' с пометой *разг.* [МАС I: 270]) и *пито'к* (*пить* 'употреблять спиртные напитки; пьянствовать' [МАС III: 128]), бытующее также в калужских, псковских, тверских, курских, костромских, нижегородских говорах в значении 'тот, кто может пить много спиртного, не пьянея' [СРНГ 27: 54]; в ярославских, московских, курских говорах – 'любитель выпить, пьяница', ср.: *А вот и явился наш питок, через порог переступить не может* [ЯОС 8: 5]; *Такой питок – гуляка несусветный Моск.* [СРНГ 27: 54]. В данном районе зафиксировано и слово *гуля'ка* в значении 'пьяница', ср.: *Наш дядя – большой гуляка, не просыхает уже второй месяц* (Юрьеvecкий р-н).

Наряду с вятскими, орловскими, тверскими, курскими говорами [СРНГ 10: 337] в ивановских говорах отмечено употребление лексемы *запо'йщик* 'пьяница', ср.: *Ты чего, Людмила, невесёлая какая? – Да ну, Игорь мой связался вон с запойщиками Соболевскими, так прямо беда, каждый день пьяный* (Юрьеvecкий р-н). Данная лексема связана с глаголом *запи'ть* (*запива'ть*), который В. И. Даль толкует так: «Начать пить, особенно о запойном пьянстве // пить продолжительно, не давая себе опомниться» [Даль I: 783]. Таким образом, в наименовании *запойщик* проявляется дополнительная сема 'пьющий запоем', ср. у В. И. Даля: «*запо'йщик* запойный пьяница, пьющий запоем» [Даль I: 783]. При этом *запо'й* – «временное болезненное пьянство» [Даль I: 784].

Ивановским говорам известны слова *пропо'еи*, *пропо'йца*, *пропо'йщица* 'пьяница', ср.: *Раньше на него любо-дорого глядеть было, а теперь пропойца пропойцей. Всё, считай, пропили, ничего теперь не надо стало, лишь бы напиться*

где (Шуйский р-н). Указанные лексические единицы мотивированы глаголом *пропи́ть* (*пропи́ва́ть*) – ‘тратить на пьянство, терять деньги или вещи на вино // пропить все свое, что есть’, ср.: *Шапку за пазухой ношу: уж такая натура, что с головы пропью!* [Даль III: 659]. По данным словарной картотеки ЛАРНГ, существительное мужского рода *пропо́ец* отмечено также в ярославских, костромских, пензенских, курских, самарских, саратовских, карельских, удмуртских говорах, ср.: *Все нервы пропоец измотал* (Костромская обл., Красносельский р-н); *У кумы муж пропоец был* (Республика Удмуртия, Ярский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Практически повсеместно в народных говорах (ярославских, рязанских, костромских, нижегородских, московских, курских, тульских, тверских, пензенских, самарских, пермских, вологодских, волгоградских) употребляется существительное общего рода *пропо́йца*, ср.: *А что жена бастанит, оттого, что сам грешу, пропойца* (Ярославская обл., Ростовский р-н); *Ну, он пропойца беспробудный* (Костромская обл., Галичский р-н); *Что ни мужик русский, то пропойца, мать родную пропьёт* (Пензенская обл., Тамалинский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Как наименование женщины, неумеренно употребляющей алкоголь, в говорах Лухского района встречается слово *пропо́йщица*, мотивированное однокоренным существительным *пропо́йщик* ‘пьяница, пропойца’, известным в курских, орловских, московских говорах, ср.: *Ступай пьяница домой. Ты пропойщик молодой* (песня). Даль [СРНГ 32: 210], а также в ярославских, тульских, пензенских, самарских, волгоградских, ср.: *А на деревне почти все мужики пропойщики* (Орловская обл., Глазуновский р-н); *Сосед у меня – пропойщик: день и ночь пьёт, никак не успокоится* (Тульская обл., Киреевский р-н) [Картотека ЛАРНГ].

В Шуйском районе в значении ‘пьяница’ встречается слово общего рода *булды́га*, употребляющееся и в вологодских, смоленских говорах, ср.: *Ты сам уж, гляжу, как те булдыги, клюкнуть рюмашку не прочь стал* (Шуйский р-н); *От этого булдыги не отвяжешься* (Вологодская обл., Верховажский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Во владимирских, московских, нижегородских говорах слово *булды́га*

представлено в значении ‘гуляка’; в симбирских – ‘сварливый, скандальный человек’; в калужских – ‘грубиян, невежа’ [СРНГ 3: 269]. Разные значения рассматриваемой лексемы, на наш взгляд, связаны друг с другом, так как включают общую сему ‘несоответствие этическим нормам’.

Широкое распространение как в ивановских, так и в костромских, ярославских, нижегородских, тверских, тульских, пензенских, орловских, псковских, самарских, пермских, курских, волгоградских говорах, получило существительное общего рода *забудды’га* ‘опустившийся человек, горький пьяница’ с пометой *пренебр.* [РСС I], ‘спившийся, беспутный человек’ с пометой *прост.* [Шведова 2011: 240], ср.: *Такие молодые, а забуддыгами становятся* (Тейковский р-н); *Так он и илёндак, забуддыга несчастный, так и помер от вина* (Фурмановский р-н); *Забуддыги они чаще всего лентяи* (Пензенская обл., Мокшанский р-н); *С утра уже глаза залил, забуддыга несчастный!* (Костромская обл., Парфеньевский р-н); *Пропадает мужик, совсем забуддыгой стал* (Ярославская обл., Рыбинский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Данная лексема связана с глаголом *забудды’жить* (*забудды’жничать*) ‘пьянствовать и распутничать’ [Даль I: 709]. Для говоров Савинского района характерно употребление фонетического варианта лексемы *забудды’га* – *забалды’га*.

В ряде районов Ивановской области бытуют словообразовательные синонимы *глохту’н* и *глохту’ш*, мотивированные диалектным глаголом *глохта’ть* ‘напиваться пьяным’ Даль, Симб., Пск., Смол. [СРНГ 6: 204], ср.: *Елена, несчастная, намучилась как она с глохтуном своим, все ведь жилы он из неё вытянул; Такой ли глохтуш стал* (Южский р-н).

Ивановским говорам известна просторечная лексема *алка’ш* (форма женского рода – *алка’шка*) ‘алкоголик, пьяница’ с пометой *прост. неодобр.* [РСС I: 108], ср.: *К ней, дуре, одни алкаши только и ходят... Лопают на её пенсию, а она, дура, и пускает кого не лень; Да так, алкашка одна, молодая бабёнка, ты её не знаешь всё равно* (Шуйский р-н). Данные наименования широко представлены и в других народных говорах, ср.: *Ой, она алкашка-то, пьёт и пьёт!* (Тульская обл., Плавский

р-н); *Пьёт уж очень много, алкаш, в общем; Сосед наш – алкаш, постоянно пьёт* (Тульская обл., Ефремовский р-н); *Алкаш он, пьёт без меры* (Тульская обл., Дубенский р-н) [Картотека ЛАРНГ]. Как показывают приведенные контексты, указанные лексические единицы содержат дополнительные семы 'употреблять спиртные напитки в большом количестве / без меры / постоянно'. По своему происхождению рассматриваемые лексемы связаны с разговорным существительным *алкого'ль* 'водка и вообще спиртные напитки' [МАС I: 32].

Бытующее в Шуйском районе слово общего рода *загу'ла* 'гуляка, пьяница', мотивированное глаголом *загуля'ть* (*загу'ливать*) 'начинать гулять, начать шататься и пьянствовать или предаваться гульбе вовсе; запить запоем' *Он временем загуливает, погуливает, пьянствует понемногу* [Даль I: 729], распространено также в пермских, северо-двинских говорах [СРНГ 10: 35], ср.: *Пьяниц, алкашей загулами зовут* (Шуйский р-н).

За счет метафорического переноса создается экспрессивность наименования пьяницы в говорах Родниковского района – *отходы человеческие*, ср.: *А гуляками кого назвать? Это ведь одни алкаши, просто отходы человеческие* (Родниковский р-н). Как справедливо отмечает Е. В. Колосько, «диалектная лексика, употребляемая в метафорических значениях, характеризующих человека, является частью экспрессивной, эмоционально-оценочной лексики...» [Колосько 2001: 205–206]. Для выражения отрицательной оценки и эмоции неодобрения языковой личностью избирается существительное *отхо'ды* 'остатки какого-либо производства, годные для использования в другом производстве' [МАС II: 720], «ущербность» семантики которого кладется в основу осмысления пьяницы как человека опустившегося, достойного порицания.

Наличие соответствующих диалектных субстантивов свидетельствует о том, что, с точки зрения отраженных в ивановских говорах этических представлений, человек должен избегать употребления спиртных напитков, поскольку «для традиционного русского мировоззрения характерно восприятие пьянства как порока, мешающего выполнению нравственных требований» [Гурская 2010а: 108].

Итак, лексико-тематическая подгруппа, отражающая оценку человека как члена социума (по отношению к нормам нравственности), является самым крупным из рассматриваемых лексических объединений, насчитывая 284 единицы. При этом специальную вербализацию получают, в основном, негативные черты характера и особенности поведения человека, не соответствующие культурно-национальным установкам диалектоносителей, а именно: хитрость, жульничество, лицемерие, упрямство, спесивость, жадность, зависть, злость, трусость, озорство, легкомысленность, беспутство, пьянство. Этим еще раз подтверждается положение, что все позитивное является нормой и чаще всего не получает фиксации в языке. Наоборот, отрицательные черты воспринимаются более остро, и поэтому даже отдельные оттенки в поведении человека получают особые наименования.

Выводы

Наблюдения над лексическим составом говоров Ивановской области позволяют заключить, что тематическая группа «Характер и поведение человека» имеет богатое лексическое наполнение (всего рассмотрено 592 наименования). Значительная часть лексических единиц является общеупотребительными словами, функционирующими в литературном языке – *бестолко'вый, болтли'вый, горде'ц, душе'вный, лука'вица, раду'шный, скря'га, у'мный, хитре'ц* и т.д. (13,8%); разговорными – *балабо'лка, балбе'с, верхогля'д, весельча'к, капризу'ля, ловка'ч, плакси'вый, речи'стый, тугоду'м* и т.п. (18,6%); просторечными – *башкови'тый, выпиво'ха, гулё'на, ду'рень, жадю'га, насты'рный, недотё'на, прощелы'га, хохма'ч* и др. (17,6%), при этом собственно диалектная лексика, т.е. лексика, имеющая ограниченную территорию распространения (только в говорах) и не входящая в словарный состав литературного языка и общерусского просторечия, составляет 50,0% и представлена собственно-лексическими единицами – *ба'харь* 'любитель поговорить', *ветля'ный* 'умный, сообразительный', *влячо'нка, яма'нка* 'женщина, дурно себя ведущая', *глумно'й, гого'на* 'глупый, несообразительный человек', *яга'рма* 'крикун, скандалист'; лексико-

словообразовательными – *горду'н*, *гордя'к* ‘гордый, высокомерный человек’, *грустли'вый* ‘невеселый, грустный’, *доде'льный* ‘умный, сообразительный’, *дра'чник* ‘забияка, задира’, *лука'вистый* ‘хитрый’, *растяпе'й* ‘растяпа’, *ту'пень* ‘глупец’, *у'харень* ‘смелый, бойкий человек’, *упря'мистый* ‘упрямый, несговорчивый’; фонематическими – *ву'мный* ‘умный, сообразительный человек’, *ду'рбень* ‘глупец’ и семантическими диалектизмами – *кила'*, *мокри'ца* ‘плакса’ (ср.: ‘грыжа’ [МАС II: 48]; ‘мелкое ракообразное животное, живущее в сырых местах’ [МАС II: 289]), *чалдо'н* ‘глупый, упрямый человек’ (ср.: ‘коренной житель Сибири’ с пометой *обл.* [МАС IV: 652]), *щелконё'р* ‘хвостун’ (ср.: ‘презрительное название писателя, журналиста’ с пометой *устар.* [МАС IV: 741]) [см.: Мещерский 1972: 263–264]. Таким образом, количественный перевес в сторону диалектной лексики подтверждает особую роль диалектологических исследований, описаний русских народных говоров (в том числе и ивановских) как «второй по значимости (после литературного языка) формы национального языка, которая является средством общения значительной части русского населения страны» [Блинова 1975: 11]. Тем не менее, нельзя не отметить тенденцию к нивелированию диалектной речи под влиянием просторечия и литературного языка, что приводит к постепенной утрате традиционной диалектной лексики. В настоящее время можно говорить о существовании полудиалекта, проявившегося в особенностях лексического состава данной тематической группы.

Семантическое пространство в рамках территориально ограниченной лексики отличается высокой степенью детализации, что отражается в классификации лексических единиц по лексико-тематическим подгруппам, а именно: наименования, характеризующие человека 1) по интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению (308); 2) по отношению к нормам нравственности (284). В каждой из названных ЛТПГ, в свою очередь, были выделены лексико-семантические группы слов. Описаны парадигматические отношения внутри данных семантических объединений, установлены мотивационные связи между членами отдельных групп. Систематизация лексики по ЛТПГ и ЛСГ наглядно демонстрирует,

какими широкими и разнообразными средствами располагают говоры Ивановской области для характеристики лица по его постоянным действиям и качествам, и помогает раскрыть специфику восприятия человека диалектоносителями.

Оценочная ориентация в диалектном сообществе в ДЯКМ несколько иная, чем в литературном языке. Так, замечено, что с оценочной точки зрения подавляющее большинство ЛСГ и лексических единиц, характеризующих человека, дают ему негативную оценку. Значительный перевес в количественном отношении отрицательно-оценочных слов соотносится с представлениями диалектоносителей о норме. В соответствии с ними что-либо плохое, неприемлемое, не отвечающее жизненным устоям, – это явления аномальные, не вписывающиеся в норму и потому получающие языковую маркированность.

Оценочная полярность присуща в ивановских говорах вербальным рядам, выражающим следующие значения: ‘хороший, добрый, отзывчивый человек’ (5 единиц) и ‘плохой, злой, недоброжелательный человек’ (12 единиц); ‘веселый человек, весельчак’ (17 слов) и ‘унылый, хмурый, плаксивый человек’ (32 слова); ‘умный, находчивый, сообразительный человек’ (26 слов) и ‘глупый, бестолковый, недогадливый человек’ (43 слова и 3 устойчивых выражения). Такие оппозиции, как ‘болтливый человек, пустослов’ (34 слова и 1 устойчивое выражение) и ‘молчаливый, замкнутый человек’ (5 слов); ‘хитрый, пронырливый, жуликоватый человек’ (16 слов) и ‘рассеянный, невнимательный человек’ (17 слов) полностью находятся в области пейоративной оценки.

Не имеют оппозиций в системе говоров Ивановской области отрицательно-оценочные блоки лексем со значениями: ‘крикливый человек, скандалист’ (17 слов); ‘непоседа’ (15 слов и 1 устойчивое выражение); ‘хвастливый человек’ (14 слов); ‘распутник’ (13 слов); ‘бесстыдник’ (12 слов); ‘сплетник’ (10 слов и 1 устойчивое выражение); ‘завистливый человек’ (8 слов и 1 устойчивое выражение); ‘ворчун’ (9 слов); ‘вздорный, сварливый человек’ (8 слов); ‘забияка, задира’ (8 слов); ‘льстивый, лицемерный человек’ (7 слов); ‘гуляка, человек, ведущий праздную и разгульную жизнь’ (6 слов). Однако отсутствие лексических единиц, характеризующих человека,

заслуживающего одобрения, не означает отсутствия в сознании диалектоносителей соответствующего понятия. По-видимому, наименования, имеющие значения ‘уравновешенный, миролюбивый человек’, ‘благоразумный, послушный человек’, ‘скромный человек’, ‘искренний, прямой человек’, ‘высоконравственный человек’ и положительно оценивающие лицо, отсутствуют в ивановских говорах, потому что данные характеристики считаются диалектоносителями нормой, не требующей выхода в лексику.

Наибольшей продуктивностью отличаются в исследуемых говорах лексические множества с такими значениями, как ‘любитель поговорить, разговорчивый человек’ (30 слов); ‘лгун’ (22 слова и 3 устойчивых выражения); ‘пьяница’ (20 слов и 3 устойчивых выражения); ‘гордый, высокомерный человек’ (21 слово и 1 фразеологическое сочетание); ‘озорник, шалун’ (23 слова); ‘капризный человек’ (19 слов и 1 устойчивое выражение); ‘жадный, скупой, чрезмерно бережливый человек’ (20 слов). Очевидно, что данные характеристики, отражающие оценку человека по особенностям его речевого общения, характера и поведения, считаются чрезвычайно важными, если они получают в диалекте такую детальную разработку.

Анализ лексики говоров Ивановской области показывает, что характерной чертой ТГ «Характер и поведение человека» является отсутствие четких границ в значении слов, что приводит к смысловым переходам от одной лексико-семантической группы к другой, ср.: *вздо́рник* ‘вздорный, сварливый человек’ и ‘забияка, задира’, *вязга́* ‘плакса’ и ‘капризный человек’, *гуля́ка* ‘человек, ведущий праздную и разгульную жизнь’ и ‘пьяница’, *задры́га* ‘трусливый человек’ и ‘непоседа’, *и́дол* ‘гордый, высокомерный человек’ и ‘жадный, скупой человек’, *ото́рва* ‘смелый человек’ и ‘забияка, задира’, *пустоме́ля* ‘болтливый человек, пустослов’ и ‘лгун, лгунья’.

Своеобразие словообразования в тематической группе «Характер и поведение человека» состоит в том, что высокопродуктивным является морфологический способ образования слов. В качестве производящих для наименований в большинстве случаев выступают глаголы и прилагательные. Преобладание

глагольной мотивации объясняется существенной ролью процессуальной составляющей поведения человека, адъективной – отражением признаков характера индивида. В исследуемых говорах обнаруживают активность существительные на –ун. Образованные от глаголов, они выражают значение действующего лица с определенной коннотацией (человек, который любит делать что-либо или производит действие интенсивное, как правило, негативного характера), ср: *глохту'н* ‘пьяница’ (← *глохта'ть* ‘напиваться пьяным’), *грызу'н* ‘ворчун’ (← *грызть* ‘постоянно докучать придирками, бранью, упреками’), *плясу'н* ‘любитель плясать’ (← *пляса'ть* ‘танцевать’). Также многочисленны отглагольные имена существительные общего рода, ср.: *дога'да* ‘сообразительный человек’; *брюзга'*, *во'йка*, *вязга'*, *гнуса'*, *ныть*, *ню'ня*, *рё'ва*, *хны'кса* ‘плакса’. Метафорический перенос осуществляется чаще всего по зооморфной и фитоморфной моделям: *бара'н*, *бык* (‘животное’ → ‘упрямый, несговорчивый человек’), *за'яц* (‘животное’ → ‘робкий, нерешительный, трусливый человек’), *росома'ха* (‘животное’ → ‘рассеянный человек’), *пень* (‘оставшаяся на корню часть ствола спиленного, срубленного или сломанного дерева’ → ‘глупый, бестолковый человек’).

Наблюдения за функционированием лексических единиц в ивановских говорах отчетливо показывают, что все единицы в пределах говора равнодиалектны: диалектные слова, не различаясь с литературными фонемным составом и номинативным значением, все же обязательно разойдутся с ними в той или иной своей парадигме – семантической, грамматической или стилистической. Семантическая структура отдельного слова при всем ее сходстве никогда не может полностью совпасть в говоре и в литературном языке, ср.: *вертихво'стка* ‘ветреная, легкомысленная женщина’ с пометой *прост.* [МАС 1: 153] и ‘непоседа’ (ивановские говоры), ‘сплетница, склочница’ [ЯОС 2: 57]; *дед* ‘старый человек, старик’ с пометой *разг.* [МАС 1: 376] и ‘ворчун’ (ивановские говоры), ‘знахарь, колдун’ Смол., Калуж., Свердл., ‘черт; домовый’ Калуж. [СРНГ 7: 328]; *домови'тый* ‘заботящийся о своем доме, хозяйстве, материальном благополучии; хозяйственный’ [МАС 1: 426] и ‘скупой, чрезмерно бережливый’ (ивановские говоры); *квё'лый*

‘слабый, хилый, вялый’ с пометой *прост.* [МАС 2: 45] и ‘невеселый, грустный’ (ивановские говоры), ‘плаксивый, недотрога’ Тамб., Ряз., ‘ленивый’ Краснояр. [СРНГ 13: 166]; *ли’рник* ‘музыкант-певец, аккомпанирующий себе на лире’ [МАС 2: 186] и ‘любитель петь песни’ (ивановские говоры); *трена’ч* ‘болтун, пустозвон’ с пометой *прост.* [МАС 4: 405] и ‘неверный мужчина, дающий невыполнимые обещания’ (ивановские говоры).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное языкознание характеризуется расширением круга объектов изучения и изменением угла зрения на многие традиционные объекты лингвистики. В лингвистических исследованиях последних десятилетий ведущим становится антропоцентрический подход к исследованию языка, провозглашающий принцип изучения языковых фактов и явлений в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью. Основы такого подхода были разработаны В. фон Гумбольдтом, который рассматривал разрабатываемую им лингвофилософскую концепцию языка как ядро формирования теории человека в рамках философско-практического человековедения. Изучение языка, по Гумбольдту, «не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985: 383]. Однако эти идеи Гумбольдта, развитые и продолженные в трудах отечественных ученых XIX в. – А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ, первой половины XX в. – Л. В. Щербы и Густава Шпета, были оттеснены на второй план достижениями структурализма, ограничивавшего исследование языка «в себе и для себя». Но уже в конце XX в. под влиянием смены парадигмы гуманитарного познания «маятник начинает двигаться в обратную сторону, и на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статической парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус "меры всех вещей" и вернувшая его в центр мироздания» [Воркачев 2001: 64].

Лингвисты отмечают, что присутствие человека в языке ощущается на всех языковых уровнях. Однако наиболее широко антропоцентричность языка проявляется в его словарном составе, поскольку через слово человек познает окружающий его мир, посредством слова он ощущает и познает самого себя как

члена данной социальной общности. Отметим, что в данной работе термин *антропоцентризм* используется как принцип исследования «человека в языке», а конкретнее – «человека в лексике народных говоров». Без глубокого всестороннего знания лексики народных говоров наше представление об облике русского человека, о его национальном характере оказалось бы существенно обедненным, ибо «вся многообразная материальная и духовная жизнь народа находит то или иное отражение в диалектной лексике» [Филин 1963: 344].

Наиболее полно выявить своеобразие языковой картины мира представителей русского языкового социума, в нашем случае сельских жителей Ивановского края, позволил недифференцированный подход к описанию лексики говоров, выражающийся в равном внимании к диалектным лексическим единицам и словам, входящим в состав литературного языка и общерусского просторечия. Установлено, что в исследуемых говорах диалектная лексика составляет половину от общего количества рассмотренных лексических единиц (50,0%). Однако тенденция к нивелированию диалектной речи под влиянием просторечия и литературного языка приводит к постепенной утрате традиционной диалектной лексики, таким образом, многие единицы в говорах можно охарактеризовать как диалектно-просторечные, т.е. содержащие на разных уровнях языка локально ограниченные и общерусские признаки, что позволяет говорить о существовании полудиалекта, проявившегося в особенностях лексического состава данной тематической группы.

Внутри рассмотренных лексико-тематических подгрупп выявлены синонимические, антонимические отношения и мотивационная связь между лексемами. Значительная часть слов мотивируется глагольной лексикой и характеризует человека как активного деятеля, что согласуется с выводом Ю. Д. Апресяна о том, что «человек мыслится в русской языковой картине мира... прежде всего как динамичное, деятельное существо» [Апресян 1995: 39]. Тематическое деление лексики ивановских говоров сформировало представление об особенностях мировосприятия сельских жителей. Распространение

словообразовательных синонимов, многочисленность наименований одной и той же реалии позволяют сделать вывод о детальной проработанности понятийно-семантической сферы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области. Многочленные синонимические ряды, характеризующие человека по разнообразным качествам: ‘умный’ / ‘глупый’ (*голова’*, *дога’да*, *умня’шечка* / *бестолку’ша*, *гого’на*, *ду’рбень*, *недотё’па*, *тетё’ха*, *шаромы’жник*), ‘хитрый, пронырливый’ / ‘рассеянный, невнимательный’ (*ловка’ч*, *лука’вица*, *пройдо’ха*, *прощелы’га*, *хитрё’на*, *хитру’ля*, *хитру’шка* / *верхогля’д*, *воро’на*, *лох*, *опало’ха*, *раззё’ва*, *растяпе’й*, *ротозе’я*), ‘гордый’ (*петуши’стый*, *рыля’стый*, *чванови’тый*), ‘жадный, скупой’ (*жадну’щий*, *жо’ркий*, *зажи’льный*, *ненасы’тный*), ‘трусливый’ (*боя’ка*, *задры’га*, *зассы’ха*, *посику’ха*), по особенностям речевого общения ‘болтливый’ / ‘молчаливый’ (*баку’льник*, *баля’ка*, *бололо’*, *мололо’*, *трё’кало*, *трепу’ха*, *чеса’ло* / *молча’льница*, *немты’рь*, *тихо’ня*), по эмоциональному состоянию ‘веселый’ / ‘грустный’ (*балагу’р*, *веселу’шка*, *гоготу’н*, *гомоно’к*, *зубоска’л*, *смею’шка*, *хохма’ч* / *грустли’вый*, *жмурно’й*, *квё’лый*, *насу’пистый*, *смурно’й*) и др., свидетельствуют о важности этих человеческих качеств для носителей говоров.

Некоторые лексемы в ивановских говорах являются полисемантами, поэтому одно и то же наименование включено в разные лексико-семантические группы: *вздо’рник* (‘вздорный, сварливый человек’; ‘забияка, задира’); *вязга’* (‘плакса’; ‘капризный человек’); *гуля’ка* (‘человек, ведущий праздную и разгульную жизнь’; ‘пьяница’); *задры’га* (‘трусливый человек’; ‘непоседа’); *и’дол* (‘гордый, высокомерный человек’; ‘жадный, скупой человек’); *пустоме’ля* (‘болтливый человек, пустослов’; ‘лгун, лгунья’); *чалдо’н* (‘глупый человек’; ‘упрямый, несговорчивый человек’). Отнесение одной и той же лексической единицы в разные группы позволило говорить об отсутствии четких границ в значении слов, что приводит к смысловым переходам от одной лексико-семантической группы к другой.

Среди наименований, характеризующих человека, выделены номинации, возникшие на основе метафорического переноса, отличающиеся своей образностью и экспрессивностью. Некоторые из них появились в результате сравнения человека с животным: *бара'н*, *бык* ('животное' → 'упрямый, несговорчивый человек'); *за'яц* ('животное' → 'робкий, нерешительный, трусливый человек'); *лиса'* ('животное' → 'льстивый, лицемерный человек, подхалим'); *мокри'ца* ('животное' → 'плакса'); *росома'ха* ('животное' → 'рассеянный человек'); другие – в результате сравнения с предметами окружающей действительности: *дуби'на*, *пень* ('толстая тяжелая палка'; 'оставшаяся на корню часть ствола спиленного, срубленного или сломанного дерева' → 'о бестолковом, тупом человеке'); *трещо'тка* ('устройство, приспособление (обычно вращающееся), с помощью которого производится треск, drobный стук, шум' → 'любитель (любительница) поговорить, болтун (болтунья)'); *веретено'*, *верту'шка* ('ручное прядильное орудие в виде деревянной палочки с заостренными концами и утолщением посредине'; 'название разного рода вращающихся предметов и инструментов' → 'непоседа'). По-видимому, это объясняется тем, что номинация происходила в крестьянской среде, где конкретное, предметно-образное мышление развито гораздо лучше, чем абстрактное: диалектоноситель видит вокруг себя реалии и переносит их названия на человека. Переносное употребление наименований мифологических (как правило, языческих) существ может свидетельствовать о живучести древних суеверий и связано с народными представлениями о враждебности нечистой силы по отношению к людям: *злы'дня*, *ли'хо одноглазое* ('мифологический персонаж, как воплощение злой доли, горя, несчастья, беды' → 'злой, недоброжелательный человек') и т. д.

Большинство наименований в говорах Ивановской области характеризуется ясностью семантической и словообразовательной структуры, прозрачной внутренней формой. Эта тенденция согласуется со стремлением человека обозначить словом наиболее существенный признак объекта номинации, чтобы закрепить в лексеме определенный культурно-практический опыт.

В составе лексики ивановских говоров отражаются закономерности, свойственные всем народным говорам, например, преобладание лексических единиц с отрицательной оценкой над лексемами с положительной оценкой. Люди, в поведении, поступках которых проявляются отрицательные качества, наказываются неодобрительным отношением общества и получают соответствующие наименования. Соответствие нравственной норме не требует дополнительной оценки, так как норма, в принципе, одна, отклонений же от нормы может быть сколько угодно, что согласуется с объяснением явления актуализации негативной модальности Н. Д. Арутюновой. Анализ лексических единиц, характеризующих человека по чертам характера, особенностям поведения, выявил наиболее предосудительные человеческие черты и привычки: хвастовство, ложь, глупость, изворотливость, спесивость, жадность, зависть, пьянство, безнравственное поведение. Обилие в описании человека наименований с негативным содержанием позволяет сделать вывод о том, что в отрицательной оценке различных качеств лица содержится скрытый образ идеального человека. Во всем, что оценивается диалектоносителями со знаком минус, проявляется стремление видеть такого человека, который не имеет недостатков. В обществе, коллективе он проявляет такие качества, соответствующие высокой морали, этике межличностных отношений, как честность, открытость, отсутствие подострастия и лести, благоразумие, отзывчивость, человечность, щедрость, жизнерадостность; он ведет трезвый образ жизни; его речь содержательна, спокойна, доброжелательна и благозвучна; она обогащает собеседников, обеспечивая их контакт.

Сопоставление лексики ивановских говоров с данными диалектных словарей, содержащих сведения о других русских говорах, выявило многочисленные междиалектные лексические параллели и отразившуюся в них общность мировосприятия диалектоносителей (преимущественно жителей Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской областей), что

объясняется культурными связями ивановцев и близостью границ Ивановской области с указанными регионами.

Работа с лексическим материалом ивановских говоров может и, как нам представляется, должна быть продолжена. К возможным перспективам исследования лексики ивановских говоров следует отнести, во-первых, привлечение для анализа других лексических пластов понятийно-семантической сферы «Человек»; во-вторых, углубление лингвокогнитивного изучения рассматриваемых слов, например, в аспекте этнокультурного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка: Введение в общее языкознание [Текст] : учеб. пособие для студ. филол. спец. / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 1998. – 440 с.
2. Андюсев, Б. Е. Сибирское краеведение [Текст] / Б. Е. Андюсев. – Красноярск : РИО КГПУ, 2003. – С.24–34.
3. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.
4. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.
5. Астахина, Л. Ю. Семантические и словообразовательные аспекты изучения тематической группы [Текст] / Л. Ю. Астахина // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. – М., 1991. – С. 34–53.
6. Баженов, Н. Ю. Наименования речевого поведения человека в русских народных говорах: лексико-семантический аспект (на материале самарских говоров) [Текст] / Н. Ю. Баженов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Нестор-История, 2013. – С. 7–20.
7. Баранникова, Л. И. К вопросу о соотношении литературного языка и диалектов [Текст] / Л. И. Баранникова // Очерки по русскому языку и стилистике. – Саратов, 1967. – С. 345–353.
8. Баранникова, Л. И. О вариантных единицах диалектных систем [Текст] / Л. И. Баранникова // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. – С. 59–77.
9. Баранникова, Л. И. Основные сведения о языке [Текст] : пособие для учителей / Л. И. Баранникова. – М. : Просвещение, 1982. – 112 с.

10. Батырева, Л. П. Лексика ивановских говоров: учебные материалы [Текст] / Л. П. Батырева. – Шуя : Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2009. – 139 с.
11. Бахвалова, Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров) [Текст] / Т. В. Бахвалова. – Орел : Изд-во ОГПИ, 1993. – 130 с.
12. Бахвалова, Т. В. Словарь орловских говоров как источник изучения славянской духовной и материальной культуры [Текст] / Т. В. Бахвалова // Славянский альманах 1997. – М. : Индрик, 1998. – С. 312–317.
13. Березович, Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей [Текст] / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3–24.
14. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования [Текст] / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
15. Беркетова, З. В. Мотивационные связи в лексике современного русского языка [Текст] / З. В. Беркетова // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 69–77.
16. Бессонова, Ю. А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Бессонова. – Орёл, 2001. – 25 с.
17. Бессонова, Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах [Текст] / Ю. А. Бессонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (8). – С. 33–37.
18. Блинова, О. И. Введение в современную региональную лексикологию [Текст] : материалы для спецкурса / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. – 257 с.
19. Блинова, О. И. Введение в современную региональную лексикологию [Текст]: материалы для спецкурса / О. И. Блинова. – 2 изд., испр. и доп. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1975. – 258 с.

20. Блинова, О. И. Русская диалектология. Лексика [Текст] / О. И. Блинова. – Томск : Изд. Томского ун-та, 1984. – 134 с.
21. Блинова, О. И. Русская мотивология [Текст] : учебно-методическое пособие / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2004. – 66 с.
22. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. Т. I – II. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1963.
23. Бортник, Г. В. Лексико-семантическая группа как источник культурно-исторической информации [Текст] / Г. В. Бортник // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар : Сыктывкарский ун-т, 1994. – С. 62–64.
24. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) [Текст] / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 1998. – 240 с.
25. Вендина, Т. И. Ценности и оценки в пространстве словообразования [Текст] / Т. И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. – СПб., 2000. – С.24–34.
26. Вендина, Т. И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований [Текст] / Т. И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. – СПб., 2002. – С. 3–15.
27. Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры [Текст] / Т. И. Вендина. – М. : Институт славяноведения РАН, 2007. – 336 с.
28. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1982. – 529 с.
29. Винокур, Г. О. О задачах истории языка [Текст] / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 207–226.

30. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–72.
31. Ганцовская, Н. С. Особенности говоров Костромской области [Текст] : учебное пособие / Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГПИ, 1992. – 95 с.
32. Ганцовская, Н. С. Костромское народное слово [Текст] / Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 216 с.
33. Ганцовская, Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова (проблемы типологии) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Ганцовская. – Ярославль, 2008. – 431 с.
34. Гапонова, Ж. К. Лексика, характеризующая человека, в мологских говорах [Текст] / Ж. К. Гапонова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. – М. : Элпис, 2006. – С. 586–590.
35. Гапонова, Ж. К. Лексика мологских (ярославских) говоров XIX – XX вв. (историко-лексикологический и этнолингвистический аспекты) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ж. К. Гапонова. – Ярославль, 2008а. – 242 с.
36. Гапонова, Ж. К. Наименования, характеризующие речевую деятельность человека в мологских говорах [Текст] / Ж. К. Гапонова // Говоры Вологодского края (аспекты изучения): межвузовский сборник научных трудов / отв. редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда : ВГПУ, 2008б. – С. 65–78.
37. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику [Текст] : учебное пособие / А. С. Герд. – СПб. : СПбГУ, «Языковой центр», 1995. – 86 с.
38. Герд, А. С. Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны [Текст] : монография / под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 512 с.
39. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику [Текст] : курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – 2-е изд. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2005. – 457 с.

40. Гришаева, Л. И., Попова, М. К. Картина мира как проблема гуманитарных наук [Текст] / Л. И. Гришаева, М. К. Попова // Картина мира и способы ее репрезентации : научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование», 21–24 апреля 2003 г. / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. – Воронеж : ВГУ, 2003. – С. 13–38.
41. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.
42. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
43. Гурская, С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека по его отношению к труду, в ярославских говорах [Текст] / С. Л. Гурская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. – СПб. : Наука, 2009. – С. 243–249.
44. Гурская, С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека, в ярославских говорах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / С. Л. Гурская. – Ярославль, 2010а. – 219 с.
45. Гурская, С. Л. Имена существительные общего рода, называющие маленьких детей, в ярославских говорах [Текст] / С. Л. Гурская // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сборник научных статей. – Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та, 2010б. – С. 50–54.
46. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Текст]: в 2-х т. / В. И. Даль. – СПб. – М., 1879.
47. Демидова, К. И. О Лексическом атласе русских народных говоров на территории Урала [Текст] / К. И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. – СПб., 2001. – С. 94–102.
48. Демидова, К. И., Злыденная, Т. А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира [Текст] / К. И. Демидова, Т. А. Злыденная //

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. – СПб. : Наука, 2006. – С. 72–80.

49. Демидова, К. И. Метафорические модели в русских народных говорах как способ вербализации концептов окружающего мира [Текст] / К. И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2009. – С. 371–377.
50. Дмитриева, Е. Г. Семантика и функционирование глаголов эмоций в речи носителей донских говоров Волгоградской области [Текст] / Е. Г. Дмитриева // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всероссийской молодежной конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 177–180.
51. Едалина, А. А. Русская диалектная лексика со значением жадности: мотивационный анализ [Текст] / А. А. Едалина // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 31–36.
52. Еремеева, Г. А. Основные тенденции словообразования в русской диалектной и литературной разговорной речи (на материале имен существительных) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Еремеева. – Л., 1983. – 211 с.
53. Ершова, Н. И. Фразеосемантическое поле «Отрицательные качества человека» как фрагмент диалектной картины мира [Текст] / Н. И. Ершова // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти кандидата филологических наук, доцента Аиды Николаевны Борисовой (г. Пермь, 12–13 октября 2011 г.). – Пермь, 2011. – С. 63–67.
54. Жмурко, О. И. Лексика природы: Опыт тематического словаря говоров Ивановской области [Текст] / О. И. Жмурко. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. – 116 с.

55. Жмурко, О. И. О проекте «Словаря говоров Ивановской области» [Текст] / О. И. Жмурко // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней : материалы II региональной научной конференции (г. Иваново, 25 сентября 2004 г.). – Иваново, 2004. – С. 22–39.
56. Жмурко, О. И. Языковая картина мира и функционирование лексики в народной речи [Текст] / О. И. Жмурко // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. I Новиковские чтения : материалы Международной научной конференции (г. Москва, 5–6 апреля 2006 г.). – М., 2006. – С. 166–169.
57. Жмурко, О. И. Историко-культурная зона Верхнего Поволжья (к постановке проблемы) [Текст] / О. И. Жмурко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – Специальный выпуск. – С. 47–50.
58. Жмурко, О. И. Диалектный словарь с позиций теории языковой личности [Текст] / О. И. Жмурко // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 210–214.
59. Забродкина, Е. А. Семантическое поле «дом» в русских народных говорах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Забродкина. – Арзамас, 2008. – 449 с.
60. Закуткина, Н. А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Закуткина. – М., 2001. – 18 с.
61. Каде, Т. Х., Пономаренко, И. Н. Семантическое поле «Человек» в кубанском диалекте [Текст] / Т. Х. Каде, И. Н. Пономаренко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. – СПб. : Изд. ИЛИ РАН, 2001. – С. 219–222.
62. Казарцева, О. М. Культура речевого общения: теория и практика обучения [Текст] / О. М. Казарцева. – М. : Флинта, Наука, 1998. – 496 с.

63. Канафиев, Р. Н. Структурно-семантический и лингвокультурологический анализ полевой организации лексики (на материале семантического поля ОРУЖИЕ в русском языке) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Р. Н. Канафиев. – Иваново, 2005. – 214 с.
64. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
65. Китайгородская, М. В. К характеристике структурно-семантических типов производных и членимых глаголов в русской разговорной речи [Текст] / М. В. Китайгородская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С. 182–185.
66. Климова, Л. А. Чалдон, чалдонка, чалдонить [Текст] / Л. А. Климова // Русская речь. – М., 1972. – № 1. – С. 151–152.
67. Климова, Л. А. Диалектное слово в речи: его употребление и восприятие [Текст] / Л. А. Климова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. – СПб. : Изд. ИЛИ РАН, 1998. – С. 53–62.
68. Климова, Л. А. Восприятие и оценка слова в говоре [Текст] / Л. А. Климова // Проблемы теории и методики преподавания лингвистических дисциплин: сб. научных и методических статей. – Арзамас : АГПИ, 2000. – С. 39–46.
69. Климова, Л. А. Нижегородская топонимия в языковой картине мира [Текст] : монография / Л. А. Климова. – Арзамас : АГПИ, 2007. – 394 с.
70. Климова, Л. А. Нижегородская частушка: сильные текстовые позиции [Текст] / Л. А. Климова // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 8–2 (24). – С. 28–37.
71. Коготкова, Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) [Текст] / Т. С. Коготкова. – М. : Наука, 1979. – 335 с.

72. Колесов, В. В. Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков [Текст] / В. В. Колесов // Вопросы языкознания. – 1971. – № 4. – С. 53–65.
73. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» [Текст] / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
74. Колесов, В. В. Язык и ментальность [Текст] / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
75. Колосько, Е. В. Устойчивые переносные значения, характеризующие человека [Текст] / Е. В. Колосько // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. – СПб. : Изд. ИЛИ РАН, 2001. – С. 204–210.
76. Колосько, Е. В. Метафорическая лексика в русских народных говорах: (На материале субстантив. антропоцентр. метафоры) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Колосько. – СПб., 2002. – 19 с.
77. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
78. Коршунова, Л. С. Лексико-семантические группы глаголов говорения, мыслительной деятельности, чувства в говорах Нижегородской области [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Л. С. Коршунова. – Арзамас, 2002. – 215 с.
79. Красовская, Н. А. Тематическая группа «Человек» в тульских говорах [Текст] / Н. А. Красовская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. – СПб. : Наука, 2009. – С. 359–363.
80. Красовская, Н. А. Глаголы антропоцентрической сферы в тульских говорах [Текст] / Н. А. Красовская // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 283–286.
81. Красовская, Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов говорения, обозначающих эмоциональное отношение и эмоциональную оценку (на

- материале тульских говоров) [Текст] / Н. А. Красовская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Нестор-История, 2013а. – С. 319–326.
82. Красовская, Н. А. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Красовская. – Курск, 2013б. – 43 с.
83. Кривова, Н. И. Лексико-семантические группы имен существительных, характеризующие человека [Текст] / Н. И. Кривова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Изд. ИЛИ РАН, 2001. – С. 200–204.
84. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
85. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сборник статей. – М. : Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.
86. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22–31.
87. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
88. Кузнецова, О. Д. Слово в говорах русского языка [Текст] / О. Д. Кузнецова. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1994. – 88 с.
89. Леонтьева, Т. В. К вопросу о симметричных мотивационных моделях (на материале русской диалектной лексики со значением оценки интеллекта) [Текст] / Т. В. Леонтьева // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография: материалы всероссийской научной конференции,

посвященной 200-летию со дня рождения В. И. Даля (Ярославль, 31 октября – 2 ноября 2001 г.). – Ярославль, 2001. – С. 96–99.

90. Леонтьева, Т. В. Опыт установления границ концептуального поля «интеллект» в лексике русских народных говоров [Текст] / Т. В. Леонтьева // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) : К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. – М. : Наука, 2002. – С. 277–286.
91. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
92. Леонтьева, Т. В. Лексика, обозначающая воздействие на ментальность субъекта, в русских говорах: мотивационные модели [Текст] / Т. В. Леонтьева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. – СПб., 2008. – С. 336–340.
93. Литвинова, Т. А. Номинации человека по особенностям поведения в воронежских говорах [Текст] / Т. А. Литвинова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. – СПб. : Наука, 2007. – С. 141–146.
94. Литвинова, Т. А. Названия человека по манере речи и внешним особенностям поведения (на материале воронежских говоров) / Т. А. Литвинова // Край Воронежский : межвуз. сб. науч. тр. Вып. V / [науч. ред. А. Д. Черенкова]. – Воронеж : ВГПУ, 2009. – С. 156–158.
95. Литвинова, Т. А. Лексемы, отрицательно характеризующие умственные способности человека, в воронежских говорах [Текст] / Т. А. Литвинова // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников : материалы VIII междунар. науч.-метод. конф. / под ред. О. В. Загоровской. – Воронеж : Научная книга, 2010. – С. 112–115.
96. Литвинова, Т. А. Номинации человека как отражение языковой картины мира (на материале воронежских говоров) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Литвинова. – Воронеж, 2011а. – 24 с.

97. Литвинова, Т. А. Особенности метафорических переходов в сфере номинаций лица в воронежских говорах [Текст] / Т. А. Литвинова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011б. – Вып. 1. – С. 27–34.
98. Лукьянова, Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии [Текст] : учебное пособие для студентов-филологов / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1979. – 76 с.
99. Лукьянова, Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения: учебное пособие [Текст] / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : НГУ, 1983. – 80 с.
100. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики [Текст] / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1986. – 227 с.
101. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
102. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиенко. – СПб. : Азбука-классика, Авалон, 2005. – 256 с.
103. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русских поговорок [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
104. Немов, Р. С. Психология: словарь-справочник [Текст]: в 2 ч. / Р. С. Немов. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – Ч.1. – 304 с.
105. Нивина, Е. А. Лексика тематической группы «Человек» в говорах Тамбовской области [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Нивина. – Тамбов, 2003. – 27 с.
106. Никулина, Т. Е. Костромская лексика тематической группы «Человек» в Словаре русских народных говоров [Текст] / Т. Е. Никулина // Проблемы

- семантики и функционирования языковых единиц разных уровней : сборник научных статей. – Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та, 2010. – С. 142–146.
107. Новикова, Л. Н. Особенности мутационного словообразования в тверских говорах (на материале ЛАРНГ) [Текст] / Л. Н. Новикова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. – СПб. : Наука, 2006. – С. 128–131.
108. Оссовецкий, И. А. Лексика современных русских народных говоров [Текст] / И. А. Оссовецкий. – М. : Наука, 1982. – 198 с.
109. Петлева, И. П. О семантических истоках слов со значением ‘скупой’ в русском языке [Текст] / И. П. Петлева // Этимология 1970. – М. : Наука, 1972. – С. 207–216.
110. Пискунова, С. В., Нивина, Е. А. Развитие синонимии и омонимии в тамбовских говорах в тематической группе «Человек» [Текст] / С. В. Пискунова, Е. А. Нивина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. – СПб. : Наука, 2004. – С. 142–146.
111. Портнов, А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. [Текст] / А. Н. Портнов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. – 367 с.
112. Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. – М. : Изд. АН СССР, 1960.
113. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
114. Потebня, А. А. Психология поэтического и прозаического мышления [Текст] / А. А. Потebня // Слово и миф / А. А. Потebня. – М. : Правда, 1989. – С. 201–235.

115. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с.
116. Пятаева, Н. В. Антропоцентрический принцип современного языкознания и понятие картины мира // Филологический класс. – 2004. – №12. – С. 47–54.
117. Радченко, О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства [Текст] / О. А. Радченко. Т. 1. – М., 1997. – 310 с.
118. Радченко, О. А., Закуткина, Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен [Текст] / О. А. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25–48.
119. Родионова, И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах [Текст] / И. В. Родионова // Русский язык в научном освещении. – 2005. – №2 (10). – С.159–189.
120. Ростов, О. Р. Антропоцентрическое описание номинаций одежды (на материале лексики говоров Ивановской области) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / О. Р. Ростов. – Иваново, 2006. – 178 с.
121. Русские [Текст]. – М. : Наука, 1999. – 828 с.
122. Седойкина, Ю. В. Наименования лиц в брянских говорах: семантика, словообразование, ареальные связи [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Седойкина. – Курск, 2011. – 22 с.
123. Славянская мифология: энциклопедический словарь [Текст] / О. В. Белова, В. Я. Петрухин. – М. : Международные отношения, 2002. – 512 с.
124. Славянские древности: этнолингвистический словарь [Текст] / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А–Г. – М. : Наука, 1995. – 678 с.

125. Соколовская, Ж. Г. «Картина мира» в значениях слов. «Семантические фантазии» или «Катехизис семантики?» [Текст] / Ж. Г. Соколовская. – Симферополь : Таврия, 1993. – 231 с.
126. Солодуб, Ю. П. Лексика современного русского литературного языка в сопоставлении с лексикой английского, немецкого, французского и испанского языков [Текст] / Ю. П. Солодуб // Современный русский язык: лексика и фразеология (сопоставительный аспект). – М., 2002. – С. 13–170.
127. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
128. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – С. 36–85.
129. Сутормина, О. А. Биоморфизмы, характеризующие психическое состояние человека, в донских казачьих говорах [Текст] / О. А. Сутормина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Нестор-История, 2013. – С. 490–495.
130. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 144 с.
131. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 13–24.
132. Токарев, Г. В. Лексические средства выражения особенностей миропонимания [Текст] / Г. В. Токарев // Русский язык в школе. – 2003. – №4. – С. 73–75.
133. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира [Текст] / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – № 1 (3). – М., 2002. – С. 112–127.

134. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
135. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического [Текст] / В. Н. Топоров. – М. : Издат. группа «Прогресс»: Культура, 1995. – 624 с.
136. Урманчеева, И. С. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И. С. Урманчеева. – Вологда, 2003. – 292 с.
137. Уфимцева, А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира [Текст] / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
138. Филин, Ф. П. О составлении диалектологических словарей славянских языков [Текст] / Ф. П. Филин // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов: доклады советской делегации. – М., 1963.
139. Филин, Ф. П. Очерки по теории языкознания [Текст] / Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1982. – 336 с.
140. Ховрина, Т. К. Характеристика человека в народных сравнениях (на материале ярославских говоров) [Текст] / Т. К. Ховрина // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. – М. : Элпис, 2006. – С. 654–658.
141. Ховрина, Т. К. Лингвогеографическое изучение лексики ярославских говоров [Текст] / Т. К. Ховрина // Ярославский педагогический вестник. – 2009а. – № 3. – С. 184–187.
142. Ховрина, Т. К. Областной словарь – сокровищница живой народной речи [Текст] / Т. К. Ховрина // Мир русского слова. – 2009б. – № 1. – С. 111–113.

143. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии [Текст] / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 184 с.
144. Черенкова, А. Д. Лексика говора села Краснолипья Репьёвского района Воронежской области (на материале тематической группы «Человек») [Текст] / А. Д. Черенкова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. – СПб. : Наука, 2008. – С. 179–189.
145. Чернетских, Т. И. Лексико-семантическая группа «жилище» как репрезентант фрагмента региональной картины мира: (На материале словаря русских говоров Алтая) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Чернетских. – Барнаул, 2000. – 179 с.
146. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии [Текст] / Н. С. Шапарова. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2001. – 624 с.
147. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
148. Шпет, Г. Г. Эстетические фрагменты [Текст] / Г. Г. Шпет // Сочинения / Г. Г. Шпет. – М. : Правда, 1989. – С. 345–474.
149. Шулякина, Ю. С. Лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, в говорах Ивановской области [Текст] / Ю. С. Шулякина // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – воспитание: матер. V Всерос. науч. конф., Иваново, 14 апреля 2011 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011а. – С. 204–209.
150. Шулякина, Ю. С. Общая лексика в толковых словарях литературного языка и народных говоров (на материале лексики, характеризующей человека по поведению) [Текст] / Ю. С. Шулякина // Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века: матер. IX Междунар. школы-

- семинара, Иваново, 8–10 сентября 2011 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011б. – С. 356–359.
151. Шулякина, Ю. С. Лексика говоров Ивановской области, характеризующая человека по особенностям его речевого общения [Текст] / Ю. С. Шулякина // Проблемы лингвистического краеведения: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти кандидата филологических наук, доцента Аиды Николаевны Борисовой, Пермь, 12–13 октября 2011 г. – Пермь : Перм. гос. ун-т., 2011в. – С. 169–175.
152. Шулякина, Ю. С. Названия человека по особенностям поведения в говорах Ивановской области [Текст] / Ю. С. Шулякина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2011г. – С. 245–249.
153. Шулякина, Ю. С. Имена существительные со значениями ‘бесстыдник’, ‘пьяница’, ‘распутник’ в говорах Ивановской области [Текст] / Ю. С. Шулякина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012а. – Т. 18. – № 2. – С. 112–116.
154. Шулякина, Ю. С. Наименования человека по отношению к нормам нравственности в говорах Ивановской области [Текст] / Ю. С. Шулякина // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. – 2012б. – Т. 3. – Вып. 4. – С. 312–317.
155. Шулякина, Ю. С. Семантическое поле «Отрицательные черты характера человека» (на материале говоров Ивановской области) [Текст] / Ю. С. Шулякина // Ярославский педагогический вестник. – 2012в. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 207–210.
156. Шулякина, Ю. С. Лексика говоров Ивановской области, характеризующая человека по его эмоциональному состоянию [Текст] / Ю. С. Шулякина // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: матер. Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, Арзамас, 17–18 мая 2012г. – Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2012г. – С. 433–438.

157. Шулякина, Ю. С. Оценка лица по речевому поведению в говорах Ивановской области [Текст] / Ю. С. Шулякина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. ст. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012д. – Вып. 7. – С. 204–209.
158. Шулякина, Ю. С. Диалектная лексика, характеризующая человека по особенностям характера и поведения, в говорах Ивановской области и сопредельных областей [Текст] / Ю. С. Шулякина // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/7462> (дата обращения: 18.02.2013).
159. Шулякина, Ю. С. Лексика тематической группы «Характер и поведение человека» в словарях литературного языка и народных говоров (на материале говоров Ивановской области) [Текст] / Ю. С. Шулякина // *Life beyond Dictionaries: матер. юбилейной X Междунар. школы-семинара, Иваново – Флоренция, 12–14 сентября 2013 г.* – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. – С. 247–250.
160. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
161. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
162. Geeraerts, D., Cuyskens, H. *The Oxford handbook of cognitive linguistics.* – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 1334 p.
163. Handl, S., Schmid, H.-J. *Windows to the mind: metaphor, metonymy and conceptual blending.* – Berlin; New York : De Gruyter Mouton, 2011. – 314 p.
164. Kirby, S. *Language is an adaptive system: the role of cultural evolution in the origins of structure* // *The Oxford Handbook of Language Evolution.* – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 589-604.
165. Kühlewind, G. *The logos-structure of the world: language as a model of reality.* – Hudson : Lindisfarne Press, 1992. – 144 p.

166. Leinonen, M. The Postpositive particle –to of Northern Russian dialects, compared with Permic languages (Comi Zyryan) // *Studia Slavica Finlandensia*. – 1998. – XV. – P. 74-90.
167. Martin, A. The representation of object concepts in the brain // *Annual Review of Psychology*. – 2007. – Vol. 58. – P. 25-45. [Электронный ресурс]. URL: <http://lbcnimh.nih.gov/Martin/Publications/Martin.AnnRevPsych.07.pdf>
168. Ning, Yu. From body to meaning in culture. – Amsterdam, Philadelphia, 2009. – 310 p.
169. Pleyer, M. Cognitive construal, mental spaces and the evolution of language and cognition // *The Evolution of Language. Proceedings of the 9th Conference on the Evolution of Language*. – Singapore : World Scientific, 2012. – P. 288-295.
170. Rathert, M., Alexiadou, A. The semantics of nominalizations across languages and frameworks. – Berlin; New York : De Gruyter Mouton, 2010. – 250 p.
171. Saarikivi, J. *Substrata Uralica: studies on finno-ugrian substrate in Northern Russian dialects*. – Tartu, 2006. – 297 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/suoma/vk/saarikivi/substrat.pdf>

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. [Текст]. – М.; Л., 1950-1965.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. [Текст] / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.
4. Картоотека ЛАРНГ – в словарном отделе Института лингвистических исследований РАН. – СПб.
5. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
6. КЭСРЯ – Краткий этимологический словарь русского языка [Текст] / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М. : Просвещение, 1975. – 542 с.
7. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1985–1988.
9. Психоаналитические термины и понятия: словарь [Текст] / под ред. Борнесса Э. Мура и Бернарда Д. Фаина. – М. : Независимая фирма «Класс», 2000. – 304 с.
10. Психологический словарь [Текст] / под общей науч. ред. П. С. Гуревича. – М. : ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. – 800 с.
11. РСС – Русский семантический словарь: в 6 т. [Текст] / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998–2007. – Т. I–IV.
12. Словарь русского арго [Текст] / под ред. В. С. Елистратова. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.

13. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2008. – Вып. 1–28.
14. СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – М., Л., СПб., 1965–2013. – Т. 1–46.
15. Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М., 1986–1987.
16. Шведова – Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Мир и образование, Оникс, 2011. – 736 с.
17. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд [Текст] / под ред. О. Н. Трубачева. – М., 1974–2005. – Вып. 1–32.
18. ЯОС – Ярославский областной словарь [Текст] / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991. – Т. 1–10.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

§ 2.1 Лексика, характеризующая человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению

Общепотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Умный, сообразительный человек			
<i>вундерки'нд голова' де'льный, делови'тый делово'й разу'мный у'мный</i>	<i>разу'мница смышлѐ'ный у'мница</i>	<i>баикови'тый голова'стый зате'йливый мозгови'тый у'шлый</i>	<i>ветля'ный ву'мный дога'да доде'льный ду'мный замы'слитый куме'кливый мозга'стый разу'мливый смекли'вый умня'шечка</i>
Глупый, глуповатый, несообразительный, ненаходчивый человек			
<i>бестолко'вый глупова'тый несообрази'тельный</i>	<i>балбе'с бе'столочь бестолко'вщина глупы'ш дура'к дурале'й полоу'мный придуркова'тый простова'тый тугоду'м тупи'ца</i>	<i>ду'рень дуби'на дурачи'на дурѐ'ха дуры'нда недотѐ'па недоу'мок пень полуду'рок приду'рок тетѐ'ха чо'кнутый</i>	<i>безвале'тный бестолку'ша благуто'нный гара'нька глумно'й глумнова'тый гого'на голова' как шабала' ду'рбень <как> ду'рье по'ле дуркова'тый конова'ловая неде'льный неуда'чник пая'ка приду'рошный ту'пень туп как ва'ленок чалдо'н шаромы'жник</i>
10 / 13,9%	14 / 19,4%	17 / 23,6%	31 / 43,1%

Общеупотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Веселый человек, весельчак			
<i>весё'лый</i>	<i>балагу'р весельча'к зате'йник хохоту'н хохоту'шка</i>	<i>гоготу'н заводно'й зубоска'л хохма'ч</i>	<i>веселу'шка гомоно'к заводи'ло лю'тый поте'шник смею'шка чу'дик</i>
Невеселый, грустный			
<i>уны'лый хму'рый</i>			<i>грустли'вый жмурно'й зану'да квё'лый насу'пистый неврте'нек смурно'й хмурно'й</i>
Плакса, плаксивый			
<i>слезли'вый</i>	<i>ны'тик ню'ня пла'кса плакси'вый рё'ва реву'н реву'нья</i>		<i>брюзга' во'йка вязга' гнуса' кила' мокри'ца мокрощё'лка мокру'ша нудли'вый ныть рё'вушка рыда'лица стону'чка хны'кса</i>
Петь песни; любитель петь песни			
<i>запева'ла тяну'ть</i>	<i>пе'сенник певу'н певу'нья</i>	<i>горла'нить горлопа'нить</i>	<i>визжа'ть заводи'ла зате'йник игра'ть игру'нья крича'ть пе'сни ли'рник пе'сельник</i>

Общепотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Плясать; любитель плясать			
<i>дробить</i>	<i>массовик-затейник плясун плясунья пусти́ться в пляс скака́ть</i>		<i>веселу́н вихля́ться дры́гаться кренделя́бры выде́лывать лета́ть лету́н отчебу́чивать плясу́ха поплясу́нья то́пать топону́н</i>
7 / 8,6%	20 / 24,7%	6 / 7,4%	48 / 59,3%
Говорить, разговаривать; любитель поговорить, разговорчивый			
<i>говори́ть говорли́вый лепета́ть разгово́рчивый</i>	<i>балабо́л балабо́лка говору́н говору́нья речи́стый тарато́рить треща́ть трецо́тка языка́стый</i>	<i>балабо́лить балабо́н балабо́нить зуда́</i>	<i>ба́йкать ба́йкий ба́харь ба́чить ба́ять бала́кать (баля́кать) басли́вый бахо́рить бу́рмосить гово́рливый побала́кать (побаля́кать)</i>
Болтать, пустословить; болтун (болтунья), болтливый			
<i>болтли́вый</i>	<i>болта́ть болту́н болту́нья поболта́ть пустозво́н пустозво́нить пустоме́ля толкова́ть</i>	<i>каля́кать ля́сы точить моло́ть молоти́ть пустобрё́х трепа́ч трепа́ть трепли́вый трепло́</i>	<i>ба́ба в юбке баку́льник балабо́листый баля́ баля́ка баля́сник бололо́ ляля́кать мололо́ покуме́кать путоме́лить толо́чь трандычи́ха (трындычи́ха) тре́кало трепу́ха чеса́ло</i>

Общепотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Молчаливый, замкнутый человек			
	<i>молчу'н молчу'нья тихо'ня</i>		<i>молча'льница немты'рь</i>
Лгать, обманывать; лгун (лгунья)			
	<i>болта'ть врать вру'н вру'нья городи'ть</i>	<i>бреха'ть брехло' бреху'н вру'шка гнуть залива'ть</i>	<i>базла'ть баламу'тить болту'н болту'нья бормота'ть бормоту'н бреха'ч брехли'вый брехню'нести' вра'ки распуска'ть городи'ло лить в у'ши пустоме'ля трепа'ло трепа'ч</i>
Сплетничать; сплетник (сплетница)			
<i>сле'тник сле'тница сле'тничать</i>	<i>нау'шник обсужда'ть посуда'чить суда'чить</i>		<i>ба'йку сварга'нить болту'н болту'нья зубоче'сник трепу'шка</i>
Хвастаться; хвастун (хвастунья), хвастливый			
		<i>бахва'л бахва'лка бахва'литься форси'ть форсу'н форсу'нья</i>	<i>бахва'листый бахва'льчивый болоно' хаба'литься хва'ститься щелкопе'р я'калка</i>
Ворчун, ворчунья			
<i>брюзга'</i>	<i>ворчу'н</i>	<i>зуда'</i>	<i>бубни'ла грызу'н дед ехи'дна зану'да мозгое'д</i>

Общепотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Крикун, скандалист			
	<i>крику'н крику'нья ору'н</i>	<i>горлоде'р горлопа'н горлопа'нка крику'ша</i>	<i>га'лма'н гло'тка горлопа'нья ляга'рва ляга'рма ора'кля ора'ло поло'хала прозвоно'к яга'рма</i>
Вздорный, сварливый человек			
<i>самоду'р</i>			<i>брязга' вздо'рник вздо'рнища жи'жа здо'рник сведе'нцы (свиде'нцы)</i>
10 / 6,4%	33 / 21,3%	30 / 19,4%	82 / 52,9%

§ 2.2 Лексика, характеризующая человека по отношению к нормам нравственности

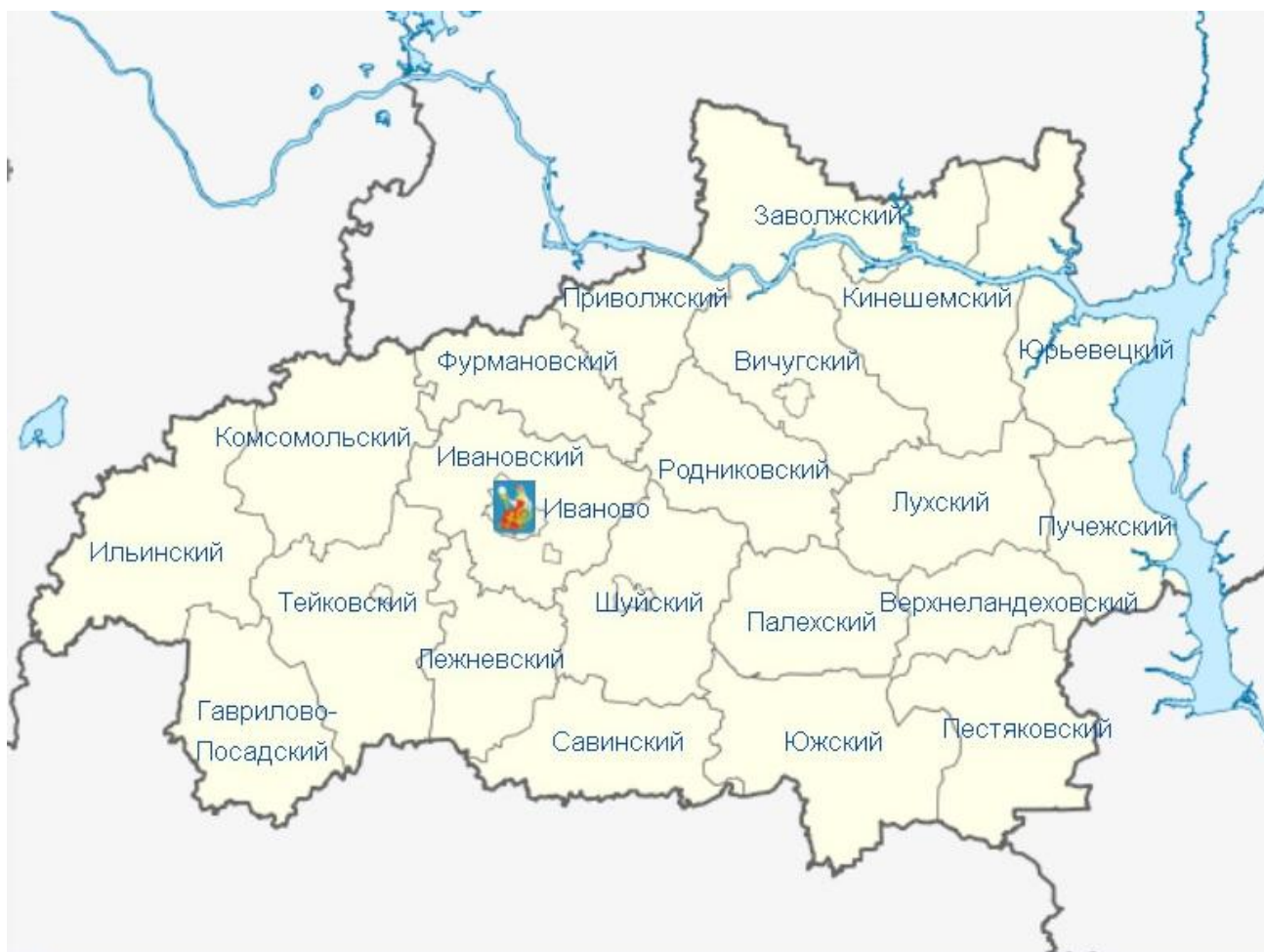
Общепотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Хитрый, пронырливый, жуликоватый человек			
<i>афери'ст изворо'тливый лука'вица хи'трый хитре'ц</i>	<i>ловка'ч пройдо'ха проны'ра хитрю'га</i>	<i>прощелы'га</i>	<i>заковы'ристый лука'вистый хитре'на хитру'ля (хитрю'ля) хитру'шка</i>
Разиня, растяпа, рассеянный человек			
	<i>верхогля'д воро'на Машиа-растеря'ша рази'ня растя'па ротозе'й</i>	<i>раззя'ва</i>	<i>лох опало'ха раззе'ва растама'ха растеря'йка растяпе'й росомаха (рассама'ха, россома'ха) ротозе'я</i>

Общеупотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Льстивый, лицемерный человек, подхалим			
<i>лса́' льсти́'вый</i>	<i>подли́'за подхали́'мистый</i>		<i>подви́'дный подма́'зливый подма́'зчивый</i>
Упрямый, самоуверенный, несговорчивый человек			
<i>упо́'рный</i>	<i>упё́'ртый</i>	<i>бара́'н бык насты́'рный</i>	<i>кобе́'нистый су́'порень упря́'мистый чалдо́'н</i>
Капризный человек; капризничать			
<i>капри́'зничать</i>	<i>капри́'зник капри́'зница капризу́'ля лома́'ться ню́'ня привере́'дник</i>	<i>блажи́'ть ерепе́'ниться кочевря́'житься озорова́'ть пискля́' топы́'рится</i>	<i>вязга́' загиба́'ть гу́'бы (губу́') капри́'за капри́'занка капри́'зиться капризо́'н капризу́'ха</i>
Гордый, высокомерный человек			
<i>ва́'жный го́'рдый горде́'ц гордели́'вый зано́'счивый чванли́'вый</i>	<i>зазна́'йка</i>	<i>вообража́'лис тый</i>	<i>воображу́'н горду́'н гордя́'к додо́'н зазна́'й и́'дол кочевря́'га ко́'шка на грудь не пры́'гнет петуши́'стый рыля́'стый спеси́'вец фарао́'нка чванли́'вец чванови́'тый</i>
Жадный, скупой, чрезмерно бережливый человек			
<i>домови́'тый крохобо́'р крохобо́'рка ненасы́'тный скря́'га скупо́'й</i>		<i>жадну́'ций жадю́'га жмот зажи́'мистый курку́'ль сквалы́'га скупердя́'й скупердя́'йка</i>	<i>жаде́'ба жидо́'ба жо́'ркий зажи́'льный и́'дол ужи́'мистый</i>

Общепотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Завистливый человек; завидовать			
<i>зави́стник</i>		<i>зави́дки беру́т</i> <i>завиду́щий</i>	<i>за́видник</i> <i>зави́дливый</i> <i>зави́ствовать</i> <i>зави́стный</i> <i>задо́риться</i> <i>злынева́ть</i>
Злой, недоброжелательный человек			
<i>лиходе́й</i> <i>лиходе́йка</i> <i>лю́тый</i> <i>серди́тый</i>	<i>него́дный</i>	<i>злы́день</i>	<i>ехи́дник</i> <i>ехи́дница</i> <i>злы́дня</i> <i>ли́хо одногла́зое</i> <i>лихома́нка</i> <i>не́людь</i>
Хороший, добрый, чуткий, отзывчивый человек			
<i>до́брый</i> <i>доброжела́тельный</i> <i>душе́вный</i> <i>раду́шный</i> <i>ще́дрый</i>			
Робкий, нерешительный, трусливый человек			
<i>боя́зливый</i> <i>ро́бкий</i> <i>трус</i> <i>трусича́</i>	<i>боя́ка</i> <i>за́яц</i>	<i>зассы́ха</i>	<i>задры́га</i> <i>посику́ха</i> <i>ро́бкой</i> <i>тря́сский</i> <i>трясу́шный</i>
Смелый, бойкий человек			
<i>безбоя́зненный</i> <i>бесстра́шный</i> <i>бо́йкий</i> <i>бра́вый</i> <i>сме́лый</i> <i>удало́й</i>	<i>бедо́вый</i> <i>у́харь</i>		<i>безбоя́зный</i> <i>бо́йкой</i> <i>отбо́йный</i> <i>ото́рва</i> <i>сме́ляк</i> <i>у́харень</i>
Непоседа			
<i>подви́жный</i>	<i>егоза́</i>		<i>балахры́с (балахры́ст)</i> <i>балахры́ска</i> <i>веретено́</i> <i>вертихво́ст</i> <i>вертихво́стка</i> <i>верту́шка</i> <i>верче́ха</i> <i>гвоздь в одно́м ме́сте</i> <i>егозу́й</i> <i>задры́га</i> <i>сорви́-голова́</i> <i>чумазе́ня</i> <i>шугу́тно́й</i>

Общеупотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Озорник, озорница; шалун, шалунья; озорничать, шалить			
	<i>ба'ловень баловни'к баловни'ца дури'ть озорни'к озорни'ца сорване'ц хулига'н хулига'нка хулига'нить</i>	<i>балова'ться кочевря'житься на'костить на'костничать шко'да</i>	<i>гулё'на заба'вница шутни'к шутни'ца глуми'ться голове'ситься курале'силь шко'дничать</i>
Забияка, задира			
	<i>драчу'н забия'ка</i>		<i>вздо'рник дра'чник ку'рва (ко'рва) ото'рва шпана'</i>
Беззаботный, легкомысленный человек			
<i>беззабо'тный легкомы'сленный пусто'й</i>			<i>заполо'шный располо'шный хаба'йка</i>
Заботливый человек; заботиться о ком-либо			
<i>внима'тельный забо'титься забо'тливый оберега'ть пе'чься</i>			<i>горба'титься доброде'тельный жа'лостливый жале'ть забо'тный обвола'кивать пекчи'сь попека'ть упека'ть хлопотли'вый</i>
Бесстыдник, бесстыдница			
<i>наха'лка</i>	<i>бессты'дник бессты'дница</i>	<i>бессты'жий оха'льник срамни'к срамни'ца</i>	<i>айяйя'йка влячо'нка позо'рник позо'рница яма'нка</i>
Гуляка, человек, ведущий праздную и разгульную жизнь			
	<i>гуля'ка</i>	<i>гулё'на шату'н шлё'нда</i>	<i>вислю'га моту'н</i>

Общепотребительные слова, функционирующие в литературном языке	Разговорные	Просторечные	Диалектные и диалектно-просторечные
Распутник, распутница			
<i>блудни́ца</i>	<i>беспу́тник беспу́тница</i>	<i>блу́дня гуля́щая потаску́н потаску́ха потаску́шка шлю́ха</i>	<i>лиходе́йка распана́й шату́н шату́шка</i>
Пьяница			
<i>бра́жник пья́ница</i>		<i>алка́ш алка́шка вытиво́ха забулды́га пропо́ец пропо́йца пьянчу́га пьянчу́жка пьянь</i>	<i>булды́га глохту́н глохту́ш гуля́ка забалды́га загу́ла запо́йщик отхо́ды челове́ческие пито́к пропо́йщица пьянь подзабо́рная (подколо́дная)</i>
55 / 19,4%	43 / 15,1%	51 / 18,0%	135 / 47,5%

ПРИЛОЖЕНИЕ 2**Карта Ивановской области (современное административное деление)**

В состав Ивановской области входят:

- 21 муниципальный район,
- 4 городских округа,
- 6 городов областного подчинения,
- 11 городов районного подчинения,
- 31 рабочий поселок.

Административным центром Ивановской области является город Иваново. В 2005 году в ходе муниципальной реформы в Ивановской области был изменен состав районов. Ниже приведено современное административное деление муниципальных районов.

Муниципальные районы:

1. Верхнеландеховский район
2. Вичугский район
3. Гаврилово-Посадский район
4. Заволжский район
5. Ивановский район
6. Ильинский район
7. Кинешемский район
8. Комсомольский район
9. Лежневский район
10. Лухский район
11. Палехский район
12. Пестяковский район
13. Приволжский район
14. Пучежский район
15. Родниковский район
16. Савинский район
17. Тейковский район
18. Фурмановский район
19. Шуйский район
20. Южский район
21. Юрьевоцкий район